Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 8 30 АПРЕЛЯ № 8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—26693. Тираж 70.000 экз.

Тип. газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

За новую, социалистическую организацию труда.

«Именно в настоящее время в России при тех основах политической власти, которые созданы Советской республикой, при тех экономических свойствах, которые характеризуют Россию с ее необ'ятными пространствами и гигантским разнообразием условий,—именно теперь у нас организация соревнования на социалистических началах должна представить собою одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества».

(В. И. Ленин, «Очередные задачи советской власти», «Правда» № 86 (4220) от 14/IV—29 г.).

Грандиозные задачи преобразования всего экономического уклада Советского Союза, направленные к превращению СССР из страны с преобладанием мелкотоварного производства в страну крупной машинной индустрии, требуют такой организации труда в промышленности и в сельском хозяйстве, которая обеспечивает, с одной стороны, достаточно быстрый темп социалистического накопления для нужд народного хозяйства и, с другой — систематическое повышение материального и культурного уровня трудящихся масс. Такая организация труда предполагает не только сознательное отношение масс к производству, но и активное участие их в организационно - техническом преобразовании промышленных предприятий, зерновых фабрик, совхозов, колхозов и т. п. Следовательно, это должна быть такая организации производства, которая, укрепляя в каждом рабочем сознание ответственности за общее состояние и развитие предприятия, — сознание, вытекающее из акта «смены труда подневольного трудом на себя» (Ленин), — должна одновременно открыть широкий выход творческой инициативе рабочих масс в деле рационализации производства и во всем многосложном процессе реконструкции народного хозяйства.

Буржуазные публицисты, склонные видеть все корни прогресса в «благотворном» действии, оказываемом на человеческое общество капиталистической конкуренцией, продолжают иронически отзываться о социалистических утопиях коммунистов, которые при уничто-

жении частной собственности, якобы, не в состоянии будут создать сколько-нибудь значительных стимулов к дальнейшему развитию производительности труда. Еще в «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс вскрыли всю нелепость и беспочвенность утверждений, будто «с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень». Эти прогнозы апологетов капитализма ничем не отличаются от убеждений рабовладельцев, аристократов и крепостников, утверждавших, что рабы и крестьяне могут работать только под палкой и что уничтожение феодализма повлечет за собой безделье, отказ от труда, развал общества. Психология всех обреченных классов, сходящих с исторической арены, одинакова.

В этих рассуждениях буржуазных политиков сказывается и эгоизм класса, борющегося за свое господство, и действительное непонимание природы и внутренней организации социалистического хозяйства, раскрепощающего творческие силы широчайших масс и дающего возможность развернуться пролетарскому почину и самодеятельности в самых различных областях хозяйственного строительства. Уничтожение капитализма и, следовательно, уничтожение капиталистической конкуренции не только не убивает стимулов к дальнейшему трудовому и производственно-техническому под'ему, но, наоборот, мобилизует придушенную капитализмом творческую энергию миллионов рабочих и крестьян, поднимая их на уровень сознательных борцов за лучшую, образцовую организацию производства и выдвигая взамен буржуазной конкуренции принцип социалистического соревнования.

«Социализм, — писал Ленин, — не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами». («Как организовать соревнование», ГИЗ, 1929 г.).

Только в нашей стране, освободившейся от капиталистической эксплоатации, возможны такие явления, как производственные конкурсы, переклички, смотры и соревнования, возможна такая форма участия масс в управлении хозяйством, как производственные комиссии, производственные совещания, производственные конференции и другие формы организации масс вокруг задач повышения производительности труда, пришедшие на смену хищной капиталистической конкуренции.

Вся организация нашей промышленности, обобществленного сектора сельского хозяйства, госаппарата, культурных учреждений и всей советской общественности такова, что по самой своей структуре она рассчитана на активность и инициативу масс и всячески стимулирует организаторскую предприимчивость рабочих и крестьян. Социали-

стическое соревнование должно эту инициативу и активность поднять еще выше и втянуть в социалистическое строительство еще более широкие массы рабочих и крестьян, помножив почин отдельных рабочих и цехов на тысячи и миллионы творческих воль. Именно потому, что наша страна сейчас совершает крупнейший и труднейший перевал на пути реконструкции народного хозяйства, требуется такая внутренняя организация сил рабочего класса, которая стянула бы вокруг задач социалистического переустройства народного хозяйства самые широкие массы трудящихся, в том числе и наиболее отсталые, пассивные и сырые слои рабочего класса.

По мере развития социалистического строительства соревнование станет активнейшим и в то же время неот'емлемым атрибутом всей промышленной и общественной жизни масс. На данной же стадии нашего хозяйственного развития соревнование начинает постепенно входить в жизнь фабрик и заводов, как наиболее действенная форма мобилизации активности рабочих масс в деле реконструкции промышленности и крестьянских масс—в деле социалистического преобразования сельского хозяйства, а также как метод социалистического воспитания самых широких слоев трудящихся.

Социалистическое соревнование, начинающее в данный момент приобретать характер всесоюзного состязания фабрик, заводов, шахт и рудников на образцовую, подлинно-революционную организацию производства, постепенно проникает и в деревню — в совхозы, колхозы и в кооперативные об'единения. Бесспорно, сейчас мы подходим гораздо более близко и в гораздо более широком масштабе к той же проблеме вовлечения миллионных масс в дело повышения производительности труда, к которой мы подходили неоднократно при посредстве «коммунистических субботников», общественных производственных смотров, перекличек предприятий и т. п. Основное назначение комиссий и совещаний—создать и развить трудовой героизм не одиночек и не отдельных коллективов, а *масс*. Привести в движение массу, вызвать в ней революционный производственный энтузиазм — в этом Ленин видел «фактическое начало коммунизма».

«Коммунизм начинается там, — писал Владимир Ильич в брошюре «Великий почин», — где проявляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик».

То, чего удается достигнуть благодаря начинающему сейчас разворачиваться соревнованию, свидетельствует о возможности значительно более глубокого, чем когда бы то ни было, сдвига в широчайших массах, — о том, что партия и вся страна находятся пред началом обширного и последовательного продвижения широким

фронтом рабочих масс на подступах социалистического преобразования не только промышленности, но и сельского хозяйства. О масштабе этого массового под'ема можно судить по тому, что социалистическое соревнование, предпринятое комсомолом и рассчитанное только на рабочую молодежь, на всех крупнейших предприятиях страны стихийно захватило всю рабочую массу и превратилось из движения молодежи в общерабочее дело. К 15 апреля в соревновании находилось уже свыше 100 крупнейших предприятий Ленинграда, Москвы, Донбасса, Днепропетровска, Урала, Нижегородской, Брянской и друг. губерний и всего текстильного района. Соревнование начинает делаться основной формой организации масс, дающей выход одновременно и их производственно-творческим устремлениям и их революционному негодованию против элементов, срывающих этот мощный созидательный порыв. Соревнование способствует созданию образцовых методов работы, образцовых ударных бригад, образцовых цехов и в то же время созданию обстановки организованного коллективного преследования лодырей, прогульщиков, пьяниц, расхитителей заводского имущества и т. п.

Соревнование, как мы видим, с самого начала развивается по тому пути, который Ленин считал единственно соответствующим задачам взращивания «ростков коммунизма», т.-е. по пути энергичной пропаганды лучших образцов работы и решительной травли негодных. Десять с лишним лет назад Ленин подчеркивал ту роль, которую должны играть передовые и сознательные пролетарии по отношению к отсталым, не усвоившим разницы между старой капиталистической и нынешней социалистической фабрикой слоям рабочих. Эта роль состоит не только в повседневном систематическом перевоспитании отсталых полушкурнических элементов, но и в беспощадной борьбе с неисправимыми «жуликами, тунеядцами и хулиганами», а также со всеми теми, которые «теперь хотели бы относиться к народной фабрике, к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше н удрать».

Формы, в которые начинает выливаться нынешнее соревнование, обнаруживают именно эти здоровые тенденции решительной переделки старых рабьих навыков в производстве, воспитания нового сознательного, «хозяйского» отношения рабочих масс к фабрике, к средствам производства, к рационализаторским мероприятиям, ко всей внутренней жизни и организации цеха и предприятия, и настойчивой борьбы со всеми элементами, срывающими революционный темп работы и вносящими в производство разнузданность, расхлябанность, воровство и разложение. Соревнование будит в рабочей массе лучшие инстинкты класса — строителя и руководителя пролетарского государства. Благодаря этому довольно быстро ударные бригады перерастают в ударные цеха и даже в ударные фабрики и заводы. Благодаря этому начинает быстро развиваться особо бережное отношение к станкам, машинам, оборудованию, сырью, вообще заводскому оборудованию, выражающееся в частности в шефстве над станками и в шефстве-контроле над отсталыми цехами. Благодаря этому начинает нарастать пролетарское возмущение прогульщиками, бюллетенщиками, хулиганами и другими «уродами в собственной рабочей семье» и усиливаться борьба с ними. Благодаря этому начинает развиваться рабочая инициатива в деле рационализации производства, проведения экономии, лучшего использования внутризаводских ресурсов, изобретательства и т. п.

Соревнование переводит инициативу и активность масс на очень высокую ступень сознательного участия их в руководстве производством. Соревнование в таком обширном размере, в каком оно начинает выявляться сейчас, возможно потому, что ему предшествовал ряд массовых мероприятий, подготовивших эту высшую форму организации масс. Социалистическое соревнование молодежи переросло во всесоюзное общерабочее соревнование потому, что ему предшествовали многочисленные общественные производственные смотры, в частности всесоюзный смотр производственных совещаний, давшие невиданную раскачку пролетарскому почину в деле организации производства. О размере этой возросшей рабочей активности можно судить по тому, например, что во время смотра на крупнейших предприятиях посещаемость производственных совещаний выросла с 10—30% до 70 — 100%, а число внесенных рабочими предложений о рационализации производства достигло невиданных цифр. Так, например, в Луганске общее число предложений, внесенных рабочими в течение всего истекшего года, составляло 9.500, а во время смотра производственных совещаний, т.-е. в течение трех только месяцев, было внесено 68 тысяч предложений.

Такой исключительный под'ем активности, так сказать, естественно подготовил социалистическое соревнование, как мощное общепролетарское движение за оздоровление производства и в частности за выполнение наиболее важных и актуальных задач, обеспечивающих осуществление народнохозяйственных планов. Социалистическое соревнование, начавшее в своей первоначальной стадии развиваться на довольно широком и разбросанном фронте (при этом некоторые органы печати призывали к организации соревнований между столовыми, кооперативами, школами, клубами и т. п.), отчего ослаблялась ударность этого метода организации масс, впоследствии сконцентрировалось на основных злободневных лозунгах хозяйственного строительства — на лозунгах снижения себестоимости, повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины. Сосредоточение усилий рабочего класса именно на этих задачах вполне целесообразно. Наибольшего эффекта можно добиться только концентрированным ударом масс по так называемым «узким местам», а в настоящих условиях от выполнения плана снижения себестоимости и повышения производительности труда зависит общее выполнение

промфинпланов. Поэтому необходимо и в дальнейшем социалистическое соревнование в промышленности развивать только вокруг этих основных задач улучшения производства.

Это, конечно, не исключает возможности и целесообразности развития соревнования также и в сельском хозяйстве. Предпринятый комсомолом на ряду с социалистическим соревнованием в промышленности поход за урожай в деревне не нашел такого широкого отклика, какой вызвало соревнование фабрик и заводов. Тем не менее, борьба за образцовую постановку совхозов, за примерное ведение сельскохозяйственных коммун, за лучшую организацию труда в колхозах, за наиболее целесообразное использование машин, инвентаря, удобрений и т. п. должна также принять форму настойчивого соревнования в деле социалистического переустройства деревни.

Надо при этом иметь в виду, что соревнование открывает возможность применения новых форм смычки между городом и деревней. Эти новые формы начинают сказываться и в производственно-политических договорах между заводами и деревнями, и в перекличках, и, наконец, опять-таки в соревнованиях. Так, например, ленинградские заводы «Красный Выборжец», им. Карла Маркса, «Светлана», «Красная Заря» и др. вступили в производственное соревнование с подшефными сельсоветами Великолуцкого округа, поставив себе условием в конце года подсчитать, какие заводы лучше выполнят задания по снижению себестоимости и по повышению производительности труда и какие подшефные села больше повысят урожайность.

Метод соревнования, таким образом, может и должен стать основным во всех областях социалистического строительства. Применяя его сейчас особенно интенсивно на различных участках хозяйственного строительства, мы не отказываемся впоследствии использовать его и в области культурного строительства и в общественной работе и т. п. Однако, в настоящих условиях было бы ошибкой распылять силы рабочего класса, отвлекая их от о с н о в н ы х лозунгов социалистического преобразования народного хозяйства. Именно потому, что соревнование является методом активизации широких масс, надо ставить пред ними конкретные и ясные задачи.

Борьба за крепкую социалистическую дисциплину труда, обусловливающую и снижение себестоимости и повышение производительности труда, дает эту конкретность в постановке задачи, понятную и доступную самым широким слоям рабочих. А конкретность задания обеспечивает и реальный результат. Достижение реального результата должно стать основным мерилом правильности организации соревнования. Тут нужно решительно изгнать все элементы маниловского прекраснодушия, болтовни, очковтирательства, трескотни,—всего того, от чего так энергично предостерегал Владимир Ильич в своих статьях о соревновании и что он называл «интеллигентскими побасенками». Надо решительно бороться с подменой участия м а с с в соревновании перекличкой и обменом шумными и пышными декларациями между

отдельными верхушечными организациями. В соревновании нужно избегать беспредметной шумихи и рекламы, обеспечивая главным образом упорную повседневную работу по действительному вовлечению самых широких масс в борьбу за высокую производительность труда, за хорошую организацию производства.

Соревнование только начинает разворачиваться, оно еще в стадии нащупывания путей и каналов, которые будут способствовать его развитию. При этих условиях опасными и прямо вредными были бы попытки внести в это дело элементы централизации и забивать его в колодки определенных организационных схем. В соревновании ценно именно то, что оно способствует разворачиванию широкой пролетарской самодеятельности, и всякие тенденции бюрократически регламентировать эти творческие устремления масс неизбежно будут душить и ломать их самодеятельность. Вот почему, всячески поощряя соревнование заводов, фабрик, шахт, совхозов, коммун и т. п., партийные организации должны решительно оберегать его от всяких проявлений казенщины и чиновничьей опеки.

В то же время эту неограниченную самодеятельность масс необходимо сочетать с максимальной эффективностью и реальностью борьбы за осуществление лозунгов соревнования. Каждый завод, каждый цех, каждый рабочий должны знать, какие задания в процессе соревнования они должны выполнить для того, чтобы получить право итти в ряду лучших, работающих по-революционному, какие задания ставит пред ними на данный отрезок времени, на сегодняшний день задача «догнать и перегнать» капиталистический мир. Это то, что единственно может обеспечить дальнейшее движение вперед «сплошной массой», а не тоненькой шеренгой выдвинувшихся вперед одиночек. И это то, что позволит достигать прочных и серьезных успехов, а не кратковременного внешнего эффекта в деле рационализации производства, систематического развития и повышения технической базы промышленности и последовательного реального улучшения материального положения рабочих.

Социалистическое соревнование способствует созданию того невиданного героизма масс в борьбе за новую подлинно социалистическую производительность труда, о котором Ленин сказал, что это «начало коммунизма». Всемерно поддержать, всячески развивать соревнование — задача и долг всей советской общественности и в первую очередь наших партийных организаций.

Л. Эвентов.

Пятилетний план народного хозяйства в свете развития мирового хозяйства.

I.

XV с'езд партии сформулировал основные регулятивные идеи и дал нашим плановым органам ряд четких директив для руководства при построении пятилетнего перспективного плана, который во многом определит судьбы развития социализма не только у нас, но и во всем мире. Социально-экономическая установка с'езда состоит в том, чтобы после произведенной перегруппировки и расстановки сил в закончившийся восстановительный период начать форсированное наступление социалистического способа производства на более широком и развернутом фронте и обеспечить условия для подлинной реконструкции общества на новой основе. Но не только о внутренних сдвигах думал с'езд. Памятуя о нашей огромной технико-производственной отсталости от передовых капиталистических стран, унаследованной от прошлого, и о том, что мы вступили в эпоху соревнования и борьбы в мировом масштабе двух систем—капиталистической и социалистической,—с'езд с присущим авангарду пролетариата сочетанием социального оптимизма и трезвого реализма подчеркнул необходимость такого движения нашей хозяйственной системы, при котором мы могли бы сначала нагнать, а затем и обогнать передовые капиталистические страны.

Впервые в истории человечество берет на себя столь смелую, столь захватывающую задачу, притом в грандиозном масштабе—на территории, занимающей почти ⅙ земного шара и насчитывающей свыше 8% его населения, и несмотря на бешеное сопротивление внутри и во-вне. Во избежание ошибок и в целях максимального снижения «социальных издержек», необходимо воспользоваться накопившимся историческим опытом капиталистического развития, исходя из указания Маркса о том, что передовые страны обычно указывают путь молодым и отсталым странам, хотя в данном случае это указание, по понятным причинам, терпит ряд существенных ограничений.

Опубликованный Госпланом СССР пятилетний план народного хозяйства перевел, по выражению авторов плана, общие политико-экономические установки и директивы партии на язык конкретных экономических и технико-экономических расчетов и превратил их в конкретную программу хозяйственного строительства на предстоящее пятилетие. Ниже мы полагаем рассмотреть основные установки плана на фоне развития и достижений мирового хозяйства, так сказать, через «окно на Запад», чтобы, с одной стороны, под этим аспектом проверить правильность взятого н а п р а в л е н и я развития и, с другой стороны, оценить план с точки зрения партийной директивы — нагнать, а затем и перегнать передовые капиталистические страны, — т.-е. м а с ш т а б о в развития.

Пятилетний план берет резкий курс на индустриализацию, усиливая удельный вес промышленности в народном хозяйстве за счет сельского хозяйства, при одновременном значительном росте последнего, а в промышленности усиливая тяжелую индустрию за счет легкой и особенно форсируя отрасли, связанные с механизацией и энергофикацией производственных процессов. Он предусматривает вместе с тем определенные прогрессивные сдвиги в сельском хозяйстве, которые должны обеспечить промышленность сырьем, а население—продовольствием. Это предполагает определенную зависимость и связь между ростом народонаселения и сельского хозяйства, с одной стороны, и между всеми отраслями народного хозяйства в целом, с другой стороны.

Для выявления обнаруживающихся в этой области закономерностей и связей обратимся к историческому развитию С. Штатов. Сопоставление с этой страной диктуется рядом соображений. Едва ли какая-либо другая капиталистическая страна имеет столько сходств с СССР (разумеется, речь идет только о естественных и технико-производственных аспектах), как С. Штаты, несмотря на различия современных у р о в н е й обеих стран. Характер территориальной экспансии, темп роста народонаселения, структура продовольственной и сырьевой базы, соотношение сельского хозяйства и промышленности, движение от аграрно-индустриального типа развития к индустриально-аграрному, тожество производственно-технических проблем в связи с размерами территории и населения (проблемы районирования, товарооборота, транспортной системы и т. д.), соотношение внешнего и внутреннего рынка—все это крайне сближает обе страны в том условном смысле, на который указано выше.

Для сопоставления мы воспользуемся данными с 1879—1880 г., во-первых, потому, что с этого периода имеются систематические экономические показатели, характеризующие хозяйственное развитие С. Штатов, во-вторых, еще потому, что по важнейшим народнохозяйственным измерителям, как национальный доход, установленная мощность первичных двигателей, добыча угля, выплавка чугуна и т. д., этот период близко подходит к начальным годам пятилетки. Это даст нам представление не только о путях развития, но и о масштабе нашего отставания, которое мы должны пройти, чтобы стать рядом с самой передовой капиталистической страной.

С 1879 г. имеются сопоставимые показатели темпа роста населения, сельского хозяйства и горного дела, которые мы сопоставим также и с отдельными репрезентативными сельскохозяйственными культурами—пшеницей и хлопком, а из горнодобывающей промышленности—с добычей угля и нефти и выплавкой чугуна.

Индексы физического об'ема различных отраслей американского производства по сравнению с индексом населения [1]).

Г о д ы	Население	Сельское хозяйство	Пшеница	Хлопок	Горное дело	Уголь	Чугун	Нефть
1879	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	199,9	230,5	198,5	294,5	854,6	1.114,5	849,0	1.331,5
Средний геометрический прирост в год за период 1879—1914	2,0	2,4	2,0	3,1	6,3	7,1	6,3	7,7

[1]) Данные проф. Эдмунда Дэя и Уоррена Пирсонса, см. Harvard's Review of Economic Statistics and Supplements, 1920. «An index of the Physical Volume of Production» Последующие данные, если нет оговорки, также принадлежат этим авторам. Приросты исчислены нами.

Приведенные данные показывают прежде всего крайне быстрый рост населения в С. Штатах, удвоившегося за рассматриваемые 34 года. Средний геометрический прирост составлял в год 2%, что немного уступает запроектированному в «пятилетке» приросту населения в 2,3%, но при этом следует учесть большую роль иммиграции в С. Шт., достигавшую в довоенное десятилетие 800 тыс.—1 млн. человек в год и увеличивавшую естественный прирост, а также значительную разницу в абсолютных цифрах обеих стран. Далее легко заметить из таблицы, что сельское хозяйство развивалось в уровень с ростом населения, слегка обгоняя его, при чем пшеница (а из технических культур—табак, льняное семя) шла немного ниже общего сельскохозяйственного индекса, но в уровень с ростом населения, а хлопок был выше не только пшеницы, но и с.-хоз. индекса. Более быстрое развитие производства хлопка, чем пшеницы, об'яснялось не одним только спросом американской текстильной индустрии, но главным образом растущей емкостью внешнего рынка, который поглощал около 50% всего производства хлопка. Общей характерной чертой американского сельского хозяйства за рассматриваемый период как в области производства технических, так и в области зерновых культур является экстенсивный тип развития, т.-е. главным образом за счет освоения новых площадей и в незначительной степени за счет повышения урожайности.

В области горнодобывающей промышленности мы видим рост, значительно обгоняющий (в 2,5—3 раза) рост населения и сельского хозяйства, что указывает на быстрый темп индустриализации. В пределах всего горного дела выплавка чугуна шла в ногу с индексом всей отрасли в целом, добыча же угля и нефти развивалась более высоким темпом, так как к топливной промышленности пред'являлся все повышающийся спрос со стороны железнодорожного транспорта, а с начала XX века—и со стороны автомобильного транспорта.

Чтобы дать представление о динамике обрабатывающей промышленности и ее важнейших отраслей, приводим ниже сопоставимые данные физического об'ема обрабатывающей и добывающей промышленности и отдельных промышленных отраслей по сравнению с индексом сельского хозяйства и населения за период 1899—1919 гг.

Индексы физического об'ема обрабатывающей и добывающей промышленности по сравнению с индексом сельского хозяйства.

Годы	Население	Сельск. хоз.	Добывающ. промышл.	Обрабатыв. промышл.	Железная и стальная промышленн.	Цементная промышл.	Автомобил. промышл.	Текстильная промышл. (потребление хлопка)
1899	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1919	139,7	137,6	228,4	195,3	223,5	1.419,5	313.225,5	171,4
Средний геометрический прирост в год за период 1899—1919	1,7	1,6	4,2	3,4	4,1	14,2	49,6	2,7

Как показывает приведенная таблица, рост населения в С. Штатах за период 1899—1919 гг. значительно замедлился по сравнению с периодом 1879—1914 гг., составив в год 1,7%. В этом уменьшении сказалось резкое ограничение иммиграции, введенное после мировой войны, и падение естественного прироста. Темп роста сельского хозяйства также замедлился, сохраняясь в общем на уровне прироста населения, что косвенно свидетельствует о продолжающемся процессе индустриализации страны. Для последнего особенно характерно, что промышленность резко обгоняет обоих, при чем

темп добывающей промышленности, хотя и весьма замедленный по сравнению с предыдущим периодом, но более высокий, чем обрабатывающей, а в последней—легкая индустрия (текстильная, а также обувная) ниже среднего уровня промышленного развития и только немного превышает прирост населения, поэтому в результате такой динамики продукты широкого потребления указанных отраслей почти не дают прироста на душу населения; тяжелая промышленность идет темпом, значительно обгоняющим средний промышленный темп. Бросается в глаза высокий темп цементной промышленности (а также стекла и других стройматериалов), достигающий в среднем 14% в год, при чем в течение первой половины рассматриваемого периода прирост составлял в год 30—40%, но к концу периода уже ощущались признаки перепроизводства цемента. Это указывает на крупное развитие строительства, в особенности связанное с быстрым ростом городов. Рекордный темп обнаруживает автомобильная промышленность и все, что с ней связано, особенно нефтеперегонная и производство резиновых шин.

Вытеснение ручного производства механическим в С. Штатах достигло почти предела. На базе электрификации и химизации преобразована энергетическая база страны. Сельское хозяйство вслед за промышленностью быстро индустриализуется, захватив переработку масла, сыра, конденсированного молока, промышленную переработку мяса, использование отбросов и т. д. Только свежее молоко и свежие растительные продукты являются в настоящее время единственными продовольственными продуктами, которые доходят до потребителя без промышленной обработки. Другой сферой, в которую все больше вторгается в настоящее время фабричная промышленность, является домашнее хозяйство. Особенно большую роль в этом отношении играет распространение электрических приборов: стиральных машин, пылесосов, холодильников и т. п., вытесняющих домашний труд.

Крайне существенные тенденции наметились в динамике американской обрабатывающей промышленности за самый последний период, что обнаруживается из следующего сопоставления:

Динамика америнанской обрабатывающей промышленности 1899—1927 гг.[1])

Процентный прирост или уменьшение (—)	1899—1925 гг.	1919—1925 гг.	1923—1925 гг.	1925—1927 гг.
Индекс физического об'ема	174,6	28,5	5,3	1,0[2])
Среднее количество рабочих	79,9	— 6,8	—4,4	—0,4
Мощность первичных двигателей (лош. сил)	256,5	22,0	8,2	9,1

За 26 лет мощность основного капитала, выражающаяся в механической силе двигателей, увеличилась на 256%, значительно опередив увеличение производства, которое составило за этот же период 175% при росте населения на 54%, что дает на душу населения рост продукции на 80%. Темп производства, в свою очередь, опередил прирост рабочей силы, достигший всего лишь 80%, при чем с 1919 г. происходило систематическое вытеснение живой силы из производства. Динамика промышленного производства замедлилась. Пятилетка 1923—1928 гг. является самой низкой из всех предыдущих, за исключением 1909—1914 гг. Замедленный темп производства, снизившийся с 4,0% в год за период 1899—1925 гг. до 2,6% в 1923—25 гг.

[1]) The Growth of Manufactures 1899—1923 by Edmund Day and Woodlief Thomas, Census Monographs VIII; 1925—1927 гг.—предварительные данные промышленного ценза за 1927 г.

[2]) По данным Федер. Рез. Совета.

и до 0,5% в 1925—27 гг., оказывается недостаточным для поглощения рабочих, «освобождаемых» процессом механизации и автоматизации, и фермеров, бросающих свои фермы. С другой стороны, условия обостренной конкуренции, стимулируя потребность в повышении производительности труда, толкают к ускоренной моральной амортизации и к росту основного капитала—количественному и качественному—более быстрому, чем рост производства. Мы видим, из таблицы, что темп ежегодного прироста капитала составлял 5%, т.-е. обгонял темп роста продукции, в результате чего между мощностью основного капитала (производственной способностью) и реальным уровнем производства углубляется диспропорция. Это противоречие внешне проявляется в недостаточной нагрузке основного капитала, в уменьшении его эффективности, в расхождении между потенциальными и реальными возможностями производства, с одной стороны, и в устойчивом высоком уровне безработицы, с другой. В результате, несмотря на быстрый рост производительности труда на 1 рабочего, продукция на единицу капитала падает.

Обрисованные нами противоречия и расточительство не являются исключительным достоянием американской промышленности. Эти болезни еще легче обнаружить в других капиталистических странах, где этот процесс начался гораздо раньше и развивается интенсивнее.

Интересно отметить динамику структуры американского хозяйства в связи с уже известной нам динамикой производства и населения.

% распределение продукции сел. хоз., обрабатывающей и горнодобывающей промышленности [1]).

Годы	Всего	Стоимость сел.-хоз. продукции	„Прибавленная" стоимость (value added) обрабатывающей промышл.	Стоимость горной продукции
1850	100	71,5	26,5	1,9
1870	100	56,3	40,1	3,5
1899	100	45,6	46,7	7,7
1919	100	42,6	51,0	6,4

Приведенные данные вполне подтверждают наши предыдущие производственные показатели. Процесс индустриализации отражается в систематическом снижении удельного веса сельского хозяйства и в возрастающем значении обрабатывающей промышленности, которая в конце XIX в. впервые опережает продукцию сельского хозяйства. Также соответствует этапам индустриального развития более быстрый темп горной продукции, чем обрабатывающей промышленности, в ранний период капиталистического развития и обратное соотношение—в позднейшую эпоху, когда труд, благодаря механизации, в значительной степени преодолел ограничения органического мира.

Сопоставление распределения населения по занятиям обнаруживает аналогичные сдвиги.

% распределение самодеятельных в Соед. Штатах [2]).

Занятия	1910 г.	1920 г.
Сельское хозяйство	33,2	26,3
Обрабатывающая и горная промышл.	30,3	33,4
Торговля и транспорт	16,4	17,6
Прочие	20,1	22,8

[1]) Thorp., Willford L—The Integration of Industrial Operation (Census Monograph, № 3), Wвshington 24.

[2]) 14-ый ценз, 1923 г.

Приведенные данные показывают, что по числу занятых промышленность лишь с 1920 г. заняла первое место и опередила сельское хозяйство. Интересно также, что более ⅔ населения было занято в 1920 г. в непроизводственных занятиях.

II.

Рассмотрим теперь, отвечает ли пятилетний перспективный план выявленному нами выше характеру индустриального развития передовой капиталистической страны. Это видно из следующей краткой сводной таблицы:

Показатели пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

(% приросты за 5 лет—1932/33 г. к 1927/28 г.).

	Отправной вариант	Оптимальный вариант
Население	11,8	11,8
Прирост занятых	18,2	—
Валовая продукция планируемой промышленности (в неизменных ценах)	135	181
в том числе гр. А (средства производства)	175	235
„ „ „ Б (предметы широкого потребления)	109	144
Продукция земледелия (в неизменных ценах)	142	154,5
Национальный доход (физич. об'ем)	79,7	101,6
На душу населения „ „	60,7	—

Одной из предпосылок хозяйственного развития является динамика населения, служащего резервуаром рабочей силы и фактором рыночного равновесия. Мы видим из приведенных данных, что ожидаемый прирост в среднем за год в 2,3% почти вдвое выше довоенной России и в 3½ раза превышает средний прирост по всей Западной Европе, при чем абсолютный годовой прирост (3,5 млн. душ) на целый миллион обгоняет абсолютный прирост стран Западной Европы. Повидимому, тут также оправдывается положение Маркса, что всякому историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение законы населения. Нет сомнения, что для переживаемого нами переходного периода—от капитализма к социализму — постепенно выкристаллизовывается своя специфическая динамика народонаселения, хотя новое пока еще густо перемешано со старым, при чем, как известно, сдвиги в этой области народного развития происходят крайне медленно. Все это несет с собой дополнительные трудности для «современного» момента, являясь в то же время зарядом для бурного развития в будущем.

Сопоставляя верхнюю строчку приведенной таблицы со следующей, мы должны зафиксировать крайне существенный прогрессивный сдвиг, запроектированный пятилеткой. Несмотря на огромный прирост населения в 11,8% за 5 лет, число занятых опережает эту цифру, давая к концу пятилетия прирост в среднем по всем группам в 18,2%, а одних только производственных групп даже 20,9%. Это служит масштабом строительства народного хозяйства в течение 5 лет, обеспечивающего заметное снижение безработицы в городе и деревне (аграрное перенаселение).

Сопоставление темпов продукции по группе А и Б свидетельствует, что курс на индустриализацию взят прочно. Этому соответствует и направление капитальных вложений, в результате чего структура основных фондов обнаруживает следующую динамику:

Структура фондов в %% к итогу к концу года.

Отрасли народного хозяйства.	1927/28 г.	1932/33 год	
		Отправн.	Оптим.
Промышленность	13,6	20,9	22,5
Электрификация	1,4	3,7	4,0
Транспорт	16,7	17,1	17,1
Сельское хозяйство	41,0	32,3	29,6
Жилфонд	17,1	13,2	12,6
Прочие	10,2	12,8	14,2

Какие сдвиги произойдут в народном хозяйстве за 5 лет, еще более отчетливо видно из динамики структуры народного дохода, которую мы сопоставляем с С. Штатами и Германией.

Структура народного дохода САСШ, Германии и СССР (в %% к итогу) [1].

Отрасли народного хозяйства.	С. Штаты		Германия		СССР.		
					1927/28 г.	1932/33 год	
	1918 г.	1923 г	1913 г.	1925 г		Отпр.	Оптим.
Сельское хозяйство	29,2	17,2	23,4	23,2	46,1	40,5	39,3
Промышленность и строительство	48,2	53,4	51,9	58,1	37,8	42,2	42,7
Транспорт и связь	11,0	13,6	10,4	18,6 (транспорт и связь + торговля)	5,1	5,8	6,0
Торговля	11,6	15,8	14,3		11,0	11,5	12,0

Мы видим, что и у нас, по примеру передовых индустриальных стран, промышленное производство займет первое место в балансе народного труда, но в более короткий срок, при чем в самой промышленности центр тяжести перемещается в сторону руководящей роли тяжелой индустрии. Табличка в то же время обнаруживает отставание транспорта в общем народном балансе по сравнению с развитыми капиталистическими странами.

III.

Итак, оценивая пятилетний план с точки зрения намеченного им направления хозяйственного развития, следует констатировать в свете опыта передовых капиталистических стран, что этапы индустриального развития СССР намечены правильно и соответствуют механизированному и автоматизированному характеру современного массового стандартизованного производства. Но, с другой стороны, нас интересует вопрос о том, каковы масштабы движения нашей хозяйственной системы по намеченному пути, иначе говоря, как обеспечивается пятилетним планом партийная директива «нагнать, а затем и обогнать передовые капиталистические страны».

Для ответа на поставленный вопрос мы должны сопоставить обе хозяйственные системы—социалистическую и капиталистическую—в их движении. Скорость движения измеряется темпом. Сопоставляя фактические темпы развития производства в СССР, запроектированные пятилетним планом, с темпами С. Штатов — самой передовой капиталистической страны,— мы обнаруживаем огромное превосходство социалистической формы хозяй-

[1]) Данные для Соед. Штатов—National Wealth and Income, 1926; для Германии—Prof. Wagemann—Die Konjunkturlehre, 1928.

ства, обеспечивающей даже на отсталой технической основе в среднем пяти-кратное развитие производительных сил по сравнению с капиталистической формой.

Но в экономическом соревновании решающую роль играют массы продукции, поэтому темпы хотя и необходимое условие, но недостаточное. Для правильного учета движения сравниваемых хозяйственных систем следует сопоставить не только их темпы, но учесть и уровни достигнутого развития производительных сил. Только при том условии, когда достаточен уровень и хороши темпы, обеспечена возможность «нагнать», ибо произведение темпа на уровень дает абсолютный прирост, что и является решающим при сопоставлении за данный отрезок времени народного хозяйства различных стран. История показывает, что Соед. Штаты и Германия только тогда нагнали, а затем и обогнали Англию, когда уровень состояния производительных сил обеих стран достиг значительной высоты.

Из нашего недавнего прошлого легко усмотреть, что, несмотря на очень хорошие темпы, мы все же отставали от передовых капиталистических стран. Воспользуемся сопоставлением Лиги Наций, которая исчислила развитие мирового производства по индексу производства важнейшего промышленного сырья и продовольствия. В 1924 г. индекс производства важнейших видов сырья и продовольствия (это отражает в свою очередь развитие производства) для Европы без СССР по отношению к довоенному времени, принятому за 100, составлял 92, а с СССР—89, т.-е. СССР снижал европейский уровень, что свидетельствовало о нашем отставании в то время. В 1925 г. Европа без СССР дает 101, Европа с СССР—102, следовательно, мы уже нагоняли; в 1926 г. Европа без СССР—92, Европа с СССР—98. Тут мы нагоняли еще быстрее, но при этом следует учесть, что при больших темпах в СССР в этом году в капиталистических странах темпы значительно замедлились вследствие забастовок в Англии и промышленного кризиса в Германии, хотя это отчасти компенсировалось ростом в Соед. Штатах и Франции. Для 1927—28 г. данных Лиги Наций еще не имеется, но сопоставление добычи угля, выплавки стали, чугуна и т. д. показывает, что этот процесс продолжается. Так, добыча угля в Европе без СССР составляла в 1926/27 г. в %% к мировому итогу 43,6%, а включая СССР—46,1%; в 1927/28 г. цифры соответственно составляли 47,4% и 50,5%; выплавка стали в 1926/27 г.—46,3% и 50,2%, в 1927/28 г.—46,5% и 50,7%; выплавка чугуна в 1926/27 г.—46,8% и 50,5%, в 1927/28 г.—49,1% и 53,2%. Таким образом, мы догоняем, хотя еще в очень скромных пока размерах.

Сопоставление с передовыми странами обнаруживает крайне низкий уровень состояния производительных сил в СССР, что является наследием прошлого. Наиболее неблагоприятным моментом является структура нашего трудового баланса. В статье «Энергетика и социалистическая реконструкция» («План. Хоз.» кн. 1, 1929 г.) тов. Кржижановский правильно выдвигает как генеральную линию нашего строительства обобществленную энергетику, т.-е. гармоническое сочетание живого труда и механической силы. И вот, если с точки зрения обобществленной энергетики взглянуть на структуру нашего трудового баланса, то мы увидим огромное преобладание живой силы над механической, что ставит нас в разряд таких отсталых стран, как Китай, Индия и т. п.

Наше отставание в области энергетики видно из следующих цифр. По исчислениям Лоу, редактора американского журнала «Поуэр», мощность первичных двигателей (со включением автомоторов) по главнейшим странам распределяется следующим образом (л. с.): С. Штаты — 704 млн., Англия — 175 млн., Германия — 175 млн. и Франция — 70 млн., всего 1.124 млн. Вся

же мощность СССР в 1927/28 г. равнялась примерно 33,5 млн. Интересно при этом сопоставление мощности в отдельных отраслях хозяйства в СССР и С. Штатах.

	С. Шт. (1923)	СССР (1927/28)	
	В миллионах лош. сил		
Автомобили	507,3	0,3	
Ж.-д. транспорт	74,6	8,2	
Электр. центр. станции	22,0	1,2	(район. и местн. станции).
Промышлен. (обрабатыв. и горная) без тока со стороны	24,7	1,7	
С. хоз. (скот и мех. двигат.)	18,3	21,3	
Суда	10,3	0,8	
Электрич. ж. д.	4,1	—	
Орошение	1,3	—	
Итого	662,6	33,5	

Даже без автомобилей мощность С. Штатов в 5 раз выше, чем в СССР, а за вычетом сельского хозяйства, в котором огромную роль играет скот, даже в 11 раз.

Сопоставляя данные энергетики с численностью населения в сравниваемых странах, мы получаем еще менее благоприятную картину для СССР.

С другой стороны, структура живой силы также крайне неблагоприятна. Подавляющая масса живой силы сосредоточена у нас в сельском хозяйстве, т.-е. в той сфере, где труд менее производителен. По переписи 1926 г. из общего числа самодеятельных (вместе с помогающими членами семьи) около 83% было занято в сельском хозяйстве, которое дало в 1927/28 г. только 48,7% национального дохода. По произведенным нами подсчетам производительность сельскохозяйственного труда у нас, примерно, в 5 раз ниже производительности промышленного труда, исходя из расчета произведенной чистой ценности на одного трудящегося.

Сопоставляя же производительность нашего как сельскохозяйственного, так и промышленного труда с трудом американским, мы получаем, что в С. Штатах труд в сельском хозяйстве в 2 раза, а в промышленности в 3—3,5 раза соответственно выше, чем у нас; соотношение же с.-х. и промышленного труда в Соед. Штатах составляет 1 : 2,7. Конечно, при сопоставлении СССР и САСШ следует учесть значительные колебания в отдельных отраслях. Так, производительность труда углекопа в С. Штатах в 6 раз выше, чем у нас, в нефтеобрабатывающей же промышленности — только на 20%.

Технический уровень нашей цензовой промышленности также крайне отстает в количественном отношении от передовых стран, что видно из следующей таблицы:

Страны	Мощность в млн. лош. сил	Число занятых в млн.	Мощность мех. двиг. на 1 занятого	Удельный вес эл.-моторов в механ. силе	Удельный вес эл.-моторов чужого тока в общей сумме электромот.	Механизация угледобычи
С. Штаты (1925 г.)	35,7	8,3	4,3	73,0	63,9	80,6
Англия (1924 г.)	16,0	7,6	2,0	50,8	28,6	25,3
Германия (1925 г.)	18,1	12,7	2,1 [1]	65,3	40,0	80,8
СССР (1926/27 г.)	3,4	2,4	1,4	55,0	50,0	29,0

[1]) Для цензовой промышленности; для всей промышленности—1,4.

Из приведенной таблицы видно, что установленная мощность в обрабатывающей промышленности С. Штатов (со включением горной мощность ее достигает свыше 40 млн. лош. сил) в 11 раз превышает мощность двигателей в нашей цензовой промышленности, а по числу занятых превышение составляет около 3,5 раз. По отношению к другим странам разница понижается, но все же она довольно значительна. Однако, в качественном отношении, т.-е. с точки зрения структуры, наша промышленность отстает уже значительно меньше, в особенности по сравнению с западно-европейскими странами. В то время как в Германии мощность механических двигателей на 1 занятого в цензовой промышленности составляет 2,1 лош. сил, в Англии — 2 лош. сил, у нас — 1,4 лош. сил. Удельный вес электромоторов в механической силе: в С. Штатах — 73,0%, в Англии — 50,8%, в Германии — 65,3%, в СССР — 55%. Удельный вес электромоторов чужого тока (с районных электростанций): С. Штаты — 63,9%, Англия — 28,6%, Германия — 40% и СССР — 50%. Но распределение мощности первичных двигателей в промышленности и электростанциях общественного пользования к общему итогу мощности первичных установок у нас менее благоприятно.

Удельный вес мощности двигателей в суммарной мощности первичных установок (в %).

	В промышленности	В электростанциях общеcтв. пользования
СССР (1925/26 г.)	77	23
С. Штаты (1925 г.)	37	63
Англия (1924 г.)	64	36
Канада	36	64

Эти данные в общем показывают, что план электрификации, начатый по замыслу Ленина, уже обеспечил повышение технического уровня нашей промышленности, хотя в этом отношении еще предстоит огромная строительная работа.

Если сопоставить капиталистические страны с нами с организационной стороны, то тут перевес целиком на нашей стороне. В СССР достигнута максимальная централизация, ибо все формы «капитала» у нас объединены и составляют единое целое, тогда как в капиталистических странах они обособлены и антагонистичны, сливаясь только в форме финансового капитала, но и в последнем случае противоречия между различными ответвлениями капитала остаются, ибо сохраняется противоречивая основа капиталистической частной собственности. Если еще учесть, что наше хозяйство ведется по плану, который даже при имеющихся ограничениях обеспечивает рационализацию хозяйственной деятельности в неслыханных размерах и более эффективное использование народных ресурсов, чем в капиталистических странах, то с этой стороны мы, несомненно, стоим на передовом месте, и это открывает перед нами большие возможности в виде резервов для роста производительных сил. Эти перспективы еще более раздвигаются благодаря тому, что плановое хозяйство обеспечивает использование производительных сил не только в функциональном, но и в территориальном отношении, распространяя путем районирования сознательное общественное воздействие и на естественные силы.

Если сопоставить уровень производства в СССР и капиталистических странах по сравнению с 1913 г., то оказывается, что Англия еще не достигла довоенного уровня, отставая от него в 1928 г. примерно на 10%. Германия, несмотря на свои огромные рационализаторские достижения и на неслыханный прилив иностранного капитала, достигла всего 104% от довоенного уровня, Франция — 126%, в Америке добывающая промышленность — 148%, а обрабатывающая — 167% с превышением.

В отраслевом разрезе наиболее депрессивной отраслью в мировом хозяйстве является судостроение, которое стоит лишь на уровне 76% от довоенного; уголь стоит примерно на довоенном уровне, дальше идут в последовательном порядке и с значительным превышением над довоенным уровнем хлопок, чугун, олово, свинец, цинк, сталь, медь, алюминий, автомобили и искусственный шелк. При этом для правильной оценки, кроме того, следует иметь в виду, что с 1913 г. мировое народонаселение возросло на 7%, что еще более увеличивает отставание капиталистических стран от довоенного уровня.

В СССР индекс физического об'ема производства составляет примерно около 120% от довоенного. Но если сопоставить по основным отраслям производства, то положение СССР окажется менее благоприятным. За исключением угля, который составляет 118% от довоенного, такие отрасли, как выплавка чугуна и стали, у нас еще не достигли довоенного уровня, при чем довоенный уровень России был очень низкий. Если сопоставить наши показатели за 1927/28 г. по национальному доходу и мощности капитала с С. Штатами, чтобы дать представление о том, какое расстояние нас отделяет в настоящее время от передовых стран, то окажется, что мы отстаем от С. Штатов на 50 лет. Вот расстояние, какое мы должны пройти, чтобы стать рядом с самой передовой капиталистической страной!

Как же теперь обстоит с перспективой «нагнать и обогнать»? Для ответа на вопрос мы должны получить измерители хозяйственного развития капиталистического мира, что требует от нас *качественного и количественного* прогноза ближайших судеб мирового хозяйства.

Что касается качественного прогноза, то он базируется на выявленной послевоенной динамике хозяйственного развития как С. Штатов, так и более старых капиталистических стран. Эта динамика указывает, что при оценке мирового хозяйства следует исходить из предпосылки *замедления темпа роста производительных сил капитализма в крупнейших индустриальных странах.*

К такому прогнозу присоединяются и наиболее проницательные буржуазные экономисты. Так, на с'езде «Союза социальной политики» в Цюрихе осенью прошлого года Зомбарт, «приподнимая завесу будущего» перед многочисленной аудиторией ученых, исходил, в свою очередь, из предпосылки замедленного индустриального развития наиболее передовых капиталистических стран, в том числе и С. Штатов. Только в соответствии со своей апологетической сущностью Зомбарт полагает, что капитализм вступил в «спокойную и ровную» старость, в бескризисное существование. Однако, не приходится долго доказывать, что намеченная им перспектива капиталистического развития как раз предполагает обратное, так как она ведет к накоплению под капиталистической оболочкой огромного взрывчатого материала в виде расширенного воспроизводства классовых противоречий. Оппоненты Зомбарта из буржуазного лагеря, настроенные более оптимистически, не решались отрицать основное положение Зомбарта — о замедленном развитии производительных сил в капиталистических странах — и доказывали только, что «у капитализма есть еще возможности».

Этот процесс в старых капиталистических странах (Англия, Франция) начался еще в последней четверти XIX в., а в более молодых странах (С. Штаты) только в последние годы. Единство этого процесса, накладывающего свой отпечаток на все мировое хозяйство в целом, выражается в тенденции к «американизации Европы и европеизации Америки». При чем различные перемены экономической погоды в виде колебаний кон'юнктуры ничего не изменяют в происходящем процессе, так как кон'юнктурные под'емы сопровождаются кон'юнктурными же падениями, что в конце концов уравновешивает противоположные колебания капиталистической динамики. Тенден-

ция замедленного темпа роста производительных сил мирового капитализма также не нарушается и действием закона неравномерного развития как отдельных стран, так и отдельных отраслей. Ссылка на перемещение центра тяжести капитализма в виду индустриализации отсталых стран, как на фактор, способствующий более ускоренному росту производительных сил мирового капитализма, не может быть признана основательной. Будет ли капитализм «цветным», как думает Зомбарт, или он останется «белым», наше утверждение от этого не колеблется. В действительности индустриализация отсталых стран, развившаяся во время войны очень быстро, с 1920 г. замедлилась. Кроме того, по своему удельному весу и типу своей индустриализации (развитие главным образом текстильной индустрии за счет вытеснения домашней промышленности) развитие этих стран не может существенно изменить общее состояние мирового хозяйства.

Но *качественный* прогноз требует дополнения в виде *количественного* прогноза для того, чтобы стало возможным сопоставление мировых показателей с проектировками пятилетнего плана СССР. Сочетая поэтому экономическую экспертизу, основанную на изучении отдельных отраслей и основных тенденций капитализма в целом, с методом экстраполяции, т.-е. условно допуская, что существующие условия капиталистического развития будут воспроизведены, и соединяя таким образом работу экономиста с работой статистика, мы получаем количественное выражение интересующих нас процессов. При этом мы отдаем себе ясный отчет в приближенности цифровых величин, однако, по совокупности имеющихся у нас данных склонны считать их скорее преувеличенными, чем преуменьшенными.

Пятилетний отправной план намечает такие темпы и отправляется уже от такого уровня, что директива «нагнать», а затем и «обогнать» в *первой* своей части становится вполне реальной. Что касается намеченных темпов, то они превышают темпы крупнейших капиталистических стран и средний мировой в несколько раз. Это видно из следующей таблицы:

Темпы производства за 5 лет в СССР и капиталистических странах. 1933 г. в %% к 1928 г

Страны	Горная (добыча каменного угля)	Металлургия (выработка стали)	Текстильная (потребление хлопка [1])	Транспорт (погрузка железных дорог)	Электроснабжение	Нефтепромышленность (добыча нефти)	Химическ. (выработка азота без включения чилийской селитры)
Соед. Штаты	105,0	111,0	108,0	107,0	147,0	162,0	—
Англия	105,0	105,0	104,0	105,0	—	—	—
Германия	115,0	127,0	111,0 (Германия и Франция вместе)	105,0	138,0	—	—
Франция	129,0	140,0		108,0	—	—	—
Весь мир	112,0	118,0	111,0	—	—	153,0	183,0
СССР [2] Отпр. вар.	193,8	199,8	173,0	167,3	450,0	167,0	7.086,9
СССР [2] Оптим. вар.	216,9	250,4	188,8	186,6	583,3	191,5	11.434,8

Из приведенных данных видно, что темпы производства за 5 лет не только по оптимальному варианту, но и по отправному превысят темпы указанных в таблице стран по перечисленным отраслям. Но как мы уже указывали, проблема «нагнать и перегнать» решается не одними только темпами. Необходимо принять во внимание также и уровни. В отношении довоенного уровня динамика видна из следующего сопоставления:

[1]) Потребление хлопка дано за 1927/28 и 1932/33 хлопковые годы (с 1/VIII по 31/VII); Германия и Франция об'единены в целях устранения влияния границ.

[2]) По СССР 1927/28 и 1932/33 хоз. годы.

Индексы важнейших отраслей.

Страны.	Добыча угля		Выработка стали		Потребление хлопка	
	Процентные отношения					
	1928 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.	1928 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.	1927/28 г. к 1913 г.	1932/33 г. к 1913 г.
	1913 г. = 100				1927/28 г. = 100	
С. Штаты	99,9	105,0	164,6	182,0	117,1	127,0
Англия	82,7	87,0	111,2	118,0	67,9	71,0
Германия	107,2	123,0	123,2	157,0	101,0 [1] (Германия и Франция)	112,0 [1] (Германия и Франция)
Франция	117,4	152,0	134,8	189,0		
Весь мир	100,4	112,0	145,0	170,0	111,3	123,0
СССР Отпр. вар.	119,0	230,6	97,8	195,4	105,1	181,0
СССР Оптим. вар.	—	258,2	—	244,9	—	198,3

Страны.	Погрузка ж. дорог		Электро-снабжение	Добыча нефти	
	Процентные отношения				
	1928 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.	1928 г. к 1913 г.	1933 г. к 1913 г.
	1913 г. = 100		1928 г. = 100	1913 г. = 100	
С. Штаты	131,6	138,0	147,6	361,3	567,0
Англия	75,4	79,0	—	—	—
Германия	109,6	115,0	128,0	—	—
Франция	120,4	126,0	—	—	—
Весь мир	—	—	—	324,2	496,0
СССР Отпр. вар.	113,7	190,0	450,0	123,0	205,0
СССР Оптим. вар.	—	211,9	583,3	—	234,9

Из приведенных данных видно, что по отношению к довоенному уровню индексы СССР, за исключением индекса нефтедобычи, выше всех остальных стран. По нефтедобыче С. Штаты окажутся впереди.

Еще более отчетливое представление о динамике соревнования обеих систем — социалистической и капиталистической — дают абсолютные приросты, в которых резюмируется совокупное влияние темпов и уровней.

Абсолютные размеры производства в СССР и капиталистических странах.

Страны.	Горная—добыча камен. угля			Металлургия—выработка стали		
	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.
	1928 г.	1933 г.		1928 г.	1933 г.	
	В тыс. метрич. тонн					
Соед. Штаты	516.620	542.700	26.080	50.650	56.000	5.350
Англия	241.547	253.050	11.503	8.727	9.163	436
Германия	150.835	173.460	22.625	14.502	18.450	3.948
Франция	52.427	67.640	15.213	9.398	13.157	3.759
Весь мир	1.180.573	1.320.000	139.427	109.209	128.876	19.667
СССР отправн. вар.	34.574	67.000	32.426	4.154	8.300	4.146
СССР оптим. „	—	75.000	40.426	—	10.400	6.246

[1]) Германия и Франция об'единены в целях устранения влияния границ.

Страны.	Текстильная—потребление хлопка			Транспорт—погрузка ж. д.		
	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.
	1927/28 г.	1932/33 г.		1928 г.	1933 г.	
	В тыс. кип			В тыс. метрич. тонн		
Соед. Штаты	6.770	7.330	560	1.274.767	1.364.000	89.233
Англия	2.904	3.014	110	310.672	326.207	15.535
Германия	2.765 [1]) (Германия и Франция)	3.063 [1]) (Германия и Франция)	298 [1]) (Германия и Франция)	437.280	459.144	21.864
Франция				234.314	253.059	18.745
Весь мир	25.540	28.233	2.693	—	—	—
СССР отправн. вар.	374	645	271	150.600	252.000	101.400
СССР оптим. „	—	706	332	—	281.000	130.400

Страны.	Электроснабжение			Нефтепромышленность—добыча нефти		
	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.	Производство		Абсолютн. прирост от 1928 г. до 1933 г.
	1928 г.	1933 г.		1928 г.	1933 г.	
	В мрд. килоуатт-часов			В тыс. метрич. тонн		
Соед. Штаты	83	122	39	119.464	193.133	73.866
Англия	—	—	—	—	—	—
Германия	13	18	5	—	—	—
Франция	—	—	—	—	—	—
Весь мир	—	—	—	174.133	266.660	92.533
СССР отправн. вар.	2,4	10,8	8,4	11.333	18.933	7.600
СССР оптим. „	—	14,0	11,6	—	21.700	10.367

По абсолютному приросту каменного угля и погрузок железных дорог СССР опередит все страны, в том числе и С. Штаты. Почти четверть мирового прироста добычи каменного угля приходится в 1932/33 г. на СССР. Абсолютный прирост выработки стали в СССР в 1932/33 г. будет выше прироста каждой из европейских стран, но ниже прироста С. Штатов. Из всего мирового роста на долю СССР приходится в 1932/33 г. почти 1/6 всего мирового прироста выплавки стали. Абсолютный прирост потребления хлопка будет выше в 1932/33 г. прироста Англии и весьма близко подойдет к абсолютному приросту Франции и Германии, но будет вдвое ниже прироста потребления хлопка в С. Штатах. По отношению к абсолютному приросту мирового потребления прирост СССР составит 10%. По электроснабжению абсолютный прирост в СССР в 1932 г. составит 8,4 млрд. квт.-часов, что превысит абсолютный прирост Германии в 5 млрд. квт.-часов, но будет в пять раз ниже, чем абсолютный прирост С. Штатов. Химический уклон получает в пятилетке яркое выражение, но в этой отрасли наши исходные позиции настолько слабы, что сравнение со странами, достигшими крайне высокого уровня химизации, нецелесообразно. Добыча нефти запроектирована как по темпу, так и по абсолютному приросту в относительно умеренных размерах. Хотя абсолютный прирост СССР составит в 1932/33 г. примерно 8,5% всего мирового прироста, но будет гораздо ниже абсолютного прироста С. Штатов. Учитывая, что запасы нефти в СССР составляют свыше 13% мировых запасов, в то время

[1]) В целях устранения влияния границ Гермвния я Фрвиция соединены.

как запасы нефти в С. Штатах составляют несколько более 16%, а также относительно высокую производительность труда в нашей нефтеобрабатывающей промышленности и роль нефти, как международного товара, следует признать, на фоне этих данных, сравнительно небольшой размах проектировки в области жидкого топлива.

Большие производственные показатели опираются, в свою очередь, на крупные сдвиги в технике. По проектировке пятилетнего плана в 1932/33 г. в СССР на одного занятого в промышленности уже приходится 2,73 лош. силы, вместо 1,4 л. с. Это дает почти удвоение (плюс 84%) или около 17% в год, в то время как в Англии за 17 лет (1907—1924) соответствующий прирост составлял 34,6%, т.-е. 2% в год, а в Германии за 18 лет (1907—25) — 124%, т.-е. около 7%.

Таким образом, пятилетний отправной план позволяет нам значительно приблизиться к передовым европейским странам, но от С. Штатов мы еще будем отставать, хотя это отставание будет происходить в замедленных темпах.

Оптимальный вариант, естественно, дает еще больший разгон. По этому варианту по выработке черного металла СССР займет после С. Штатов, Германии и Франции четвертое место в мире, оставив позади себя Англию, а по углю по обоим вариантам — четвертое место. Но фактическое потребление этих продуктов в старых капиталистических странах ниже показателей производства, так как значительная доля продукции экспортируется. Таким образом, даже по отправному варианту СССР, например, по потреблению черных металлов, обгонит Англию, которая непосредственно перед войной потребляла только около 8 млн. тонн чугуна. Обогнать в течение 5 лет почти полуторавековое развитие английского капитализма — событие всемирно исторического масштаба, равное по своему значению геологическому перевороту и бесспорно утверждающее примат социализма как высшей формы хозяйства!

Что касается сельского хозяйства, то мы можем привести только один показатель — по пшенице, при чем, в виду характера данных, сопоставление можно сделать только по оптимальному варианту. Мировой прирост потребления (или производства) пшеницы на предстоящие пять лет составит, вероятно, около 6%, что соответствует нормальному приросту пшеницы в период 1913 — 28 гг., составившему около 16%. В абсолютном размере это дает прирост в 78 млн. квинт., что будет равняться предполагаемому экспорту в 1932/33 г. по оптимальному варианту. Это свидетельствует о том, какой масштаб прироста товарной продукции пшеницы запроектирован по оптимальному варианту. Удельный вес нашего производства пшеницы увеличится с 18,7% в мировом производстве до 34%. Качественный сдвиг в сельском хозяйстве в связи с пятилетним планом коллективизации, как и другие социальные сдвиги, мы оставляем вне поля нашего рассмотрения.

Однако, одно обстоятельство, которое до сих пор мы сознательно игнорировали в нашем изложении, перемещает свет и тени в менее благоприятную для нас сторону. Если рассчитать продукцию на душу населения, то хотя по сравнению с нынешним уровнем национального дохода мы получаем к 1932/33 г. рост на 61% на душу, но при сопоставлении с капиталистическими странами приведенные выше темпы заметно снижаются. Происходит это потому, что ежегодный мировой прирост народонаселения составляет всего 0,5% при запроектированном приросте по отправному варианту в 2,3% в год, т.-е. почти в 5 раз ниже. С точки зрения динамического развития народного хозяйства бурный рост народонаселения является, при крупном росте материального производства, залогом мощи и преуспевания страны, но в конъюнктурном отношении, как мы уже отмечали, он несет с собой ряд затруднений, которые мы и испытываем в настоящее время.

Переходя к сопоставлению цен у нас и в иностранных государствах, мы приходим к следующим результатам.

Отношение оптовых цен в заграничных странах к ценам в СССР, принятым за 100 за соответствующие годы.

		Сел.-хоз. товары	Промышл. товары	Все товары
Англия	1913	140	62	93
	1928	140	39	74
Германия	1913	143	55	89
	1928	132	42	75
Франция	1913	157	67	102
	1928	134	37	71
Соед. Штаты	1913	142	59	91
	1928	129	43	74

Приведенные данные показывают, что тотальный индекс в заграничных странах был в довоенное время ниже русского индекса на 7 — 10%; в 1928 г. «ножницы» раздвинулись, при чем раствор составляет в настоящее время, примерно, 25%. Что касается групповых индексов, то индекс с.-х. товаров в довоенное время был у нас значительно ниже, чем в вышеприведенных иностранных государствах, при чем в настоящее время это расстояние несколько уменьшилось. Что касается промтоваров, то здесь раствор «ножниц» значительно возрос как вследствие роста цен у нас, так и в силу падения цен на промтовары за границей, так что в настоящее время заграничный индекс промтоваров примерно в 2½ раза ниже, чем у нас. Однако, сопоставление цен у нас и в капиталистических странах ограничивается специфическими условиями ценообразования в советских условиях, что в известной степени снижает показательность приведенных данных.

Что касается прогноза мировых цен, то в виду сложности факторов мы можем дать прогноз только качественный. В этом отношении имеются разные прогнозы, но во всяком случае можно сказать, что преобладают прогнозы в сторону снижения цен. Такая перспектива неизбежно вытекает из данной нами выше оценки производственных и рыночных условий мирового хозяйства. Фактически цены снижаются, особенно цены на промышленные товары. По мировому индексу это снижение с 1925 г.—года стабилизации валюты — составляло примерно 3 пункта в год. Но если взять английские цены, которые наиболее показательны для мировой динамики цен, так как Англия—страна свободной торговли, мировой торговый и финансовый центр, то там средне-годовое снижение составляло примерно 6 пунктов. Поэтому, если исходить из таких цифр, то следует полагать, что в течение пяти лет снижение мировых цен будет, вероятно, больше, чем у нас намечено по отправному варианту (13%).

Что мировые цены будут снижаться, это признают даже такие экономисты, которые раньше утверждали, что цены будут повышаться. Можно сослаться на известного английского экономиста Кейнса, который из Савла превратился в Павла. Можно назвать также и Ал. Юнга, бывшего председателя американского статистического о-ва, а также недавно вышедшую солидную работу американского экономиста Миллса, который также ставит прогноз на снижение цен. Следует ожидать, что это снижение будет идти более медленным темпом, чем до сих пор, поскольку в настоящее время влияние денежной сферы на цены в известном смысле элиминировано.

Исходя из того, что цены будут снижаться, можно предвидеть некоторый рост заработной платы в капиталистических странах в той мере, в какой снижение цен затронет бюджетный индекс. Поскольку капитализм,

как правило, развивается на основе относительной прибавочной стоимости, и, как исключение, на основе абсолютной прибавочной стоимости, можно с известным основанием ожидать также и некоторого роста номинальной заработной платы, о размерах которого, понятно, судить в настоящее время трудно. Но и этого пролетариат сможет добиться только в упорных классовых боях. Во всяком случае, относительное положение пролетариата в виду выкачивания относительной прибавочной стоимости и роста безработицы будет ухудшаться, что должно будет обострять и расширять классовую борьбу как экстенсивно, так и интенсивно.

Совершенно несопоставимым является социальный прогресс в СССР по сравнению с капиталистическими странами. Намеченное расширение производства государственная промышленность должна осуществить по отправному варианту при росте занятой рабочей силы на 26% за пятилетие и при росте реальной зарплаты на 56%, а по оптимальному соответственно на 32% и 71% (со включением строителей цифра рабочих возрастет на 40 — 50%). На ряду с этим предполагается доведение средней продолжительности рабочего дня с 7,71 часа в 1927—28 г. до 6,86 ч. в 1932—33 г., при чем ожидается смягчение безработицы как в городе, так и в деревне (аграрное перенаселение). В Соед. Штатах — стране самой высокой заработной платы, — чтобы довести реальную зарплату до современного уровня, т. е. повысить ее на 38,1%, потребовалось 14 лет. Индекс реальной зарплаты по отношению к довоенному составлял в 1928 г.: в С. Штатах—138,1, в Германии—квалифицированные рабочие — 95,4 и неквалифицированные — 109,2, в Англии — 108,4, а в СССР в 1927/28 г. (включая и коммунальные услуги) — 122,5%, а в 1932 — 33 г. по отправному варианту — 192,3%. Что касается продолжительности рабочего дня, то при продолжительности рабочей недели в 1927—1928 г. — 44,6 часа и в 40,2 часа к концу пятилетия в СССР, в С. Штатах продолжительность в фабрично-заводской промышленности составляет в настоящее время 49,6 часа, в Англии — 47 — 48 часов, в Германии — 47 — 52 часа в различных отраслях.

Для сопоставления темпов социального прогресса у нас и в передовых капиталистических странах можно сослаться на замечание последнего тома отчета Бальфура о состоянии английской промышленности (Final Report of the Comittee on Industry and Trade, p. 103), из которого явствует, что в течение двадцатилетнего периода перед войной рабочая неделя в Англии была сокращена всего только на 1 час. Автор не упоминает, что это было достигнуто в результате упорной классовой борьбы. Что касается зарплаты, то исследование ее динамики в Англии, Франции и С. Штатах за XIX ст. показывает, что для удвоения реального уровня зарплаты в этих странах в среднем потребовалось около века. В связи со всем вышесказанным можно сделать еще один поучительный вывод — именно, что относительный темп социального прогресса, взятый пятилетним планом, не только не отстает, но обгоняет производственный и технический прогресс.

В области наших торговых связей с заграницей намечается восстановление довоенного уровня экспорта с некоторым превышением. Это—большой прыжок, так как в настоящее время экспорт достиг только около 40% этого уровня, и даже крупнейшая торговая страна — Англия — восстановила к 1928 г. только 71% своего экспорта. Таким образом, измышления буржуазной печати о стремлении к автаркии этим решительно отметаются. По оптимальному варианту, который ориентируется среди прочих благоприятных факторов и на увеличение иностранных кредитов, хозяйственные связи должны будут еще более возрасти. Особенностью экспортного плана является восстановление хлебного экспорта. В связи с тем, что материальный рост производства запроектирован в еще более высоких темпах, чем экспорт, наши торговые связи относительно не вырастут. По отношению к валовой продукции 1932/33 г. экспорт составит приблизительно около 3%, что близко к современным соотношениям. Этим самым и определяются небольшие сдвиги в нашем удельном весе в мировом товарообороте, хотя, повторяем, абсолютные масштабы заметно увеличиваются.

Подводя итоги, не следует скрывать от себя огромных трудностей, которые связаны с выполнением взятой на себя задачи по пересозданию огромного участка мирового хозяйства на началах социализма. Но пятилетний план ярко освещает перед нами исторический лабиринт и облегчает предстоящий путь, а партия, опирающаяся на мощные массовые рычаги—профсоюзы, советы и кооперацию,—вооруженная надежным компасом ленинизма, является испытанным мобилизационным центром, который сорганизует и воодушевит огромные человеческие резервы для осуществления исторического дела. Успешное выполнение пятилетнего плана, превращающегося, как в свое время план ГОЭЛРО, во «вторую программу партии», будет историческим приговором для пережившего себя капиталистического строя, который несется бесцельно, «без руля и без ветрил» по пути к своей гибели.

В. Шемятовский.

Топливно-энергетическая проблема в пятилетнем плане.

Наступившее пятилетие, 1928/29—1932/33 гг., является для страны пролетарской диктатуры полосой великого строительства и великих задач.

«Социалистическое хозяйство Советского Союза должно в сравнительно короткий исторический срок догнать и перегнать высокоразвитые, передовые капиталистические страны». В кратчайший исторический срок надо будет выровнять фронт нашей экономики в уровень с достижениями нашего социально-политического строя.

Каковы же руководящие вехи и конкретные пути социально-технической реконструкции? Если политико-экономическое содержание пятилетнего плана народного хозяйства заключено в проводимой нами генеральной линии «и н д у с т р и а л и з а ц и и с т р а н ы», то генеральной линией технической реконструкции народного хозяйства является э н е р г е т и к а.

Первый единый народнохозяйственный план ГОЭЛРО был создан на энергетическом фундаменте, на этом же фундаменте мы строим и пятилетний план развития социалистического хозяйства. Прошедшая полоса социалистического строительства и весь мировой опыт технического прогресса производительных сил с еще большей убедительностью подтверждают, что энергетика есть руководящее звено в общей цепи технической реконструкции.

Абсолютные величины потребления электроэнергии и топлива становятся универсальными показателями степени индустриализации страны и уровня технического прогресса.

В абсолютных цифрах потребление топлива и электроэнергии в СССР пока еще незначительно. В сравнении с мировыми странами мы сейчас стоим на предпоследнем месте. Но тем более лежит ответственность перед пролетариатом нашего Союза выровнять экономический фронт. Эту задачу в значительной мере и берет на себя пятилетний план народного хозяйства.

Особо значительную и ответственную роль в общей проблеме энергетики должна занять топливная индустрия. Если одним из технически совершенных и экономически рациональных путей использования энергии является электрическая энергия, то основным источником получения механической энергии, включая и электрическую, является все-таки топливо: уголь, нефть, торф и др. Современная техника не нашла еще целесообразных методов и способов использования в крупных масштабах других громадных источников энергии в природе, за исключением гидроэнергии. Для этого можно бы было привести следующую иллюстрацию. Возьмем всю мощность

энергетического аппарата послевоенной промышленности ряда государств и посмотрим, какими источниками энергии этот аппарат питается:

	САСШ	Англия	Германия	Швеция	СССР
1. Мощность тепловых установок в %% к общ. мощн. . .	79,6	98,8	90,0	31,0	96,5
2. Мощность гидроустановок в %%	20,4	1,2	10,0	69,0	3,5
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

За исключением тех стран, где слабы топливные ресурсы и, наоборот, богаты водные ресурсы, все остальные имеют свою энергетическую базу в топливе. Очевидно, и наш СССР при форсированном использовании гидроэнергии в основе будет базироваться на тепловой, топливной энергии.

Кроме того, механическая энергия в промышленности при полной ее электрификации составит в топливном балансе промышленности не более 30—35%. Остальные 65—70% заполняются топливом на технологические процессы. Отсюда видно, что электрификация не разрешает целиком топливной проблемы, но является самым совершенным методом использования топливной энергии и технической реконструкции всего энергобаланса.

Если проблема электрификации прямым образом упирается в топливную проблему, то в эту же самую проблему упираются и такие отрасли промышленности, как металл, химия, стройматериалы, составляющие основной костяк индустриализации страны. Отсюда не удивительно, что, если взять только указанные четыре отрасли: электростанции, металл, химию, стройматериалы, то их удельный вес в потреблении энергии, переводя на условное топливо, выражается по отношению ко всей промышленности в 1927—28 г.—55,5%, в 1932—33 г.—63%. Проблемы индустриализации страны и энергетической реконструкции могут быть разрешены одновременно с разрешением топливной проблемы. В частности будущие индустриальные комбинаты мыслятся как единые производственные комбинаты в сочетании, например, угля, металла, химии, электроцентралей. Достаточно отметить, что основной базой для химии является коксовый газ. А такие низкосортные угли, как подмосковный, являются для химии и энергетической базой и сырьевой.

Из приведенной иллюстрации уже достаточно видно, что топливно-энергетическая проблема проходит красной нитью во всей нашей хозяйственной концепции, во всей хозяйственной системе, занимая роль ведущего и переобразующего начала.

Надо думать, что приведенные выше данные дают возможность с большей ясностью определить основные задачи топливной индустрии в пятилетнем плане развития народного хозяйства. Эти задачи должны преследовать достижение одной цели: обеспечить прочную топливно-энергетическую базу под развитие социалистической индустрии. Топливоснабжение страны должно быть прежде всего устойчивым и бескризисным, базироваться исключительно на развитии и использовании собственных ресурсов Союза, не прибегая к импорту топлива. Топливо не должно стать ограничивающим фактором в индустриальном развитии Союза. В соответствии в этими основными установками и запроектированным ростом народного хозяйства страны по оптимальному варианту основные элементы топливного плана можно было бы выразить в следующих показателях, беря в расчет группу промышленно-технических потребителей:

	1927/28 г. Колич.	1927/28 г. %%	1932/33 г. Колич.	1932/33 г. %%	32/33 г. в %% к 27/28 г.
I. Внутр. потребление в млн. тонн усл. топл.					
а) Трансп. ж. д. и водн. . . .	16,30	30,3	23,50	24,7	152,0
в) Промышл. и электроцентр. .	34,14	63,5	66,40	69,5	195,0
В т. ч. электроцентрали . .	2,41	4,5	7,40	7,7	307,0
г) Коммун. потребл. и проч. груп.	3,88	6,2	5,50	5,8	163,0
Всего потребл. внутри страиы .	53,82	100,0	95,40	100,0	177,0
д) Превышение экспорта над импортом	1,78	—	4,60	—	257,0
Всего с превыш. экспорта . . .	55,60	—	100,0	—	180,0
II. Добыча в натуральн. единицах					
1. Дров милл. куб. мтр.	50,49	—	59,80	—	118,5
2. Торф милл. тонн	7,21	—	16,00	—	222,0
3. Камен. уголь милл. тонн . .	35,37	—	75,00	—	212,0
В т. ч. Донбасс в милл. тонн	27,26	—	53,00	—	195,0
4. Нефть сырая милл. тонн . .	11,72	—	21,70	—	185,0
В т. ч. выход нефтетоплива в милл. тонн	8,25	—	12,54	—	152,0
Всего в милл. тонн усл. топл. (7000 кал.)	57,49	—	105,00	—	182,5
III. Абсол. велич. запас. в милл. тонн усл. топ. к концу года	24,60	—	41,50	—	168,5
IV. Обеспечен. запасами в месяцах общая . .	4,95	—	4,70 [1]	—	—
В т. ч. каменн. угля	2,30	—	3,15	—	—

Останавливаясь пока на расходной части баланса, необходимо отметить характерные сдвиги в нем. Прежде всего, громадный рост потребления до 95,4 милл. тонн условного топлива внутри страны и 100,0 милл. тонн с экспортом. Величина этих цифр говорит сама за себя. Лишь полтора года назад в опубликованных официальных материалах по генплану расход условного топлива внутри страны на 1940—41 г. намечался в 100,0 милл. тонн. Такова суровая действительность! К концу пятилетия расход топлива внутри страны достигнет 191,0% от 1913 г. Этот бурный рост потребления топлива сопровождается значительным структурным изменением по видам топлива, участвующим в балансе. Доля участия отдельных видов топлива по расходу внутри страны в %% к общему расходу выразится:

	1913 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Древесное топливо	24,8	17,6	11,4
Торф	1,7	4,8	7,1
Каменный уголь весь	57,0	59,4	65,3
В т. ч. Донбасс	51,0	48,4	49,2
В т. ч. проч. бассейны	6,0	11,0	16,1
Нефтетопливо	16,5	18,2	16,2
Итого . . .	100,0	100,0	100,0

[1]) Устойчивость топливоснабжения страны определяется не столько общими запасами топлива, сколько запасами кам. угля, в конкретно у нас донецкого. Вот почему незначительное снижение общих и значительное повышение в части кам. угля не ухудшает общее состояние плвив, а несколько улучшает.

Качественная сторона расходного баланса изменяется в сторону значительного улучшения. Резко снижается удельный вес древесного топлива, как малоценного и не имеющего особых перспектив на его рациональное техническое использование. Снижается доля участия и нефти, но уже по другим причинам—в результате значительного расширения переработки ее на светлые нефтепродукты. На нефть в наше время нельзя уже смотреть, как на топливо. Каменный уголь и торф—вот основная наша топливная база и настоящего и тем более будущего. На эти виды топлива мы и делаем в пятилетнем плане основную ставку, повышая резко их удельный вес. И, что необходимо подчеркнуть—это бурный рост удельного веса углей прочих районов с 6% в 1913 г. до 11% в 1927—28 г. и 16,1% в 1932—33 г. В связи с изменением промышленной географии страны и успехами техники использования низких сортов топлива мы все более вовлекаем в орбиту нашего индустриального развития новые энергетические центры и новые сорта топлива. Этим нисколько не умаляется огромная роль Донбасса.

Значительное изменение претерпевает потребление топлива среди основных потребителей промтехнической группы.

Экономико-техническая отсталость нашей страны особенно ярко вырисовывается тогда, когда мы рассматриваем характер потребления топлива по основным группам потребителей. Например, распределение топлива в развитых капиталистических странах и СССР так складывается в % к общему итогу:

	Промышлен. и электростан.	Транспорт ж.-д. и водн.	Прочие потребит.
Германия	75,0	17,0	8,05
Англия	82,0	14,5	3,5
САСШ	75,0	20,5	4,5
СССР 1913 г.	59,0	35,0	6,0
„ 1927/28 г.	63,5	30,3	6,2
„ 1932/33 г.	69,5	24,7	5,8

Отсюда видно, что мы все ближе по структуре потребления топлива подходим к развитым индустриальным странам Запада и Америки. Удельный вес промышленности и электрификации быстро растет, и сглаживается диспропорция между расходом промышленности и транспорта при одновременном росте и сети транспорта и его работы. Из отдельных отраслей промышленности особенно бурно растет потребление энергии за пятилетие: электроцентрали—307,0%, металл с электротехникой—200%, химия—415%, стройматериалы—210%, вместо средней по СССР—177,0%.

Тот факт, что мы в 1932—33 г. израсходуем 100,0 милл. тонн условного топлива, что в переводе на натуральное топливо, благодаря низкому теплотворному коэффициенту нашего топлива, составит около 130,0 милл. тонн, заставляет подумать о формах и путях использования этого топлива, и в особенности о транспортировании этой колоссальной массы. В особенности этот вопрос приобретает актуальное значение в условиях нашего хозяйства, развивающегося в значительной степени (до 40%) на дальнепривозном топливе, с продвижением около 40,0 милл. тонн топлива от мест добычи до районов потребления на расстояния от 500 до 2.000 километров.

Те колоссальные средства, которые мы вкладываем в основной капитал нашей промышленности и транспорта в наступающее пятилетие, дадут возможность поднять технический уровень нашего хозяйства на значительную высоту, и этим самым создаются благоприятные предпосылки для рационального и более эффективного использования топливной энергии. К концу пятилетия снижение удельных расходов топлива на единицу продукции в про-

мышленности выразится в 32,5%, а по транспорту—в 15,0%. На этом участке разрешается вся топливно-энергетическая проблема пятилетнего плана, в особенности в условиях наступающего пятилетия, характеризующегося чрезвычайным напряжением топливного фронта.

Здесь опять мы приходим к прежнему положению, что основным и технически более совершенным путем в использовании топлива остается электрификация. В наступающее пятилетие мы должны достигнуть значительных результатов в комбинировании производства электроэнергии с производством тепла для технологических целей, что должно найти особенно широкое применение в металлургической промышленности, химической и др.

Преимущества нашего планового хозяйства дают нам возможность развить такие темпы электрификации СССР, каких не знает ни одно из крупных государств капиталистических стран.

Основные показатели производства и потребления электроэнергии в наступающее пятилетие можно выразить в следующих цифрах:

	1927/28 г.		1932/33 г.		32/33 г.
	Колич.	%%	Колич.	%%	в %% к 27/28 г.
1. Мощность всех электростанц. Союза в тыс. квт.	1.685	100,0	4.843	100,0	273,0
В т. ч. район. станции . . .	580	34,5	2.550	53,0	440,0
2. Выраб. электр. энергии всеми станц. Союза в милл. квтч.	5.136	100,0	17.230	100,0	340,0
В т. ч. район. станции . . .	1.866	36,0	10.500	61,0	563,0
3. Потреблен. электр. энергии только промыш. в милл. квтч.	3.308	100,0	11.600	100,0	351,0
В т. ч. от районн. станций .	1.130	33,5	6.823	59,0	605,0

При росте валовой продукции за пятилетие в 2,75 раза, топлива — 1,91 раза, электроэнергия растет в 3,4 раза. Если по количеству вырабатываемой электроэнергии мы теперь стоим позади высокоразвитых капиталистических государств мира, то к 1932—33 г. мы займем уже 6-е место и будем стоять примерно на одном уровне с Англией. Мы считаем, что это есть минимум достижений, ибо по металлу мы будем занимать 4-е место, в первых рядах мы будем стоять и по добыче нефти.

Если мы в количественном выражении к концу пятилетия по выработке и потреблению электроэнергии не займем еще передовых позиций среди крупнейших стран мира, то по структуре нашего энергетического аппарата, по качеству его, мы, несомненно, будем стоять на этих передовых позициях. Доля участия электроэнергии в общей выработке механической энергии повышается с 56% в 1927 — 28 г. до 83,5% в 1932 — 33 г. Коэффициент электрификации промышленности у нас повысится с 56% в 1927 — 28 г. до 77% в 1932 — 33 г. по отправному варианту и до 82% по оптимальному варианту, в то время как он теперь достигает в С.-А. С. Ш. 73%, в Германии — 67%, а в Англии — даже 50%.

Нельзя не отметить еще одного из важнейших показателей высоты уровня нашего энергетического аппарата, это — централизации выработки электроэнергии на станциях районного значения к общей сумме выработки электроэнергии. Здесь мы подымемся с 36% в 1927 — 28 г. до 61 — 62% к 1932 — 33 г. против современных цифр по С.-А. С. Ш. 71,5% и Англии 47%. Здесь мы можем твердо отметить, что тенденция реконструктивного процесса идет к тому, когда центр тяжести энергетики в нашем хозяйстве вплотную подходит к системе плановых мощных, экономически и технически выгодных для страны электроцентралей. Благодаря мощной электрификации энергетического аппарата промышленности коэффициент использования топлива в промышленности значительно повышается.

В условиях современного энергетического хозяйства нашей промышленности топлива потребовалось бы в 1932—33 г. не 66,0 млн. тонн, а около 90 млн. тонн. Таким образом, предполагаемое энергетическое перевооружение в промышленности дает экономию в 24 млн. тонн условного топлива. Те сдвиги, которые произойдут к концу пятилетия по линии усиления роли мощных электростанций в общем энергетическом аппарате, дадут экономию в 9,0 млн. тонн условного топлива. Удельный вес электроэнергии в переводе на топливо в расходном топливном балансе страны повышается с 9,0 до 18,0%. Таким образом, 18,0% топливного баланса в 1932—33 г. будет замещать электроэнергия, как один из технически совершенных и экономически рациональных видов энергии. В топливном балансе С.-А. С. Ш. электроэнергия занимает в настоящее время около 15%.

Очередная проблема, стоящая перед народным хозяйством, заключается в том, чтобы найти применение электроэнергии не только для нужд силовых процессов и освещения, но и для технологических, производственных процессов. На технологические нужды, которые составляют в промышленности 65% расхода топлива, идет электроэнергии теперь около 1—1,2% от всей потребляемой промышленностью электроэнергии. Современная техника дает уже образцы разрешения этой проблемы, когда электроэнергия идет и на технологические цели в производстве в металлургических процессах и электрохимических процессах, в особенности в странах с дешевой гидроэнергией. Так, например, в Норвегии на долю означенных отраслей промышленности падает 37% мощности электрических установок в промышленности. Во Франции на эти нужды в 1924 г. пошло около 1.200 млн. квч., что равно около 1,0 млн. тонн условного топлива. Мы тоже можем пойти по этому пути, в частности с постройкой Днепростроя. По грубым расчетам расход электроэнергии на эти цели к 1932—33 г. достигает около 15,0% всего расхода электроэнергии, вместо, как мы указывали выше, 1—1,2% 1927—28 г. Этим самым мы уже заменяем около 1,8 млн. тонн условного топлива.

Но этим еще роль электрификации в рациональном использовании топлива и реконструкции топливного баланса не кончается. Одним из важных моментов влияния электрификации на топливное хозяйство является использование под котлами крупных электроцентралей низких сортов топлива, как местное топливо торф, штыбы и всякие низкие сорта углей и отбросов.

Использование низких сортов топлива электроцентралями достигнет таких размеров:

Мощность районн. станций по отношению к общей мощности работающих:	1927/28 г. в %%	1932/33 г. в %%
1. На торфу	7,0	25,5
2. На штыбе и проч. низких сортах углей	4,0	23,0
3. Гидроэнергия	2,0	22,0
Итого . . .	13,0	70,5

Таким образом, наши мощные электроцентрали сберегут нам к концу пятилетия около 5,0—5,5 млн. тонн условного топлива лучших сортов благодаря потреблению худших.

Таковы в общих чертах пути реконструкции, рационального построения топливного баланса на базе электрификации и методы технически совершенного использования топлива в пятилетнем плане.

Энергетическое районирование страны в условиях планового хозяйства есть основной принцип, положенный еще в основу первого генерального плана (ГОЭЛРО). В этом вопросе разрешается ряд существеннейших проблем социалистического строительства, например, проблема транспорта, местных топлив и проблема географического размещения промышленности.

Характерной чертой нашего хозяйства на данной стадии является диспропорция между общим уровнем и темпом развития хозяйства и его энергетической базой, и в особенности если мы подойдем к этому с точки зрения положения отдельных районов. В смысле территориального расположения энергетических ресурсов, имеющих промышленное значение, наш Союз находится в менее выгодном положенин по сравнению с другимн ннду-стриальнымн странами, как Германия, Англия, С.-А. С. Ш. Самые основные топливные базы нашего Союза—Донбасс, Кузбасс, Баку иаходятся на колоссальном расстоянии от таких высокоразвитых промышлеиных районов, как Ленинградский район, Урал, ЦПО и др., не имеющих своей достаточной энергетической базы. Таких перевозок топлива, как на расстоянне от 500 до 2000 километров внутри страны, не имеет ни одно капиталистическое государство.

Эта диспропорция в народном хозяйстве до войны в основном смягчалась колоссальным импортом иностраииого угля и хищническим истреблением лесов на древесное топливо.

Надо прямо отметить, что при значительных сдвигах в этом деле, все-таки в наступающее пятилетие мы еще будем далеки от более удачного разрешения районной энергетической проблемы. При всем форсироваиии местных топлив, как торфа, камениых углей местного зиачения, мы к коицу пятилетия не только не освобождаемся от дальнепривозного топлива, но даже увеличиваем от него свою зависимость. Еслн в 1927—28 г. в общем расходном топливном балансе страиы на долю дальнепривозного топлива падало 33,5%, то к 1932—33 г. оио возрастет до 35—37%. В особенности это ярко чувствуется при анализе отдельиых районов, дефицитных по топливу. По ЦПО расход условного топлива к концу пятилетия повышается на 73,7%. При этом роль местного топлива торфа и подмосковного угля повышается с 23,8% от общего баланса до 34,7%. Но при значительном снижении дровяного топлива доля участия дальнепривозиого топлива повышается с 50,5% до 52,3%. По Ленинградскому району при росте расхода топлива на 67% роль дальнепривозного топлива к общему расходу стабилизнруется на уровне 68% при значительном росте роли торфа с 3,4% до 10,6% и сокращении дров.

По Уралу при росте расхода условиого топлива к концу пятилетия на 128% зависимость от кузнецкого топлива повышается с 23% до 29,3% при значительном росте расхода местного топлива, каменных углей и торфа, кроме древесного топлива. Надо отметить, что древесное топливо, игравшее для Урала когда-то доминирующее значеиие, теперь все более иачииает исчерпываться и к концу пятилетия будет составлять 23,5% вместо 40,7% для 1927—28 года. Теперь уже становится совершеино ясио, что при всех благоприятных условиях развития на Урале местной топливной базы его будущее индустриальное развитие мыслимо только в комбинированин с Кузнецким углем.

Несколько благоприятнее обстоит дело с Белоруссией, Средней Азией, Сибкраем и иекоторыми другими районами, где усиленное развитие местных топливных ресурсов несколько смягчает зависимость от дальнепривозного топлива. Но из приведенных выше данных по трем основным районам: Ленинградский, Урал и ЦПО, составляющим к коицу пятилетия по расходу топлива около 32,0% к общему расходу страны, а по расходу электрознергии от районных страиций 47,0%, видно, что их зависимость от дальнепривозного топлива к концу пятилетия несколько даже возрастет. Удельный вес в расходе топлива к концу пятилетия к общей цифре страны выразится по ЦПО 16,5% вместо 16,8% в 1927—28 году, соответствеино по Ленинградскому району 6,7% и 6,2%, по Уралу—10,6% и 8,5%.

Очевидно, вывод пока иапрашивается такой: если мы проблему использования местных топлнв блестяще разрешнм в прнмененнн к электрифнкации, то все же это будет частичное разрешение проблемы. Широкое использование

местного топлива в народном хозяйстве страны мы в пятилетнем плане еще не разрешнли, несмотря на жесткую экономическую необходимость в скорейшем разрешении этой проблемы. Ни торф, нн подмосковный уголь широко рыночным топливом еще ие являются.

Помимо электрификации, политика использования местного топлнва, не терпящего дальних транспортных перевозок, могла бы быть разрешена рациональным географическим размещением вновь создающейся промышленности с точки зрения увязки вновь строящихся предприятий с дешевой и мощной энергетической базой. Но в наступающее пятилетие значительных сдвигов мы еще иметь не будем ни в смысле генеральной передвижки индустрии из одних районов в другие, ни в смысле более рационального размещения внутри самого района. В первом случае линию на высокие темпы развития старых индустриальных районов, не имеющих достаточной энергетической базы, можно еще в известной мере в текущем пятилетии оправдать, считаясь с тем, что на их долю выпадает роль создать новые районы, помочь новым индустриальным районам не только своей материальной базой, но и научно-техническим и организационно-практическим опытом. Но нельзя ничем, кроме как местным консерватизмом, об'яснить такую политику, когда новостроящиеся промышленные предприятия не оседают на месте энергетической базы, как торфяном массиве и других источниках, обязательно группируются в до предела насыщенных промышленностью городских центрах, например, Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск и т. д. Этим самым на данном периоде мы создаем несомненные затруднения в вопросе максимального использования местых низкосортных топлив.

При таких условиях в пределах текущего пятилетия проблема экономического районирования энергетического хозяйства не может получить законченных и совершенно четких форм. Кроме того, при громадном росте потребления топлива в решении конкретно поставленной задачи бездефицитности топливного баланса вопросы количественного порядка часто будут играть доминирующую роль и вынуждать к мероприятиям, далеко не всегда целиком оправдываемым экономическими соображениями.

Во всяком случае, одно должно быть решено уже в пределах текущего пятилетия, это—подготовка транспорта к громадной перевозке топливных грузов. Для ближайшего периода могли бы быть поставлены такие транспортные проблемы, как сверхмагистрали: 1) Донбасс—Москва—Ленинград, 2) Донбасс—Волга—Дон, 3) Кузбасс—Урал—Волга.

Разрешение этих проблем могло бы повести к полному решению топливной проблемы для целого ряда райоиов и вызвать, так сказать, переоценку ценностей в ряде моментов топливной экономики. Если в отношении сверхмагистрали Донбасс—Москва—Ленинград существуют некоторые неясности в учете будущих перспектив развития экономики ЦПО, Северо-Западной области и других районов, то сверхмагистрализация пути Кузбасс—Урал—Волга становится уже задачей дня. По отношению к ней можно было бы определенно сказать, что каждый день промедления несет большой вред для народного хозяйства. Надо определенно усвоить, что урало-кузнецкая проблема далеко выходит за рамки районной проблемы и становится всесоюзной проблемой. Речь идет о всесоюзном индустриальном комбинате, всесоюзном энергетическом центре. Вне разрешения транспортной проблемы перспектив для Кузнецкого бассейна на ближайшее время больше не может быть, несмотря на то, что Кузбасс является единственным по мощности энергетическим центром не только в СССР, но и в мире.

Задачи, которые ложатся на топливиую индустрию в пятилетнем плане, чрезвычайно трудны и ответственны: дать страие к расходу 100,0 млн. тонн условного топлива в 1932—33 году, увеличить накопление запасов

в стране, создать необходимые производственные резервы, гарантирующие бесперебойное развитие хозяйства, и подготовить топливную промышленность для следующего пятилетия.

В результате изложенных требований, которые пред'являет народное хозяйство к топливной промышленности, размер добычи условного топлива к концу пятилетия запроектирован в сумме 105,0 млн. тонн против 57,5 млн. тонн 1927—28 г.

Основная ставка в развитии добычи топлива, как это видно из приведенных выше цифр, основных показателей баланса, делается на каменный уголь, добыча которого доводится до 75,0 млн. тонн (увеличение на 93,7%) и на торф с добычей к концу пятилетия в 16,0 млн. тонн (увеличение на 122,0%). Значительно ниже рост заготовок древесного топлива (на 18,2%) и нефтетоплива (на 53,0%).

Чтобы понять об'ем и сложность поставленных перед топливной индустрией задач и ответить на вопрос о реальности намеченной программы добычи, надо несколько уяснить себе ту топливную ситуацию, те реальные предпосылки, с которыми мы вступаем в пятилетие.

Первый год пятилетки застает нас в весьма напряженной топливной обстановке, характеризующейся:

1) чрезвычайным напряжением в работе топливной промышленности и особенно каменноугольной; достаточно отметить, что четвертый год мы работали без производственных резервов;

2) недостаточным обеспечением страны топливными запасами, в частности каменноугольными.

3) В области нового строительства значительно запоздали и не шли по намеченному ранее пути крупного строительства, так что на этом участке мы стоим в первоначальной стадии приступа к крупному строительству.

4) Текущий 1928—29 год и предшествующий 1927—28 год недостаточно использованы, как «годы разбега».

Иллюстрацией, подтверждающей приведенные положения, может особенно ярко служить закончившийся 1927—28 год. Топливный фронт обнаруживает отставание от общего темпа развития народного хозяйства: при росте промышленности за год на 23,0% и расхода топлива на 13,5% добыча топлива повысилась всего на 4,5%. Не выравнивает целиком это положение и 1928—29 год. Все эти обстоятельства накладывают на нас особую ответственность за судьбы топливного фронта.

Основные тяжести в развитии добычи топлива должны пасть на каменноугольную промышленность—дать стране 75,0 млн. тонн при капитальных затратах в 1250 млн. руб. Нельзя недооценивать громадного размаха и громадных трудностей в решении этой задачи. При всем этом пред'являемые к каменноугольной промышленности требования со стороны народного хозяйства являются минимальными и абсолютно твердыми.

Производственное участие основных каменноугольных бассейнов в общей добыче угля по СССР должно выразиться:

	1927/28 г.		1932/33		1932/33 в %
	млн. т.	%	млн. т.	%	к 27/28 году.
1. Донбасс	27,26	77,0	52,60	70,1	+ 92,5
2. Кузбасс	2,46	7,0	6,00	8,1	+ 144,0
3. Урал	2,00	5,6	6,10	8,1	+ 205,0
4. Подмосков.	1,18	3,3	4,20	5,6	+ 256,0

Несмотря на бурный рост новых каменноугольных районов и на некоторое снижение удельного веса Донбасса в общей добыче угля, все-таки в 32—33 г. и, надо полагать, еще долгие годы Донбасс останется основной топливной базой страны, занимая в 32—33 году 70,1% в добыче угля по СССР

и 49,0% в добыче всего топлива страны. Поэтому решающую роль в нашем топливном плане, конечно, должен сыграть Донбасс.

Строительная программа Донецкого бассейна определяется в сумме 845 млн. рублей или 67,5% от всех затрат по каменноугольной промышленности. Характерной чертой в развитии Донецкого бассейна должно явиться то положение, что весь прирост добычи за пятилетие должен быть получен с новых производственных единиц и частью с реконструированных старых шахт, которые по существу будут переделаны заново. Донецкий бассейн вступает в новое пятилетие с полной исчерпанностью своей производственной мощности, без всяких резервов в старых шахтах.

В предшествующие годы в Донецкий бассейн было вложено около 330,0 милл. рублей, которые в основном пошли на форсирование текущей добычи старых производственных единиц без сколько-нибудь заметной и существенной реконструкции их. Запоздав с новым крупным строительством, не накопив необходимого организационного и практического опыта в крупном строительстве, Донецкий бассейн этим самым оказывается перед особо трудными задачами. Конкретная строительная программа Донбасса должна выразиться в том, чтобы полностью закончить находящиеся сейчас в проходке 17 крупных шахт, в коренной реконструкции 30—40 старых крупных шахт и немедленной закладке ежегодно от 10 до 12 новых крупных шахт. Для Донецкого бассейна не лишне подчеркнуть, что генеральный путь его развития есть крупное новое шахтное строительство и всякое отклонение от него, всякое замедление темпа чревато более серьезными последствиями, чем это было до сих пор. И если мы в текущем пятилетии вынуждены искать некоторых паллиативных мер, в роде реконструкции 30—40 старых шахт, а по проекту самого Донбасса даже 50 шахт, то таких выходов перед нами, очевидно, уже не будет, когда мы будем стоять на пороге следующего пятилетия, когда в старом Донбассе уже нечего будет расширять. А посему в отношении дальнейших лет мы не можем рассчитывать на паллиативные меры и не имеем права дальше запаздывать.

Урал и Кузбасс должны быть рассматриваемы в перспективе развития, как единый энергетический комбинат. Темп роста добычи по этим бассейнам далеко опережает средний темп роста по Союзу. По Кузбассу в числе 8 новых крупных шахт впервые будут заложены 2 шахты масштаба до 1 милл. тонн добычи. Таких гигантов не только не видал еще Кузбасс, но и вообще не видал наш Союз.

Значительное развитие получает Подмосковный бассейн, как внутренняя энергетическая база нашей страны. Несмотря на это, Подмосковный бассейн недооценен еще с точки зрения обороны страны, внутренней мобилизационной базы. Весь рост Подмосковного бассейна по существу обусловлен значительным развитием электрификации и химизации страны. Найти же применение на широком рынке Подмосковный уголь в наступающем пятилетии в значительном размере не может, хотя имеет на это все технические и экономические предпосылки. Отсюда стоит задача продвинуть Подмосковный уголь на широкий местный рынок.

Главные трудности в развитии каменноугольной промышленности будут заключаться не столько в технических моментах, сколько в организационных. Основным сковывающим лимитом в этой колоссальной работе будет в р е м я. Но как бы велики эти трудности ни были, они, несомненно, преодолимы и будут разрешены. Для этого необходима особо сильная воля и энергия, для этого, очевидно, необходим и здоровый хозяйственный риск.

Несколько другое положение получается в развитии торфодобычи. Несмотря на колоссальный рост его добычи (к концу пятилетия 16,0 милл. тонн, что составит 220% к 1927/28 г. и 1070,0% к 1913 году), мы все-таки основ-

ные трудности здесь имеем не на стороне производства, не на стороне техники и времени, а на стороне потребления его, размещения его по потребителям. Получив блестящее разрешение в развитии электрификации, торфяная проблема на широком рынке еще не разрешена. Единственным путем к облегчению топливного баланса повышением участия в нем торфа является разрешение задачи придания торфу транспортабельности (брикетирование, газофикация) и вообще удешевление его добычи. Большой сдвиг здесь мог бы произойти при выделении и оформлении торфяной промышленности в самостоятельную отрасль народного хозяйства, об'единенную в тресты. Существующие формы развития торфяной промышленности, как подсобного хозяйства, становятся уже препятствием для развития добычи и потребления торфа. Задача сделать торф рыночным топливом имеет колоссальную важность, и разрешение ее внесло бы значительные сдвиги в наш энергетический баланс. При затратах на торфяную промышленность в 196,0 милл. руб. реальность добычи торфа в 16,0 милл. тонн является больше обеспеченной, чем его использование.

Еще меньшие сомнения вызываются в реальности программы дровозаготовок в пятилетнем плане.

Ведь причина запроектированного роста дровозаготовок на + 18,2% к концу пятилетки заключается не в том, что нехватит производственно-технической возможности выполнить больший план, а в том, что здесь взята целевая установка сознательно на большее сокращение удельного веса древесного топлива в топливном балансе страны в связи с тем, что этот вид топлива является малоценным и, главное, проводится политика полного отказа от рубки леса в истощенных лесосеках.

При добыче нефти в 21,7 милл. тонн на 32/33 год, намеченный выход нефтетоплива в 12,5 милл. тонн не составляет сколько-нибудь серьезных затруднений. Включая нефтяную промышленность в топливную группу, нужно сразу подчеркнуть, что задачи, стоящие перед ней, значительно шире и сложнее. Пред'являемые к нефтяной промышленности требования главным образом направлены на получение от нее высокоценных нефтепродуктов. Скорее можно было бы ожидать трудностей в самой добыче 21,7 милл. тонн сырой нефти. Но принимая во внимание высокий организационно-технический уровень нашей нефтяной промышленности и громадные средства в 1.350 милл. рублей, отпускаемые на капитальные работы, нужно думать, что нефтяная промышленность эту задачу разрешит.

Суммируя всю изложенную обстановку и условия, в которых должна развиваться топливная индустрия, мы должны констатировать, что намеченная в 105,0 милл. тонн добыча гарантирует не только нормальный ход развития народного хозяйства, но и накопления топливных потребительских резервов, которые будут более нормальны в части каменного угля. Помимо этого, выполнение грандиозной задачи строительства создаст к концу пятилетия даже некоторый производственный резерв, которого мы до сих пор не имеем. Основные трудности выполнения добычи и строительной программы, как мы видели, будут сосредоточены в каменноугольной промышленности, на долю которой, кроме общих трудных задач, ложится еще обязательство наверстать потерянный за предшествующие годы темп развития добычи и в особенности строительства крупных шахт. Программу развития топливной индустрии и всей энергетики мы считаем напряженной. Эта напряженность в энергетике, как и во всем пятилетнем плане народного хозяйства, вытекает из всей целевой установки плана, преследующего разрешение великих задач, и об'ективно-исторической обстановки классовой борьбы на внутреннем и внешнем фронтах.

Если со стороны производственно-технической, а отчасти и организационной, создающееся напряжение на топливно-энергетическом фронте

позволяет пятилетний план назвать максимальной программой, то со стороны тех требований, которые пред'являются к энергетике всем планом народного хозяйства, и той преобладающей роли, которую должна оказать энергетика на развитие реконструкции народного хозяйства, эта программа является минимальной. Тот индустриальный костяк плана, который выражается в сочетании энергетики, металла и химии, не может быть выдержан и устойчив, если какой-либо один из этих элементов не выполнит своей роли.

Основным, решающим фактором устойчивости нашего энергетического плана явится план электрификации и в особенности строительства крупных районных электроцентралей. Электрификация не только повышает технический уровень нашего энергобаланса, не только сберегает нам миллионы тонн высококалорийного топлива, но, в свою очередь, явится самым мощным производственно-техническим фактором в выполнении всей грандиозной и трудной программы строительства топливной индустрии. Программа выработки 17,2 млрд. квч. электроэнергии в 32/33 г. является минимальной программой. Напряженность в снабжении электроэнергией красной нитью проходит в течение всех пяти лет. В особенности мы недопустимо запоздали в развитии электрификации Донбасса и Урала. В области электрификации и электростроительства мы больше подкованы в пятилетнем плане, чем в области топливной индустрии. Здесь мы выступаем с ясной перспективой, подтвердившейся всем ходом истории социалистического строительства, здесь мы выступаем во всеоружии организационно-технического опыта.

Энергетический фронт, и в особенности топливо, не может явиться ограничивающим фактором развития социалистического хозяйства в пятилетнем плане. Самое худшее, что нас могло бы ожидать со стороны топлива, это некоторое изменение в структуре добывного топливного баланса по линии некоторого снижения роли каменного угля и повышения других видов топлива.

Конечные годы пятилетнего плана развития народного хозяйства совпадают с исторической революционной датой—последними годами первого генерального плана (ГОЭЛРО), того плана, который Ленин назвал второй программой партии, который был основан на энергетическом костяке.

На этом же энергетическом костяке будет развиваться и пятилетний план народного хозяйства, который не только блестяще закончит этот великий путь, но и опередит его в конечном результате.

Вот основные показатели развития, предусматриваемые планом ГОЭЛРО и пятилетним планом в последние годы:

	План ГОЭЛРО (как максимум)	По пятилетке
1. Мощность районных электроцентралей тыс. квт	1755	2550
2. Добыча минерального топлива, включая торф, мил. тонн условного топл.	81,0	93,5
В том числе Донбасс . . .	50,0	53,0
„ „ торф	7,3	8,0
3. Металл — чугун (мил. тонн) .	8,0	10,0

Вот как выглядят основы перестойки социалистической экономики, намечавшиеся ГОЭЛРО и намечающиеся пятилетним планом.

Вторая программа партии, программа строительства социалистической экономики (план ГОЭЛРО) будет превзойдена Советским Союзом.

Занять к концу пятилетия шестое место по выработке электроэнергии среди передовых стран мира, а по качественной структуре энергоаппарата стать в первые ряды;

занять четвертое место по выработке металла;

занять передовые места по добыче нефти и механизации угледобычи;

в то же время обогнать капиталистические страны в 2—3 раза и больше в темпе развития нашей индустрии,—вот ставка пролетариата в пятилетнем плане.

Одной из организационных предпосылок успешного разрешения программы энергетического строительства, энергетического укрепления страны, является необходимость создания единого энергетического центра Главэнерго. Энергетика в своей технической и экономической природе не терпит рассыпного организационного фронта. Во всем нашем изложении мы не могли бы при всем желании оторвать, например, проблему топлива от проблемы электрификации и обратно. Руководство энергетическим фронтом должно быть едино, как едина сама энергетика.

В заключение можно было бы еще раз подчеркнуть, что нашим самым опасным врагом может быть потеря времени, темпов и организационно-плановой дисциплины.

Можно было бы закончить наше изложение особенно важными мыслями, которые были вложены в свое время в план ГОЭЛРО:

Для нашей страны нет выхода вне вполне определенного, жесткого и вместе с тем лишенного педантизма единого государственного плана народного хозяйства.

Не забывать следующих основных правил:

1) прежде всего не терять времени, т.-е. не откладывать на завтра то, что необходимо сделать сегодня, и не терять темпа в ходе самой работы.

2) Начатое дело доводить до конца, не отступая от трудностей, потому что ничто так не дезорганизует работу, как беспомощное метание из стороны в сторону.

Этот принцип мы не забывали, когда проводили в жизнь план ГОЭЛРО. Мы эти принципы не забудем и впредь при проведении пятилетнего единого народнохозяйственного плана, являющегося отрезком и победным завершением первого генерального плана.

Эти принципы особенно следовало бы напомнить тем, кто болеет неверием, кто боится трудностей, кто не прочь бы отложить эти трудности на завтрашний день.

С. Бессонов.

Проблема районирования и транспорт.

Господствующее представление о транспорте сводится к следующему кругу мыслей. Транспорт является предприятием, обязанным возможно дешевле выполнять перевозки, пред'явленные к нему промышленностью, торговлей и сельским хозяйством. Чем успешнее выполнит транспорт эту работу, тем меньше будет накладной транспортный расход на общественное производство, тем дешевле будет обходиться производство товаров, тем скорее будет совершаться поступательное наше движение по социалистическому пути.

Подобное представление о транспорте покоится на той совершенно правильной мысли, что транспорт, как и всякое другое производственное предприятие социалистической системы, обязан выполнять свою работу с минимальными и непрерывно уменьшающимися издержками на единицу своей работы (тонно-километр). В этом отношении для транспорта, как и для промышленности обязательна директива XV партс'езда о неуклонном снижении себестоимости, как об основной задаче ближайших лет.

И тем не менее задачей снижения себестоимости перевозок, достигаемой рационализацией и реконструкцией транспортного хозяйства, отнюдь не исчерпываются отношения транспорта к общественному производству. Необходимо не только снижать себестоимость каждой отдельной перевозки, необходимо также **стремиться к тому, чтобы общая сумма перевозок в масштабе всего общественного производства была минимальной.** В противном случае рост бесполезных перевозок может лишить всякого народнохозяйственного эффекта мероприятия по удешевлению самих перевозок, как таковых. Экономия, достигнутая на удешевлении необходимых перевозок, может быть с избытком перекрыта издержками по совершению излишних перевозок.

Говоря о транспорте, мы ни на одну минуту не должны забывать, что «транспортная промышленность представляет из себя самостоятельную отрасль производства и является **продолжением производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения**» (Маркс). Этим сказано многое. Если процесс производства уже в рамках капиталистического общества достигает высокой степени совершенства вследствие того, что он совершается на базе кооперации, машин и разделения труда, то совсем иначе дело обстоит с процессом обращения. Капиталистическое общество ни при каких условиях не может рационализировать общественного процесса обращения товаров, так как последнее по самой своей природе покоится на анархии общественного разделения труда, на принципе полной бесплановости в распределении производства и производительных сил. Вследствие этого капиталистическое общество в состоянии революционизировать лишь **технику** транспорта, как важнейшей сферы производительного труда в процессе обращения, но никогда оно не будет в состоянии подойти к проблеме рационализации перевозочного дела в **целом**. Последняя задача, как и вообще вся проблема упорядочения товарного обращения, выпадает целиком на долю планового общества.

Плановое общество, как мы знаем, раскрывает неизмеримо более широкие рамки развития производительности труда, нежели капиталистическое общество. Это требует расшифровки. «Производительная сила труда,—писал Маркс,—определяется многочисленными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями». Из всех этих факторов в центре внимания советского общества до сих пор стояли главным образом мероприятия, связанные с повышением средней степени искусства рабочего, с увеличением количества, размеров и дееспособности орудий труда, и, наконец, в последнее время, мероприятия по развитию науки и ее технических применений. Совершенно бесспорны достижения советской хозяйственной системы во всех этих областях. Однако, основной сферой, где раньше и больше всего должны были бы сказаться преимущества плановой системы перед стихийно-капиталистической, является сфера общественной организации производственного процесса. Именно по этой линии должны были бы быть одержаны первые решающие победы на хозяйственном фронте.

При всех бесспорных успехах СССР в области планирования производства едва ли подлежит сомнению тот факт, что в деле планирования товарного обращения мы сделали еще очень мало. Прежде всего и раньше всего это сказывается в общественной организации той отрасли материального производства, которая является вещественным костяком процесса обращения,—т.-е. в области транспортного и складского дела в СССР. Несмотря на то, что каждую отдельную перевозку мы совершаем ныне с гораздо меньшей затратой труда и материальных средств, чем в довоенное время, тем не менее общая организация перевозочного дела в СССР не только не улучшилась, но, несомненно, ухудшилась по сравнению с царской Россией.

При росте в 1927/28 году народного дохода на душу населения на 2% по сравнению с 1913 г. размер грузооборота по ж. д. увеличился на душу населения на 5,8%, а вся работа ж.-д. транспорта по сравнению с 1913 годом возросла на 28%. В переводе на более грубый язык это значит, что мы возим теперь товары по жел. дор. гораздо чаще и на гораздо более далекие расстояния, чем прежде. Средняя дальность пробега грузов по железным дорогам возросла с 496 км. в 1913 г. до 601 км. в 1926/27 году и до 581 км. в 1927—28 году. Так как каждый лишний километр, пробегаемый всей массой грузов по ж. д. обходится стране не менее чем в 2,3 миллиона рублей, то увеличение средней дальности пробега грузов на 100 километров по сравнению с довоенным обходится Советскому Союзу не менее чем в 230 миллионов рублей ежегодно, не считая того, что на обслуживание одного этого удлинения пробега затрачивается ⅛ огромного основного капитала транспорта, стоимостью не менее 2 миллиардов рублей, не менее 2.000 паровозов и около 80.000 вагонов круглый год. Таковы самые грубые итоги неурегулированности нашего процесса обращения, поскольку она отражается в работе транспорта.

Само собой разумеется, что увеличение средней дальности пробега грузов об'ясняется целым рядом об'ективных обстоятельств. Однако, имея в виду колоссальную стоимость перевозочного дела в целом, следовало бы полагать, что общественная организация производственного процесса прежде всего и должна была бы заключаться как раз в устранении или смягчении влияния этих неблагоприятных об'ективных обстоятельств, столь серьезно удорожающих транспортное дело в стране.

Важнейшими причинами современного удлинения пробегов являются, как известно, следующие: а) выпадение из топливного баланса импортных углей, вследствие чего северо-запад страны перешел на снабжение донецким топливом с его типично дальними пробегами, б) выпадение из лесоснабжения страны западных лесных массивов с их короткими пробегами древесины и усиление роли северо-восточных и северо-западных лесных районов с их дальними расстояниями от районов потребления леса, в) выпадение из хлебофуражного баланса южно-русского и центрально-черноземного помещичьего хозяйства, вследствие чего сократился экспорт хлеба на коротких пробегах и увеличился экспорт крестьянского хлеба на дальних пробегах из Сибири, г) длительная депрессия поволжского земледелия, д) минерализация топливного баланса Урала, требующего дальнепробежных кузнецких углей, е) изменение тарифной системы, поощряющей дальние пробеги резкой диференциацией тарифных ставок, ж) связанное отчасти с тарифной политикой, отчасти с экономическими особенностями советской хоз. системы сокращение дальних пробегов грузов по внутр. водным путям, з) концентрация производства в немногих предприятиях и центрах с более медленным развитием мелкой промышленности, обслуживающей местный рынок, и) сокращение товарного запаса в стране, к) неравномерность восстановительного процесса, л) неразвитость планового начала.

Как видно из изложенного, главнейшая доля участия в удлинении среднего пробега падает на весотеряющие грузы—уголь и лесные материалы[1]). Достаточно сказать, что на перевозках только четырех из весотеряющих грузов (угля, нефти, лесных материалов и дров) СССР перерасходовал в 1926—27 году 113 миллионов рублей по сравнению с 1913 годом.

Между тем всемирно-исторический опыт промышленного развития свидетельствует о том, что по отношению к весотеряющим грузам характерна скорее противоположная тенденция—не к увеличению, а к сокращению средней дальности пробега. Пробеги весотеряющих грузов, в отличие от всех остальных, принадлежат к числу наименее рациональных с точки зрения общественного обмена веществ. Вагоны, приходящие с весотеряющим грузом, неминуемо бегут в обратный путь порожняком, потому что наполнявший их груз исчез в месте потребления, ничего или почти ничего не прибавив к весу обрабатываемых продуктов. Отсюда неустранимая тяга предприятий, перерабатывающих весотеряющее сырье, к расположению или непосредственно в местах добычи этого сырья (металлургия, энергетическая промышленность, химическая и др.) или в районах с оптимальными транспортными соотношениями. С другой стороны, транспортировка энергии все более и более отходит от первоначального грубого способа вагонной перевозки угля, торфа, нефти и т. п. и переходит к более совершенным способам непрерывного транспорта источников энергии в газопроводах, нефтепроводах, электропроводах.

В силу указанных выше причин дальность пробега весотеряющих грузов непрерывно сокращается в капиталистических странах, несмотря на то, что доля этих грузов в общей массе погрузки остается стабильной или в некоторых странах даже растет. Впрочем, в последние годы в связи с громадными успехами теплотехники в ряде стран намечается отчетливая тенденция не только к сокращению пробегов весотеряющих грузов, но и к абсолютному и относительному уменьшению их роли в погрузке вообще, не говоря уже об уменьшении их доли в общей работе транспорта в целом. Казалось бы, что эта глубоко прогрессивная тенденция историко-географического развития должна была бы с наибольшей силой проявить себя в условиях Советского Союза, хозяйственная политика которого ставит перед собой прямую задачу всесторонней рационализации общественного производственного процесса. И тем не менее, как мы видим, транспортная практика СССР показывает

[1]) Под весотеряющими грузами понимаются грузы, теряющие значительную долю своего веса при обработке.

совершенно обратное. Мы не только не рационализировали дела перевозок весотеряющих грузов, мы значительно ухудшили эти перевозки по сравнению с довоенным временем. Перевозки важнейших весотеряющих грузов (уголь, нефть, лес, дрова) обошлись нам в 1926—27 году на 113 млн. рублей дороже, чем они стоили бы в 1913 году. По плаиу перевозок на коиец пятилетня перевозки тех же четырех грузов в 1932/33 году обойдутся СССР на 248,3 миллиона рублей дороже, чем они обошлись бы царской России. Другими словами, удлинеиие средней дальности пробега весотеряющих грузов к концу пятилетия приобретает настолько большое значение и иачинает обходиться стране настолько дорого, что пора сосредоточить иа этом вопросе общественное внимание.

Важнейшей причиной, препятствующей делу рационализации общественного процесса обращения в СССР, является ныне действующая система тарифов по платежеспособности, благодаря которой цеиа иа перевозки не стоит ни в каком необходимом отиошеиии к реальиым издержкам перевозки. В силу этого действительные издержки процесса обращения выступают перед советской промышленностью и торговлей в извращеииой форме платежеспособных тарифов, питающих и поддерживающих у промышлеиности вреднейшие народнохозяйствеииые иллюзии. Так, например, существование исключительных тарифов иа уголь для московской, ленинградской и уральской промышленности питает и поддерживает в соответствующих районах вреднейшую иллюзию дешевизны привозиого топлива сравиительио с топливом местным. Общеизвестен, хотя и глубоко печален, тот факт, что доиецкий уголь благодаря исключительиым тарифам обходится в Леиииграде дешевле всех других видов топлива, даже дешевле лениииградского торфа, а кузнецкий уголь, привезенный за 4000 клм., стоит около Москвы дешевле подмосковных дров. Немудрено, что московская, леииисградская и уральская промышленность при всех своих симпатиях к местиым видам топлива предпочитает в своих перспективах опираться иа дешевое привозное топливо, забывая о реальных расходах транспорта по его доставке.

Между тем, стоит только на место исключительных тарифов (установленных кстати сказать в 1924 году для смягчеиия времеииого кризиса сбыта донецкого угля и по инерции оставшихся неизмеиными до сих пор) поставить реальные издержки по перевозке угля, как тотчас же обнаружится действительное соотношение. Привозное топливо, как это естественно вытекает из природы вещей и как оно есть на самом деле, немедлеиио окажется значительно дороже местного топлива, и промышлеииость должна будет существенно видоизмеиить перспективы своего собствениого развития в соответствии с реальиыми условиями производства н транспорта в данном районе. Таким образом, действительные перспективы районного развития затушевываются и искажаются действующей снстемой платежеспособиых тарифов, открывающей широкие рамки далеким перевозкам весотеряющих грузов, серьезно удорожающим иаше производство. Действительиые, ие иллюзорные перспективы развития промышлеиности в том или ином районе определятся только тогда, когда крнтерием этих перспектив станет не только перспективная себестонмость производства, но и перспективная стоимость транспорта, поиимая под последией реальиые затраты труда и материальных средств на переброску сырья, топлива, материалов и изделий.

Совсем иначе складывается дело при системе платежеспособных тарифов. Уже в 1925/26 году ЦПО и СЗО сожгли слншком 3 миллиоиа тонн донецкого топлива по прнчине его «дешевизиы». Для 1932/33 года потребление донецкого топлива в указаииых выше областях иамечается около 10 млн. тонн. В переводе на денежный язык это озиачает, что страна будет затрачивать к концу пятилетия не менее 100—120 миллионов рублей ежегодно на подвозку донецкого топлива в ЦПО и СЗО. Мало того, громадный уголь-

ный поток с юга на север, вызываемый и обусловливаемый ныне действующей системой платежеспособных тарифов, ставит перед самими ж. д. ряд труднейших технических задач по овладению этим потоком. Три железнодорожных направления общим протяжением около 3.500 клм., не менее 500 паровозов и свыше 25.000 вагонов заняты сейчас перевозкой донецкого угля с юга на север. Идут упорные разговоры о необходимости постройки специальной сверхмагистрали стоимостью в 400—500 миллионов рублей для облегчения и удешевления этих угольных перевозок. Оказывается, что недостаточно того, что огромный основной капитал 3-х железнодорожных направлений стоимостью около 700 млн. рублей почти сплошь занят уже сейчас нерациональными перевозками угля на север. Недостаточно того, что ежегодно на эти перевозки затрачивается около 100 миллионов рублей. Чудовищную сумму в полмиллиарда рублей и огромную массу металла (не менее 1½ млн. тонн) предполагается затратить на то, чтобы увековечить и закрепить навсегда бесплодный перегон угля к северу. Этих денег хватило бы на то, чтобы в течение нескольких лет залить ЦПО и СЗО электроэнергией на местном топливе, окружить потребляющие центры кольцом электро- и газопроводов и навсегда освободить наш центр и наш запад от привозного донецкого топлива. Излишне прибавлять, что вместе с этим освободились бы значительные материальные ресурсы (паровозы, вагоны) и в самом транспорте—ресурсы, столь необходимые для развития наших восточных окраин. Существующая ныне система платежеспособных тарифов задерживает эту назревшую историческую перестановку производительных сил, запутывает и затрудняет составление рационального и экономного топливного и энергетического баланса страны, чудовищно гипертрофирует дальние перевозки топлива, питая у промышленности и в хозяйственных кругах вреднейшую иллюзию дешевизны привозного топлива. Рациональный план топливоснабжения страны может быть составлен лишь тогда, когда все виды топлива будут перевозиться за плату, твердо и решительно приведенную в соответствие с реальной стоимостью их перевозки. Никакого иного способа упорядочить и удешевить энергетическое хозяйство СССР нет и быть не может.

Совершенно так же, как в случае с угольными перевозками, обстоит дело и с перевозками лесными. СССР перевез в 1927—28 г. по ж. д. 17 миллионов тонн лесоматериалов против 12 млн. тонн в 1913 году на расстояние, на 160 клм. превышающее довоенное (660 клм. против 499 клм. довоенных). Действующая тарифная система поощряет и развивает это удлинение и увеличение железнодорожных перевозок леса, задерживая одновременно перевозки леса по воде. К концу пятилетия промышленность предполагает перевезти по ж. д. 36 миллионов тонн лесных материалов. Не вдаваясь в оценку этой цифры, следует лишь отметить, что сильный рост дальних ж.-д. перевозок леса об'ясняется не только ростом потребности в лесоматериалах, но не в меньшей степени также и действующей системой тарифов, создающей у потребителей леса иллюзию относительной дешевизны дальнепривозных лесных материалов. Между тем, действительная стоимость древесины такова, что, если бы потребитель леса полностью оплачивал все расходы, связанные с ее доставкой, он в ряде случаев предпочел бы бесспорно отказаться от этого вида строительиых материалов.

Для увеличеиия добычи леса в предстоящее пятилетие предполагается, например, построить свыше 3.000 километров лесовозиых лииий, стоимостью в 380 млн. рублей. По подсчетам, произведенным ЦОС, эти новые линии будут давать в среднем около 2—2½ миллионов тонн новой древесины в год. Считая, что новые капитальные вложения, производимые между прочим за счет займов индустриализации, должны окупить себя не позже как через 15 лет, мы получим около 10 рублей одних только процентов на капитал на каждую перевезенную тонну древесины. Учитывая,

что реальные расходы по перевозке древесины достигают также суммы порядка 9—10 рублей на тонну, мы получаем для этих новых дорог действительную стоимость 1 тонны лесоматериалов не менее, как в 60 рублей тонна, считая стоимость тонны на месте производства 40 рублей и определяя действительную стоимость перевозки в 20 рублей. Между тем, потребитель леса платит за перевозку тонны древесины не 20, а 5 рублей. Древесина поэтому *представляется* ему примерно на 25% дешевле, чем она обходится стране на самом деле, благодаря чему строительная промышленность не видит особенного ннтереса в развертывании производства иных строительных материалов. Однако, иллюзии строительных организаций, вызванные применением платежеспособных тарифов, ни в какой мере не уменьшают действительных расходов по доставке древесины. Не подлежит сомнению, что новые 2 миллиона тонн древесины стоимостью в 60 руб. тонна (а не 45 р., как думают строительные организации) потребуют от страны 380 миллионов рублей капнтальных вложений. Этой суммы достаточно для того, чтобы построить 2 гигантских металлургических завода, могущих выбросить на рынок свыше 1 миллиона тонн чугуна стоимостью 35 рублей тонна, или создать заново и целиком мощную промышленность строительных материалов *минерального* происхождения, заменяющих древесину. Это не значит, что лесовозных дорог не следует строить. Может быть, они нужны и по строительным, н по другим соображениям. Важно лишь отметить, что действующая система платежеспособных тарифов не дает нам никакой возможности орнентироваться в действительном экономическом значении предпринимаемых нами вложений капитала.

Чрезвычайно ярко искажающее действие платежеспособных тарифов сказывается в экономическом обосновании двух крупнейших строительств нашего времени Магнитогорского металлургического завода и Волго-Донского канала. Магнитогорский завод скалькулировал стоимость производства тонны чугуна в 31 р., исходя из тарифа на перевозку кузнецкого угля в 0,38 к. с тонно-километра. Между тем, реальные издержки по перевозке угля (без обратного потока руды) при наличии ряда благопрнятных обстоятельств исчисляются около 0,68 коп. с тонно-километра. Поэтому действительная стоимость чугуна на Магнитогорском заводе будет не 31 рубль за тонну, а *больше*. Разумеется, это ни в какой степенн не ослабляет позиций Магнитогорского завода, но стране и партии нет никакой необходимости видеть вещи лучше или хуже, чем они есть на самом деле. Особенно, если речь ндет о больших капитальных вложениях.

Совсем нначе, но с аналогичной ошибкой, обосновывается Волго-Донское стронтельство. Крупнейшим дефектом в экономическом обосновании канала является тот факт, что в основу всех расчетов по сравнению водной магнстрали с железными дорогами, положены ныне действующие железнодорожные тарифы на массовые грузы, ни в какой степени не отражающне реальных издержек народного хозяйства по транспортировке этих грузов. Вместо того, чтобы определить народнохозяйственное значение В.-Д. магистрали естественным методом сравнения издержек ее перевозки с издержкамн перевозки по железным дорогам, экономическое обоснование в основу своего расчета кладет ныне действующие платежеспособные тарифы железных дорог и применительно к ним искусственно строит специальную схему водных фрахтов по образу и подобию железнодорожных. Тем самым решение огромной народнохозяйственной проблемы о Волго-Доне поставлено в зависимость от целого ряда исторически-наслаивавшихся, нередко случайных и почти всегда уже отживших обстоятельств, определявших в свое время нынешние железнодорожные тарифы на массовые грузы. В результате народнохозяйственное значение магистрали в значительной степени затемнено, район тяготения магистрали искусственно сужен, неправильно определен грузооборот, и неточно исчислены финансовые результаты эксплоатации магистрали.

Не подлежит сомнению, что вся вообще проблема пространственного размещения новых капитальных вложений не может быть удовлетворительно разрешена при нынешней системе платежеспособных тарифов, не отражающнх реальные издержкн по транспортировке грузов. Районы и области СССР не могут установить перспектив своего собственного развития по той простой причине, что соотношения между районами, определяющие эти перспективы, выражаются не в реальных издержках транспорта, а в платежеспособных тарифах. Суть же платежеспособных тарифов в том именно и заключается, что они выражают собой не отношения стоимости, а отношения силы и влияния. Поэтому каждый район строит свои перспективы не на основе реального учета издержек производства и издержек транспорта, а на основе издержек производства и таких тарифов по транспорту, каких он хотел бы добиться в меру своего влияния и силы. Отсюда крайняя неопределенность районных перспектив, крайняя случайность в их определении. Дело производственного районирования СССР, дело пространственного размещения новых производительных сил только тогда будет поставлено на прочные рельсы, когда в основу размещения будет положен не суб'ективный признак силы и влияния, характерный для монополистической стадии капитализма, а об'ективный признак себестоимости производства и *транспорта*. Тогда, и только тогда будет ясно, что межрайонный обмен должен заключаться не в обмене весотеряющими грузами, как это имеет место сейчас и как это мыслится многими и для будущего, а в обмене главным образом фабрикатами и изделиями с переработкой подавляющей массы весотеряющего сырья на месте его добычи и производства. В противном случае наши восточные окраины навсегда останутся поставщиками сырья, топлива и хлеба для индустриального запада СССР.

Основной вывод из всего сказанного выше заключается в том, что параллельно с рационализацией и реконструкцией траспортного хозяйства, как такового, мы должны не меньшее внимание посвятить рационализации перевозочного дела в СССР в целом. Подобно тому, как отдельное предприятие современной индустрии строится по принципу минимального транспорта и основной задачей конструктора является такое пространственное размещение элементов производства, при котором продукт труда пробегал бы наименьшее расстояние (принцип конвейера, непрерывного потока, ротации и т. д.), так точно и социалистическая хозяйственная система должна располагать свои производительные силы таким образом, чтобы при прочих равных условиях иметь минимальное количество перевозок. Естественным условием такого расположения производительных сил является отчетливое представление у всех хозяйственных организаций не только о себестоимости производства в том или ином районе, но и о себестоимостн транспорта из района в район. Другими словами, социалистическая хозяйственная система требует для себя тарифной политики, опирающейся не на принцип платежеспособности, а на принцип себестоимости. Старая тарифная система представляет собою поэтому важнейшее препятствне делу рационализации перевозок в СССР и делу социалистической организации транспорта.

Громадный вред, приносимый стране существующей системой платежеспособных тарифов, отчетливс выступает наружу, когда мы вглядываемся в картину того перераспределения средств, которое производится ныне через тарифную систему. Благодаря тому, что действующие ныне тарифы не находятся ни в каком необходимом отношении со стоимостью перевозкн, они почти по каждому грузу отклоняются то вверх, то вниз от действительной стоимости перевозки. Все, что траиспорт недобирает по одним грузам, он

перекладывает на грузы другие, заботясь о том, чтобы общая выручка по перевозкам покрывала совокупные издержки транспорта в целом. Благодаря этому транспорт уже в настоящее время перераспределяет не менее чем 200 миллионов рублей ежегодно между различными отраслями нашего хозяйства. Никакого плана этого перераспределения, никакой сознательной политики в этом деле тарифный комитет не имеет и иметь не может. Перераспределение этих громадных сумм, доверенное тарифному комитету, производится случайно и стихийно, при чем нередко единственным опорным пунктом для перераспределения является довоенное соотношение тарифных ставок. Приходится удивляться, каким образом в СССР, где перераспределение каждой общественной копейки имеет тенденцию совершаться под строжайшим общественным контролем, олицетворенным в высших государственных органах, могло до сих пор сохраниться столь бесплановое перераспределение сотен миллионов рублей в тарифном комитете. Только гипноз платежеспособных тарифов мог заставить принять за сознательную политику нынешнюю практику тарифных органов.

Едва ли может подлежать сомнению тот факт, что цены товаров на ряду с бюджетом и кредитом являются орудием перераспределения народного дохода в СССР. Однако не менее бесспорен и тот факт, что цена является пока-что перераспределителем народного дохода лишь в отношениях между обобществленным и необобществленным секторами народного хозяйства и до известной степени в отношениях между отдельными отраслями обобществленного производства. В пределах же и внутри каждой отрасли производства, перераспределяющая роль цены сводится к нулю, и все товары одного рода оцениваются по средним общественно-необходимым издержкам производства с прибавлением общественно-установленной нормы накопления. Нелепо было бы оценивать тонну чугуна по разной цене в зависимости от того, идет ли она на изготовление мостовых ферм или на выделку консервных жестянок. А между тем именно такой способ расценки считается законом ценообразования на транспорте, вследствие чего транспорт не только узурпирует права госбюджета на народнохозяйственное перераспределение налогового типа, но и внутри самого себя теряет истинное представление о соотношении между издержками производства и их финансовым результатом. Две железных дороги, одинаковые по своим издержкам, могут, как небо от земли, отличаться друг от друга своими финансовыми результатами, если по одной из них возится уголь, а по другой — мануфактура. А между тем для железной дороги, как транспортного предприятия, товары перестают быть товарами и превращаются в грузы, ничем не отличающиеся друг от друга, кроме об'ема, веса, способа погрузки и расстояния пробега. Поэтому бессмысленно и теоретически неверно возлагать на транспорт роль перераспределителя народного дохода применительно к *стоимости* товара, т.-е. применительно к такому общественному свойству товаров, с которым транспорт, как таковой, меньше всего имеет дело. Поэтому перераспределение народного дохода налогового или полуналогового типа, каким фактически является нынешнее тарифное перераспределение, должно быть исключительным делом бюджета. Тарифная система советского транспорта должна опираться на себестоимость перевозки и ни на что больше, понижая тарифы по мере и вместе с понижением себестоимости перевозки, каковое понижение должно составлять важнейшую задачу управления транспортом. Перераспределение же дохода между отраслями промышленности и народного хозяйства должно стать целиком делом госбюджета.

Изменение тарифной системы в направлении отражения тарифами реальных издержек транспорта по перевозке тех или иных грузов оздоровляет не только народнохозяйственную организацию перевозочного дела,

но и самый транспорт. Народнохозяйственная организация перевозок не отделена китайской стеной от технической организации транспорта. Сохранение, например, угольного потока с юга на север потребует рано или поздно сооружения сверхмагистрали, т.-е. наиболее совершенного с технической точки зрения железнодорожного пути. И, наоборот, сооружение сверхмагистрали, ежели оно произойдет, увековечит и закрепит навсегда угольный поток с юга на север. Из этого примера видно, что народнохозяйственная и собственно техническая организация перевозочного дела теснейшим образом связаны друг с другом и определяют одна другую. А так как регулирующим началом народнохозяйственной организации транспорта является тарифная система, то совершенно очевидно, что изменение тарифной системы не может остаться без влияния на техническую сторону транспортного дела.

При существующей системе платежеспособных тарифов между себестоимостью перевозки и тарифной ставкой не существует никакой необходимой связи. Поэтому на транспорте вполне возможно положение, когда себестоимость перевозки понижается, а тарифная ставка повышается. Такое положение было, например, в истекшем 1927/28 году. Столь же возможно на транспорте и обратное положение, когда себестоимость перевозки повышается или остается стабильной, средняя же тарифная ставка, вследствие ухудшения состава грузооборота и увеличения дальности пробега, понижается. Таким образом, даже по отношению к общей массе перевозок транспорт не может установить необходимого соотношения между технической организацией перевозок и их финансовыми результатами. По отношению же к отдельным перевозкам благодаря системе платежеспособных тарифов о каком-либо соответствии между издержками перевозок и их финансовыми результатами и речи быть не может. В силу этих обстоятельств современный ж.-д. транспорт имеет крайне смутное представление о калькуляции собственной работы и не имеет особых причин заниматься ею. Поэтому рационализация в железнодорожном транспорте страдает некоторым отсутствием той целеустремленности, которая характеризует рационализаторскую работу во всех тех случаях, когда ясен финансовый эффект рационализации. С другой стороны, эффективность капитальных вложений в железнодорожный транспорт никогда не сможет быть определена с достаточной степенью точности, пока между себестоимостью перевозки и тарифной ставкой не будет установлено отношение прямой зависимости. Следовательно, рационализаторская и реконструктивная работа на транспорте имеет в действующей тарифной системе одну из главных своих помех.

Наконец, не в малой степени особенности действующей тарифной системы сказываются и на той бесплановости и хаотичности, которая характеризует перевозки ряда крупнейших наших грузов. Перепробеги хлебных грузов сравнительно с 1913 годом определились в 1926/27 году в 8,2 миллиарда тонно-километров, что составляет для страны излишний расход не менее, чем в 100 миллионов рублей. На ряду с целым рядом об'ективных причин значительную долю вины за хлебные перебеги несет наша тарифная система.

По подсчетам Металлосиндиката ежегодный перерасход на излишние и вполне устранимые перепробеги металлогрузов определяется в несколько миллионов рублей. Аналогичные результаты дали подсчеты Сахаротреста и Резинотреста. Одна переадресовка грузов, составляющая у нас, к сожалению, бытовое явление, обходится стране в несколько десятков миллионов рублей ежегодно. Не приходится уже и говорить о том, что такой кардинальной важности факт, как падение роли водного транспорта в деле массовых перевозок, серьезно удорожающее транспортное дело в СССР, не

в малой степени обязано именно особенностям нашей теперешней тарифной системы.

Все эти явления и факты могут быть вполне устранены и изжиты лишь тогда, когда планы распределения промышленных и сельскохозяйственных товаров, составлять которые под контролем Госплана обязаны все производящие и торгующие организации, будут иметь в своей основе не нынешнюю систему платежеспособных тарифов, а тарифы, основанные на себестоимости железнодорожных и водных перевозок.

Из всего сказанного следует, что с точки зрения транспорта важнейшим условием успешности народнохозяйственного развития в ближайшие годы является более целесообразное географическое размещение новых капитальных вложений с тем, чтобы совокупность реальных издержек производства и транспорта товаров в СССР была минимальной. Для того, чтобы такое целесообразное размещение капитальных вложений осуществить, необходимо твердо решиться на радикальное изменение ныне действующей тарифной системы, покоящейся на буржуазном принципе платежеспособности грузов. Тарифная система СССР должна и может покоиться только на другом принципе, на принципе себестоимости перевозок.

Но нельзя располагать новые капитальные вложения по принципу реальной себестоимости перевозок, а тарифы для старых капитальных вложений строить по принципу платежеспособности грузов. Тарифная система СССР должна быть единой.

Поэтому единственным выходом из положения является признание неизбежности перестройки тарифной системы в ближайшее пятилетие с тем, чтобы пятилетний и генеральный планы всех без исключения отраслей народного хозяйства строились впредь на основе реальных издержек транспорта, а не на основе теперешних платежеспособных тарифов.

Только в таком случае СССР сможет построить такой план своего хозяйственного развития, в котором развитие производительной силы труда найдет себе выражение не только в увеличении количества, размеров и дееспособности новых орудий труда, но и в более целесообразном, более экономном распределении их по огромной территории СССР.

С. Игнат.

Наши задачи в борьбе с бюрократизмом.

I. Против терпимого отношения к бюрократизму.

Известно, что работников, не умеющих вести борьбу с бюрократизмом или бессознательно тормозящих ее, у нас чрезвычайно много. Ленин в свое время считал, что даже среди коммунистов таких «неумеющих» не меньше половины; он не раз подчеркивал ту мысль, что управляющему слою коммунистов нехватает культурности. Но на ряду с **неумеющими** бороться имеется не мало бюрократических элементов в госаппарате и в партии, которые **не желают** вести борьбу с бюрократизмом. Эти элементы считают, что мы переусердствовали в развертывании самокритики и в борьбе с бюрократизмом, что мы этой борьбой разрушаем государственный аппарат, что это мешает работать и т. д. [1]).

Не приходится доказывать, что такая неправильная, вредная постановка вопроса характеризует полное непонимание необходимости и **политической сущности** нашей борьбы с бюрократизмом. Ошибочность такой позиции заключается в том, что упускают из виду, что работа по изживанию бюрократизма—**это форма классовой борьбы**, что это—борьба с напором мелкобуржуазной стихии, давящей на наш аппарат. Отвлекаться от этой политической стороны вопроса—значит смазывать **классовый смысл** и **революционное содержание** нашей борьбы за улучшение госаппарата, борьбы, которая, конечно, не может и не должна быть сведена только к задаче технико-административного улучшения советских учреждений.

Пассивное отношение к борьбе с бюрократизмом, нетерпимое отношение к самокритике—одна из черт **правого уклона**. Это вовсе не исключает того, что правые сами обвиняют партию в том, что она насаждает бюрократизм вместо борьбы с ним. На эту сторону правых у нас обращают недостаточно внимания.

Недооценка классовой сущности борьбы с бюрократизмом, оппортунистическое толкование этой борьбы у правых элементов нашей партии вытекает из неправильного представления о расстановке классовых сил в нашей стране в настоящий момент. Совершенно естественно, что люди, находящиеся в плену у мелкобуржуазной стихии, не видящие классов и отрицающие обострение борьбы классов в нашей стране, относятся пассивно, терпимо к бюрократизму, который связан с давлением чуждых нам классов на аппарат.

Пассивное отношение к бюрократизму является составной частью взглядов представителей правого уклона не только потому, что оно органи-

---

[1]) Характерным в этом смысле является отношение ряда работников госаппарата к проведенному в Москве в марте с. г. «налету» 1.500 рабочих на московские учреждения с целью выявить отношение к посетителям. Отрицая самую идею «налета», эти работники неоднократно подчеркивают, что зря раздули дело из-за каких-то пустяков. Это показывает, что бюрократизм стал настолько распространенным явлением, что у многих работников госаппарата притупляется чувство восприятия этого зла и они примиряются с ним, считая отдельные его проявления—в частности издевательство над посетителями—мелочью.

чески вытекает из всей их установки, из всей их оценки современного положения в стране. Это терпимое отношение к бюрократизму со стороны правых нужно также об'яснить и тем, что непосредственные представители правого уклона рекрутируются в значительной части из *бюрократизирующихся элементов госаппарата*. Сказанное, конечно, не исключает того, что в тот или иной период правые элементы, в интересах маскировки и маневрирования, могут выдвигать радикальные программы и преувеличивать рост бюрократизма. Такой радикализм является более показательным для способов борьбы правых, чем для характеристики их подлинных взглядов на этот вопрос.

Интересно, что нежелание активно бороться с бюрократизмом часто подкрепляется «научной» мотивировкой и сылками на Ленина являющегося якобы защитником таких взглядов. При этом ход рассуждений следующий: все дело сводится к об'ективным условиям, к нашей отсталости; до преодоления этой отсталости борьба с бюрократизмом не может дать положительных результатов. Преодоление нашей отсталости—дело длительное, поэтому не следует увлекаться борьбой с бюрократизмом. Не лучше ли вместо борьбы с бюрократизмом, с отдельными конкретными носителями бюрократизма направить наше внимание на изживание нашей отсталости, и тем самым будет изживаться бюрократизм. Не нужно вести какой-то специальной борьбы с бюрократизмом.

В приведенных рассуждениях совершенно неправильно *противопоставляется борьба с бюрократизмом борьбе с отсталостью, а из длительности и трудности борьбы делается оппортунистический вывод о пассивности по отношению к бюрократизму* [1]).

Разберемся в этих рассуждениях. Ленин действительно неоднократно указывал на *длительность* борьбы с бюрократизмом, предупреждал, что в этом труднейшем деле самым вредным было бы ожидать быстрых, скоропалительных успехов. Ленин считал, что «борьба с бюрократизмом потребует десятилетий. Это труднейшая борьба, и всякий, кто будет говорить вам, что мы освободимся сразу от бюрократизма, если примем платформы антибюрократические, будет просто шарлатаном, охочим до хороших слов» (т. XX, ч. 2, стр. 443).

Эта совершенно бесспорная мысль Ленина целиком увязывается с его оценкой корней и источников нашего бюрократизма. Определяя корни последнего в нашей отсталости, Ленин приходит к выводу, что бюрократизм является длительным явлением для советской страны и что решающие сдвиги будут итти здесь на ряду с успехами социалистического строительства. Нужно ли опровергать вздорное утверждение, будто из этой ленинской установки и вытекает пассивное отношение к бюрократизму? Такой вывод был бы издевкой над ленинизмом.

Заявлять о том, что в борьбе с бюрократизмом мы ничего не добьемся, поскольку весь вопрос заключается в нашей технико-экономической отсталости, что все дело в непреодолимых, об'ективных, вне нас находящихся условиях,—это значит решать вопрос не по-марксистски, не по-ленински, а подходить к делу упрощенно-меньшевистски; это значит умалять роль и значение энергии и инициативы революционного класса, сбрасывать со счетов рабочий класс, как действующую историческую силу, забывать, что

---

[1]) Между прочим, заявление о том, что мы должны вести борьбу за изживание отсталости, а не с бюрократизмом, как это легко видеть, является не более, как ширмой, как *предлогом для отказа от борьбы с бюрократизмом*. В самом деле, когда предлагается конкретная программа изживания нашей отсталости, когда речь идет о темпе индустриализации страны, тогда правые заявляют о необходимости его снижения, мотивируя как раз нашей отсталостью.

об'ективные обстоятельства сами могут изменяться в большой мере под воздействием этой силы. Здесь сказывается обычное для оппортунизма выхолащивание *действенной, революционной* стороны в марксизме. Такой подход не содержит и грана ленинизма и является чистейшей воды «сухановщиной», примененной к вопросу о бюрократизме.

Также неверно противопоставлять борьбу с бюрократизмом борьбе с нашей технико-экономической и культурной отсталостью.

Положение таково, что бюрократизм является серьезнейшим тормозом, помехой для социалистического строительства, и *борьба с бюрократизмом является необходимым условием, без которого невозможна успешная работа по изживанию технико-экономической отсталости*. Верно, что успехи социалистического строительства подрывают корни бюрократизма, но также верно и то, что каждый, даже малейший реальный шаг в борьбе с бюрократизмом содействует нашему продвижению вперед в области хозяйства и культуры, что в свою очередь становится базой для дальнейших успехов в борьбе с бюрократизмом. Таким образом, *связь и зависимость между борьбой с бюрократизмом и ликвидацией нашей отсталости далеко не является автоматической, и было бы грубой ошибкой представлять себе схематически, упрощенно соотношение этих двух фронтов и противопоставлять их*.

В конечном счете, успехи борьбы с бюрократизмом упираются в нашу индустриализацию. Но с нашей стороны было бы меньшевистским упрощением вопроса, если бы мы упустили из виду необходимость нашей активности в борьбе с бюрократизмом, необходимость привлекать широчайшие массы для борьбы с этим злом уже сейчас, во время изживания и, в первую голову, для изживания этой отсталости. Точка зрения, сводящая все к об'ективным обстоятельствам, *закрывает возможность действительной борьбы с бюрократизмом*, т. к. она *отбрасывает значение и участие масс* в этой борьбе. Это—не наша точка зрения.

Надо ударить и в корне пресечь всякие попытки оправдать пассивное отношение к бюрократизму нашей отсталостью, а тем более всякие попытки «доказать» эту оппортунистическую идею ссылкой на Ленина. Лучшим доказательством, полностью опрокидывающим все эти измышления в отношении Ленина, является страстная, бичующая оценка и та непрестанная подлинная война с бюрократическими извращениями, которую Ленин вел как вождь партии и руководитель советского государства.

Связывая бюрократизм с нашим прошлым, он тем не менее неустанно десятки и сотни раз обращал внимание партии на необходимость борьбы с бюрократизмом, считая, что «мы должны были сказать в программе, в таком документе, как программа партии, что бюрократизм возродился и нужна систематическая борьба против него» (том XVIII, ч. 2). Более того, «надо, чтобы мы поняли, что борьба с бюрократизмом есть борьба абсолютно необходимая и что она так же сложна, как задача борьбы с мелкобуржуазной стихией» (т. XVIII, ч. 1).

Ленин обращался не только ко всей партии, но и требовал от каждого коммуниста активной борьбы с бюрократизмом. Достаточно вспомнить следующие слова Ленина, что «с ними (бюрократами и вредителями) нужно воевать по всем правилам военного искусства и привлекать к ответственности тех партийных товарищей, которые ходят и жалуются или рассказывают анекдоты о том, что в таком-то учреждении сделана такая-то гадость, ходят по всей Москве и рассказывают анекдоты про бюрократические происшествия» (XVIII, ч. 1, 277).

Без изживания вредных, неправильных, антиленинских представлений о природе бюрократизма и нашем отношении к нему нельзя вести практи-

ческой борьбы с этим злом. Отбрасывая утопические иллюзии о быстром «изгнании» бюрократизма, нужно самым решительным образом бороться против оппортунистического выжидания и пассивности в борьбе с бюрократизмом. Эта задача становится особо актуальной в настоящий период.

II. Особенности бюрократизма на данном этапе.

Партия ведет борьбу с бюрократизмом в течение всех лет революции. Ленин ставит вопрос о необходимости борьбы с бюрократизмом еще тогда, когда советская власть насчитывает несколько месяцев своего существования. На всех переломных этапах развития советской страны вопрос о бюрократизме становился в центре внимания. Далеко не случайным является тот факт, что Ленин говорит о бюрократизме при обсуждении программы, при переходе к нэпу. Последние работы Ленина также показывают, что именно этому вопросу он посвящал наибольшее внимание.

Несмотря на то, что мы успешно вырешили крупнейшие задачи гражданской войны и восстановительного периода, нужно сказать, что мы во все *время революции сталкивались с определенным несоответствием между состоянием и качеством государственного аппарата и очередными задачами, которые стояли перед нами в каждый период.* Это об'ясняется чрезвычайно напряженной обстановкой, особыми условиями создания аппарата и опять же недостатком культуры.

Известно, какую отрицательную характеристику давал Ленин нашему госаппарату в течение всех лет и особенно в своих предсмертных работах. Ленин не скупился на крепкие слова, он неоднократно подчеркивал, что «центральный аппарат у нас за 3½ года настолько уже сложился, что успел приобрести известную вредную косность» (т. XVIII, ч. 1, 208—209), что наш госаппарат «представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям» (XVIII, ч. 2, 121 стр.), что он, этот аппарат, «страдает весьма многими недостатками, который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не для нас, а против нас» (XVIII, ч. 2, 84 стр.).

Несмотря на то, что за последние годы мы добились некоторых успехов в деле улучшения нашего госаппарата (сокращение штатов, уменьшение управленческих расходов, сокращение отчетности, уничтожение параллельных и ненужных учреждений и т. д.), тем не менее нужно со всей определенностью сказать, что *ленинская характеристика нашего госаппарата продолжает в основном сохранять свою силу и для сегодняшнего дня.*

Мы добились ряда крупных успехов во всех областях нашего строительства. Но нужно прямо сказать, что наименьшие успехи нами достигнуты в труднейшем деле, в деле борьбы с бюрократизмом. Здесь мы добились незначительных результатов по сравнению с теми гигантскими задачами, которые перед нами в этой области стоят. В самом деле, о чем говорит чрезвычайная слабость выдвиженчества за последние годы, о чем свидетельствует почти полное отсутствие повседневного фактического контроля широчайших масс над работой госаппарата и в силу этого имеющие место частые искривления классовой линии пролетарского государства? Приступили ли мы с достаточной решительностью к выполнению требования нашей программы о том, что для борьбы с бюрократизмом необходимо «постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством»?

И если, несмотря на все это, мы справились с нашими задачами, то это нужно отнести не за счет значительного улучшения нашего аппарата, а об'яснить правильностью и твердостью нашей политики, преимуществами советской системы, упорством и активностью трудящихся масс, которые, несмотря на слабость, а местами и сопротивление аппарата, преодолевали стоявшие перед нами трудности.

Несоответствие качества аппарата нашим требованиям, которое являлось характерным для всех прошедших лет, с особой силой сказывается в настоящий момент. Вступление в период социалистической реконструкции, когда мы приступаем к решительной переделке и перестройке нашего хозяйства на новой технической базе, когда мы смелее приступаем к выкорчевыванию корней капитализма и начинаем делать решительные шаги в сторону действительного изживания нашей отсталости, с большей ясностью, чем когда-либо, выявляет отрицательные стороны нашего госаппарата и больше, чем когда-либо, ставит вопрос о необходимости усиления работы по улучшению аппарата и нашей борьбы с бюрократизмом.

Строить новые заводы, крупнейшие станции, перенимать иностранную технику, использовывать опыт передовых капиталистических стран в под'еме сельского хозяйства, усиливать планирование, организовывать новые совхозы, создавать укрупненные колхозы, — все эти *новые задачи требуют новых методов, знания, умения, другого темпа работы, другого подхода, всего этого нельзя достигнуть без энергичнейшей борьбы с бюрократизмом.*

Усиление борьбы диктуется не только возросшей диспропорцией между качеством и новыми усложнившимися строительными задачами реконструктивного периода. Надо иметь в виду, что на работу госаппарата в настоящий момент имеет большое влияние *обострение классовой борьбы* в нашей стране. Это обстоятельство не может не усиливать попыток давления враждебных классов на ряд звеньев нашего аппарата. В некоторых местах это давление перерастает со стороны мелкобуржуазной стихии в попытки овладения нашим аппаратом. В последнем случае мы имеем дело не только с чуждым влиянием, с отдельными искажениями линии пролетарского государства, а с попыткой поставить аппарат на службу чуждых нам классов. *Активизация враждебных нам элементов не может не усиливать бюрократизм в нашем госаппарате.* Это обстоятельство, усложняющее нашу борьбу с бюрократизмом, настойчиво требует всяческого усиления ведущейся нами борьбы с бюрократизмом.

Необходимо отметить, что рабочий класс в силу культурного и политического роста за последние годы воспринимает сейчас бюрократические извращения гораздо сильнее, чем в прежние годы. Обострилась чувствительность, восприятие и реагирование рабочего на недостатки госаппарата. Это явление, будучи в основном положительным показателем роста рабочего класса и некоторых успехов самокритики, становится вполне реальным, *дополнительным требованием к усилению и усложнению нашей борьбы с бюрократизмом.*

Наконец, не следует забывать, что и при правильной проводимой политике первые этапы реконструктивного периода (когда еще полностью не могут сказаться результаты наших капитальных вложений, когда значительная доля ресурсов страны, направляемая на дело индустриализации отвлекается от использования их для удовлетворения непосредственных нужд трудящихся, когда усиливается активность кулацко-капиталистических элементов) неизбежно связаны с наличием хозяйственных затруднений.

Таким образом, с одной стороны, мы не добились за прошлый период больших успехов в деле улучшения госаппарата. С другой стороны, новые условия, связанные с реконструктивным периодом, не могут не усиливать напора враждебных элементов на аппарат, и *новые* задачи пред'являют к нашему аппарату *новые*, более высокие требования. Все это делает в настоящий

момент бюрократизм, оторванность аппарата от широких масс, факты извращения классовой линии, преступную волокиту, нечеткую работу, издевательство и невнимание к трудящимся — особо вредными, особо опасными. Без самой решительной, беспощадной борьбы с этим злом — мы не сумеем вырешить основных задач настоящего периода.

III. Проверка исполнения и борьба с безответственностью.

Одним из самых актуальных вопросов в деле борьбы с бюрократизмом является проверка исполнения. «Самый коренной недостаток Совнаркома и СТО, — писал Ленин, — отсутствие проверки исполнения. *Нас затягивает* поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа» [1]). Этот основной недостаток относился, конечно, не только к Совнаркому и к СТО. В основном, нужно сказать, что мы далеко не изжили этот недостаток и по сей день. Невыполнение советских законов, искривление линии партии и пролетарского государства стало у нас довольно распространенным явлением.

Мы не говорим уже о злостном искажении нашей линии, когда в ряде частей госаппарата, особенно в его низовых звеньях, отдельные элементы противятся выполнению советских законов и используют его в интересах чуждых нам классов. Мы имеем сплошь и рядом невыполнение решений в результате нашей неповоротливости, неумелости, косности и некультурности. Способствует этому отсутствие какого-либо сносно постановленного контроля. Возьмем для примера центральные учреждения. НК РКИ РСФСР, проверяя в 1928 году выполнение постановлений правительства нашими наркоматами, пришел к выводу, что «коллегия Наркомзема не вела систематического контроля за выполнением поручений правительства аппаратом Наркомзема, руководители отдельных частей аппарата не проявляли достаточной активности при разрешении этих вопросов». Это же обследование обнаружило, что со стороны «Президиума ВСНХ РСФСР не имеется систематического контроля за выполнением заданий правительства». Точно такие же решения имеются по Наркомвнуделу, Наркомюсту, Наркомфину и другим наркоматам.

Не приходится говорить о том, что задания, которые и выполняются, заканчиваются с большим запозданием, напр., из 131 задания Наркомторгу РСФСР за 1926—27 год, обусловленных сроком, выполнено в срок только 21,3%, с просрочкой до 2 мес.—30,2%, до 4 мес. — 12,9%; из 76 заданий за 3 квартала 1927—28 г. остались невыполненными на 1/IX 1928 г.—11,9%.

О чем говорят эти факты? Они показывают, что наши *центральные учреждения всерьез еще не подошли к важнейшей работе — к постановке контроля.*

Мы пишем уйму хороших законов и совершенно не заботимся об их судьбе. Ленин неоднократно подчеркивал, что надо «перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) *на выбор людей и проверку исполнения.* В этом гвоздь [2]). Как правило, до самого последнего времени во всей системе госаппарата отсутствовал постоянный фактический контроль над исполнением.

Все организации, и в первую голову партийные и советские, обращая самое серьезное внимание на исполнение директив партии, должны взяться за организацию систематического контроля, проверки.

---

[1]) Из письма к А. Цюрупе о новой постановке работы СНК и СТО. Сборник В. Ленин «Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрокр. и волокитой», стр. 60.

[2]) Сборник Ленин «Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрократизмом и волокитой». Записки Цюрупе по поводу проекта директивы Малому СНК. Стр. 65.

Необходимо отметить, что отсутствие проверки исполнения является не только следствием недостаточного внимания непосредственно к этому делу. В большой мере это связано с неправильной системой работы наших учреждений, системой, которая делает невозможным фактический контроль. Обратимся к случаю с сульфатом, который описан в «Листке РКИ» [1]). На Карабугазском заливе, на Каспии, на промыслах добывали примитивным порядком 60.000 тонн сульфата в год. В конце 1927 г. Главхим ВСНХ РСФСР с согласия трех добывающих организаций взялся за создание единого треста «Карабугазсульфат». Бесчисленное количество инстанций обсуждали этот вопрос, везде давали свое согласие на организацию всесоюзного треста. В ноябре 1928 года Совнарком СССР утверждает этот трест. Старые добытчики сульфата, пока оформляли создание треста, без конца требовали средств, ждали нового хозяина, запрашивали, где находится оргбюро треста.

ВСНХ РСФСР не захотел финансировать добычу, так как постановили создать всесоюзный трест, который будет в ведении ВСНХ СССР. А ВСНХ СССР отказался финансировать, так как Президиум ЦИК СССР еще не утвердил постановления о создании треста. Наконец, в феврале ЦИК утвердил проект, даже директора подыскали в президиуме ВСНХ для нового треста, но пока все это проделывали и ждали утверждения треста... прошел сезон добычи сульфата. Волокита съела экспортный сульфат, и наша химическая промышленность осталась без сульфата.

Пример этот чрезвычайно показателен. Все ведомства, организации, отделы, связанные с этим делом, обсуждали, соглашались, вырешили. А когда решение надо было провести в жизнь, на сцену выступили ведомственные интересы. Какой же смысл принимать все эти согласованные, междуведомственные решения, если ведомство, которое должно взяться за их выполнение, прячется за формальность, ссылается на междуведомственность решения и губит дело? Этот пример с погибшим сульфатом в результате отсутствия проверки исполнения, контроля над исполнением принятого решения, показывает, что у нас *отсутствует точное разделение функций и ответственности каждого исполнителя, каждой организации за определенное дело.*

Вместо ответственности определенного лица, определенного органа в пределах предоставленных ему прав и обязанностей у нас развита система разделения ответственности между многими, между рядом организаций. Фактически не с кого спросить. Вместо конкретных ответчиков имеются безответственные междуведомственные, внутриведомственные комиссии, которые фактически ничего не решают, хотя и много заседают.

Как на пример нежелания брать на себя ответственность за порученное дело можно указать имеющиеся многочисленные факты, когда директора заводов и трестов, несмотря на то, что последнее решение Совнаркома предоставляет им широкие права, не пользуются этими правами, *бегут от ответственности.* Дело доходит здесь даже до курьезов. Директор N-ой фабрики без разрешения треста не решается снести уборную, поправить коровник. Или такой случай. Директор другой ф-ки, входящей в I Хлоп.-бум. Трест, запрашивает председателя треста, как ему быть, можно ли разрешить пользоваться фабричной баней рабочим, не занятым на данной ф-ке.

Каждый спешит запастись бумажкой, что не он один приложил руку к тому делу, которое ему поручено, непосредственный исполнитель старается приобщить побольше подписей, чтобы в случае какой-либо ошибки он не был одинок. Чего стоит хотя бы следующий пример. В НКПС проводится вопрос об изменении таксы оплаты судами санитарных мероприятий в портах СССР [2]). Казалось бы, такой маленький вопросик о повышении оплаты за де-

---

[1]) Трест всесоюзного значения, «Правда» (Листок РКИ), апрель 1929 г.

[2]) По материалам группы РКИ, работающей под руководством тов. Е. Ф. Розмирович.

зинфекцию можно было поручить одному-двум работникам в административном порядке, закончить это дело в 2—3 дня, ну, скажем, в недельный срок. На деле же, чтобы решить вопрос о повышении оплаты за уничтожение вшей, клопов и мышей на пароходах, работают 2 комиссии, было 3 заседания, 7 междуведомственных совещаний. Этим занимались целый год! Шла междуведомственная переписка, которая только в одном НКПС заняла больше 100 листов. Дождались пароходные клопы, что вокруг них организовали такую грандиозную мышиную возню в наркоматах. Сюда, кроме НКПС, притянули Наркомздрав, Наркомфин и, конечно, Наркоминдел; кроме того, привлекли еще представителей трех республик: РСФСР, ЗСФСР, УССР. В самом НКПС на внутренней бумаге этого приказа имеется 11 подписей.

Не ясно ли, что такая система, когда отсутствует точная ответственность в пределах точно установленных функций, прав и обязанностей делает невозможным фактический контроль. В любом деле нет виновных, а имеются согласованные решения огромного числа лиц и учреждений.

Вряд ли нужно добавлять, что такой способ согласования часто не является деловым, а только затягивает решение дела, что согласование внутриведомственное сводится очень часто к пустой формальности, когда шесть уже проставленных подписей заведующих другими отделами автоматически притягивают новую седьмую внизу со стороны седьмого зава, который часто даже не читает бумаги, которую он подписывает. На первый взгляд может показаться, что речь идет о технических деталях управления. На деле это, конечно, не так. Это серьезнейшая проблема.

Такой порядок работы создает в аппарате атмосферу безответственности, питает чувство безнаказанности, плодит волокиту и разлагает аппарат. Автоматизм, казенщина, отсутствие подлинной ответственности за порученное дело препятствуют росту наших работников, мешают им учиться работать всерьез, так, чтобы действительно отвечать за свою работу.

Кроме перечисленного крупнейший дефект этой системы заключается в том, что она затрудняет и делает невозможным привлечение масс к контролю и проверке исполнения, так как фактически не с кого спрашивать.

Надо для того, чтобы проверка исполнения действительно стала возможной, провести в жизнь прямую директиву Ленина: вести «наблюдение за тем, чтобы ответственность в первую голову членов коллегий и важнейших сотрудников, а затем и всех сотрудников была совершенно точно и индивидуально установлена, беспощадная борьба против господствующей расплывчатости и неясности в вопросе о том, что каждому отдельно поручено, и против вытекающей отсюда полнейшей безответственности» [1].

IV. Массы и борьба с бюрократизмом.

Было бы совершенно неправильным думать, что мы сумеем добиться необходимых успехов, если в борьбе за выполнение решений и законов мы ограничимся проверкой, поставленной только одними силами госаппарата. Нужно со всей определенностью сказать, что, если к этому делу не будут привлечены самые широкие массы трудящихся, из всей проверки исполнения ничего не выйдет.

Мы ведем борьбу за четко, дешево и аккуратно работающий аппарат. В этой области перед нами стоят невыполненными огромные задачи. Но тем не менее дешево работающее, правильно распланированное и структурно хорошо слаженное учреждение не может нас удовлетворить, если классовое

[1] «Из постановления о работе замов». Сборник, стр. 77.

содержание и методы его работы не соответствуют нашим социалистическим задачам, если это учреждение не вовлекает в свою работу и не организует массы. Продолжая работу по улучшению аппарата, мы обязаны успехи в этом деле расценивать не только с точки зрения технико-административного улучшения. Для нас является обязательной при оценке работы аппарата постановка вопроса о том, насколько данное учреждение опирается и связано с массами, проводит свою работу при посредстве масс. Эта связь с массами является особенно важной в настоящий момент.

В самом деле, как можно строить колхозы, проводить рационализацию промышленности, поднимать урожайность без активного участия широчайших масс трудящихся. Размах, об'ем и новизна нашей строительной работы, трудности, связанные с первыми этапами реконструктивного периода — все это требует самого энергичного участия масс в управлении государством и контроле над работой госаппарата.

Расширение участия масс в управлении и контроле самым настойчивым образом диктуется особенно в период обострения классовой борьбы в стране. Борьба с активизирующимся классовым врагом была бы явно недостаточной и часто даже безуспешной, если бы мы не дополняли административное воздействие по отношению к врагу усиленной организацией пролетарской общественности, расширением пролетарского контроля снизу.

Взять, например, борьбу с кулаком, наступающим на общественные элементы деревни. Если в этом деле ограничиться только административными мерами и не обратиться к организации бедноты и батрачества, не поднять их политического удельного веса в деревне, то совершенно ясно, что от такой борьбы получится чрезвычайно малый результат.

Из всей обстановки вытекает повелительная необходимость сделать ряд решительных и энергичных шагов в деле привлечения масс к борьбе с бюрократизмом, к борьбе за улучшение нашего госаппарата.

Надо помнить, что подлинная борьба с бюрократизмом начинается только тогда, когда в ней принимают участие массы.

За прошедшие годы революции мы накопили не мало человеческих ресурсов, которые делают вполне возможным более смелое и последовательное привлечение трудящихся к управлению и контролю.

За эти годы на основе культурного и политического роста рабочего класса, на основе роста материального благосостояния дело определенным образом сдвинулось в лучшую сторону. Не учитывать этого обстоятельства было бы, конечно, упущением.

У нас имеется не мало «степенных» «государственных людей», которые обычно на всякие предложения о широком привлечении масс к действительному управлению и контролю отвечают: не увлекайтесь, из этого дела ничего не выйдет. Надо об'явить и повести решительную борьбу с такими скептиками, маловерами, которые проявляют вреднейшую косность, массобоязнь и недоверие к творческим возможностям рабочего класса.

Это важнейшее дело нельзя откладывать до каких-либо лучших времен. Надо твердо помнить, что привлечение к управлению рабочих и крестьян «дело исключительно трудное, но в то же время такое, без постоянного развития которого советская власть неминуемо осуждена на гибель» [1]. Поэтому мерилом успешности нашей борьбы с бюрократизмом должна быть степень участия масс в этом деле. Эту сторону в борьбе с бюрократизмом необходимо особенно резко подчеркнуть, так как

[1] Н. Ленин. Сборник «Об улучшении госаппарата, о борьбе с бюрократизмом и волокитой». Из постановления о работе замов. Стр. 81.

у нас нередко пытаются теперь бороться с бюрократизмом бюрократическими методами.

В связи с этим необходимо широко развертывать и всемерно укреплять особенно те формы, способы и организации, которые содействуют вовлечению масс в управление и привлечению их к контролю (выдвиженчество рабочих на ответственные должности, временные контрольные комиссии во всех учреждениях и предприятиях, экономсовещания, секции РКИ, производственные совещания, добровольцы бюро жалоб РКИ, легкая кавалерия комсомола, рабкоры, специальные группы содействия, «налеты» на учреждения, массовые обследования, суды рабочих заседателей и т. д.).

Опыт проведенного внезапного «налета» на московские учреждения с целью выявить отношение к посетителям показал, что массовая проверка со стороны рабочих дает самые ощутительные и полезные результаты. Почему бы не поставить вопрос о проверке сотнями рабочих и работниц для начала отдельных отраслей, обслуживающих непосредственные нужды рабочих, например, общественного питания, пекарен, прачечных, кооперативов, страхкасс, больниц [1]? Обследователи участвовали бы затем в выработке мероприятий по устранению выявленных недостатков и через некоторое время снова проверили бы, как выполняются принятые ими предложения.

Что плохого было бы, если бы, например, рабочие ряда заводов, входящих в трест, не только заслушали отчет директора треста, а взяли бы на себя фактическую проверку работы треста? Ведь они-то знают все слабые и положительные стороны работы, они чувствуют ее на собственном опыте, лучше любой контрольной организации.

Контроль над работой госаппарата не должен носить эпизодический характер. Надо начать усиленно обволакивать наши аппараты тесным кольцом рабочей общественности и добиться такого положения, чтобы каждый участок государственного аппарата был под неослабным контролем трудящихся. Каждое звено госаппарата должно быть окружено контролирующей и одновременно помогающей группой рабочих, сопрягающих свою работу с усилиями РКИ, при поддержке «легкой кавалерии», печати и т. д. В деревне эту работу должны вести группы бедноты.

Только такая массовая, постоянная проверка, сочетающаяся с контрольной работой самого аппарата, может дать результаты в деле борьбы с бюрократизмом.

За последнее время в деле массового контроля замечается определенный сдвиг в сторону улучшения.

Вряд ли нужно добавлять, что в этой области мы делаем только первые шаги. Сейчас нужно во сто крат увеличить работу в этой области. Если мы подойдем к этому делу с необходимой смелостью и революционностью, можно заранее сказать, что на этом пути нас ожидают крупнейшие успехи.

V. Чистка аппарата и выдвижение новых кадров.

Коренным образом переделать государственный аппарат, решительно обновить состав его работников нельзя, конечно, в короткий срок. Это требует длительной, упорной работы. «Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще...» [2]).

Эта переделка требует значительной и упорной работы, и достижения в области настоящей реорганизации и решительного обновления людского

[1]) Конечно, этими учреждениями нельзя будет ограничиться. Они названы потому, что с них надо начинать, потому, что они ближе затрагивают и скорей заинтересуют рабочих.

[2]) «Лучше меньше, да лучше», 1923 г., XVIII, ч. 2, стр. 126.

состава госаппарата связаны с нашими успехами в области культурной революции. «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться, и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом...» [1]).

Нисколько не преуменьшая первостепенного значения учебы и развертывания культурной революции, мы должны уже теперь, не дожидаясь, не откладывая этого дела, энергичнее вести работу по переделке нашего аппарата, опираясь на уже накопленный опыт и на некоторый, хотя и незначительный и недостаточный, наш культурный рост.

Состояние государственного аппарата, несмотря на некоторые успехи, которые мы имеем за последние годы, в настоящий момент таково, что необходимо принять помимо обычной работы по его рационализации и улучшению ряд особых мер. Мы не сумеем разрешить новые усложнившиеся задачи, связанные с новым периодом, если не предпримем в настоящий период ряд таких мероприятий, которые должны подтянуть аппарат, освободить его от таких элементов, которые мешают проводить нашу линию. Мы должны констатировать значительную засоренность аппарата чуждыми, враждебными и негодными элементами. Перед нами стоит задача не только подготовки и выдвижения новых кадров. В данный момент с особой остротой выпячивается необходимость освобождения аппарата от этого враждебного и негодного балласта.

В связи с этим большое значение приобретает вопрос о чистке. Чистка стала настоятельной необходимостью. Ноябрьский пленум ЦК по этому поводу указал, что «бюрократические извращения, невнимание к нуждам трудящихся, вопиющая косность и преступная волокита нередко подрывают работу госорганов. Отдельные звенья государственно-кооперативного аппарата доходят до прямого разложения и срастания с буржуазно-капиталистическими элементами населения, вызывая необходимость коренной чистки этих органов».

В настоящее время эта чистка проводится в 30 местах Советского Союза. На опыте уже проведенных чисток в этих районах необходимо выревшить вопрос о способах и приемах работы в предстоящей повсеместной чистке аппарата.

Необходимо отметить, что при проведении чистки государственного аппарата был допущен ряд дефектов. Остановимся на важнейших.

Наблюдается погоня за большим числом вычищенных. Вполне понятно, что при такой неправильной установке значительно возрастает число неизбежных при всякой чистке ошибок. И самая чистка направляется по неправильному руслу. Наша задача заключается вовсе не в том, чтобы выбросить из аппарата возможно больше народу; выбросить нужно только тех, кто действительно является нетерпимым сейчас в советском аппарате. В погоне за большим числом вычищенных, естественно, исчезает необходимая тщательность, комиссии устремляются по линии наименьшего сопротивления, начинают изгонять из аппарата исключительно по формальным мотивам, вычищают исключительно бывших дворян, белых офицеров и т. д. Нередко дело доходит до курьезов.

При таком подходе не обращают внимания на качество работы каждого работника, а руководствуются только анкетными данными, социальным происхождением и прежней работой. Так, из 16.970 человек, вычищенных в 24 местах Союза, по данным на 15 февраля 1929 г., за бюрокра-

[1]) Там же.

тизм изгнано всего несколько сот человек, большинство же остальных приходится на бывших белых офицеров, бывших крупных чиновников, бывших владельцев, дворян и т. д.

Конечно, большая часть всех этих остатков бывших командующих классов совершенно непригодна к работе в нашем аппарате, многие присосались к нему, немалая доля среди них сознательно искривляет нашу линию,— *и их изгонять из аппарата необходимо.* Но совершенно ясно, что если чистка пойдет только по линии изгнания «бывших», то мы оставим в стороне, не затроием огромный слой настоящих бюрократов новой формации, не принадлежащих к старому чиновничеству, офицерству и т. д. По этому поводу совершенно правильно сказал на комсомольском с'езде (май 1928 г.) тов. Сталин: «Если бы дело шло только о старых бюрократах, борьба с бюрократизмом была бы самым легким делом. Беда в том, что дело не в старых бюрократах. Дело, товарищи, в новых бюрократах, дело в бюрократах, сочувствующих советской власти, наконец, дело в бюрократах из коммунистов. Коммунист-бюрократ—самый опасный тип бюрократа. Почему? Потому, что он маскирует свой бюрократизм званием члена партии. А таких коммунистических бюрократов у нас, к сожалению, немало».

Не гоняясь непременно за большим числом вычищенных, надо изгонять не по формальным признакам, а независимо от происхождения, очищать государственный аппарат от людей, не желающих и не могущих проводить линию пролетарского государства, разложившихся, переродившихся, срастающихся с кулацкими, нэпманскими элементами.

Работа по проверке людского состава в ряде мест ведется совершенно *оторванно, без всякой связи с характером работы учреждения.* Для того, чтобы чистка не была механической, только анкетной, чтобы она обнаружила тех, кого действительно нельзя сейчас оставить на работе, необходимо увязать чистку с недостатками и болезненными явлениями в работе данного учреждения. Такой единственно-правильный подход требует проведения серьезной подготовительной работы, которая не везде имела место.

Крупнейшим недостатком является также и то, что чистка не везде проходила *открыто, гласно.* Без широкого привлечения масс к очищению аппарата, без предварительного широкого раз'яснения ее задач, только на основе документов и отдельных опросов одни контрольные и проверочные комиссии без связи с массами будут бессильны выявить именно тех, кого надо вычистить. В самом деле, как можно при негласной чистке обнаружить виновников искривления классовой линии? Такие «секретные» чистки представляют благодарную почву для использования чистки в интересах склоки. При этом неизбежны необоснованные решения и тем самым умаление авторитета чистки.

Опыт показывает, что там, где к чистке были привлечены массы, последние оказали большую помощь делу. Так, например, на Северном Кавказе от беспартийных рабочих и крестьян Черноморского округа поступило свыше 5.000 заявлений и жалоб.

Крупнейшим дефектом является недостаточное участие в ряде мест партийных и профессиональных организаций в подготовке и проведении чистки. Ячейки в ряде случаев стоят в стороне от чистки. Отдельные коммунисты проявляют недостаточную активность. Не везде имеется необходимая мобилизация партийной общественности вокруг чистки.

В связи с чисткой возникает вопрос о том, как оградить аппарат от *обратного приема вычищенных.*

В ряде мест такие явления далеко не единичны. Понятно, что возвращение на работу изгнанных из госаппарата грозит свести на-нет всю проделываемую работу по очищению аппарата и подрывает доверие рабочих масс

к чистке. Необходимо принять ряд мер, которые оградили бы аппарат от обратного приема вычищенных, например, *опубликование списков тех вычищенных*, которым навсегда запрещена работа в советском аппарате, *отметка в трудовых списках* в случае запрещения работы на срок или для определенного круга должностей, *издание специального закона*, ограждающего госаппарат от проникновения вычищенных и засорения чуждыми, вредительскими и показавшими свою полную непригодность к работе в совaппарате элементами.

Совершенно ясно, что одних этих организационных мероприятий недостаточно. Чуждый и враждебный элемент найдет при поддержке отдельных работников госаппарата немало лазеек, чтобы вернуться снова на работу в советские учреждения. На ряду с организационными мероприятиями необходим систематический контроль над приемом на работу со стороны самих служащих, со стороны профессиональных и партийных организаций, со стороны рабочих, осуществляющих контроль над работой госаппарата.

На ряду с чисткой необходимо в данный момент обратить особое внимание на выдвижение новых кадров на государственную работу из пролетарской среды.

Нет необходимости пояснять, какое огромное значение имеет для обновления людского состава государственного аппарата и коренной его переделки вопрос о выдвижении рабочих и крестьян на постоянную, руководящую работу в госаппарат. *Новые силы, приходящие снизу из пролетарской среды, должны внести свежую струю в работу госаппарата, должны содействовать усилению борьбы с бюрократизмом, разгильдяйством, бесхозяйственностью и т. д.*

Необходимо признать, что за последние годы в области выдвижения, на этом важнейшем участке фронта борьбы с бюрократизмом, мы не имеем требуемых результатов. В этом деле у нас отсутствует необходимая смелость, настойчивость и решительность. Этому делу не было уделено достаточно внимания. В аппаратах центральных учреждений до сего времени выдвиженцы насчитываются единицами, они здесь представлены крохотными, незаметными группками.

Приведем таблицу, напечатанную в «Листке РКИ» («Правда» от 7 марта 1929 г.) под заголовком «Позорные цифры»:

Картина выдвижения в центральных аппаратах [1]).

Названия учреждений	Число опер. отв. работников в учрежден.	Сколько выдвинуто рабочих в аппарат			Сколько удержалось в аппар.
		В 1924 г.	В 1925/27 гг.	В 1928 г.	
Наркомторг СССР	600	2	—	—	1
Наркомюст РСФСР	120	4	7	—	Ни одного
Наркомпрос РСФСР	250	3	—	4	7
Наркомфин РСФСР	200	6	—	3	9
Госбанк СССР	250	22	11	4	13
Центросоюз	450	20	—	12	22
Наркомфин СССР	500	15	9	8	22

В аппарат ВСНХ СССР за пять лет (1924—1929) влилось всего 2 выдвиженца, в ГЭТ—3, в Наркомзем—1 батрак-выдвиженец, в Росгосстрах—1, в Мосгубстрах—2, в Резинотрест—4.

[1]) По данным ЦК ВКП. Записки тт. Орлова, Арбузова, Новива.

В ВСНХ РСФСР, в Союзе Союзов с.-х. кооперации, в Третьем Хлопчбум. тресте ни одного выдвиженца нет.

Картина не требует пояснений. При этом надо иметь в виду, что вообще рабочая прослойка в центральных учреждениях также мала. Например, в Наркомтруде СССР—16,2%, в Наркомземе—6%, Наркомвнуделе—8,4%. Среди ответственных работников НКФ СССР—7,2%, ВСНХ СССР—3,8%, Сельхозбанк СССР—8,4% [1]).

Такое же приблизительно положение имелось до самого последнего времени на местах. Выдвинутые в аппарат одиночки часто затираются, наталкиваются на косность, недоверие и нередко даже на враждебное отношение со стороны отдельных частей аппарата. Связь выдвиженцев с предприятиями, откуда они пришли, чрезвычайно слаба; плохо поставлена учеба, наблюдается отсев выдвиженцев и проч. Профсоюзы зачастую стоят в стороне от выдвижения. Руководители учреждений, за редким исключением, не интересуются вопросами выдвижения. Большею частью они неохотно заполняют несколько единиц в своем штате за счет выдвиженцев, примиряясь с этим, но почти никто из них не считает, что выдвижение действительно может помочь их работе.

Если иметь в виду засоренность наших учреждений классово-чуждыми, негодными и враждебными элементами и наличие значительного числа рабочих, выросших за годы революции и вполне пригодных к работе в нашем аппарате,—то нужно признать, что темп выдвижения и работа по выдвижению являются крайне недостаточными.

Ряд партийных, советских и профессиональных организаций недооценили всей важности и значения выдвижения в борьбе с бюрократизмом, в борьбе за улучшение госаппарата.

Необходимо добиться решительного перелома в деле выдвижения. Надо сломить сопротивление бюрократических элементов нашего госаппарата, противящихся притоку новых пролетарских сил в аппарат.

Надо твердо помнить слова Ленина о том, что «организаторских талантов в «народе», т.-е. среди рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть—мы. Но мы этому научимся, если примемся со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций, учиться этому» (т. XV, стр. 212—213).

Уметь найти, подобрать и с большей энергией и решительностью, чем мы это делали до сих пор, выдвигать тысячами в госаппарат из среды выросших на фабриках и заводах, а также и низовой советской работе—сейчас одна из основных задач в борьбе с бюрократизмом.

Вопрос о выдвижении приобретает особо актуальное значение в настоящее время в связи с чисткой аппарата. Чистка не даст тех результатов, которых мы ждем от нее, если мы не свяжем ее с выдвижением новых кадров. Надо уже теперь немедленно взяться за работу по отбору и подготовке выдвиженцев. Надо организовать обучение выдвиженцев, имея в виду характер их будущей работы.

Одним из крупных недостатков практиковавшегося до сих пор выдвижения является недостаточно общественный характер отбора кандидатур. К обсуждению этих кандидатур не всегда привлекались широкие рабочие массы. Такое положение приводило часто к тому, что отдельные кандидатуры были неудачными, самое выдвижение в таких случаях проходило незаметно для предприятия и создавало предпосылку для

[1]) Бюллетень ЦКК ВКП(б)—НК РКИ СССР и РСФСР, № 2—3, февраль—март 1929 г., стр. 9.

отрыва выдвиженца от фабрики и завода, откуда он был выделен. В связи с этим необходимо отнестись со всей серьезностью к подбору, выделяя тех, кто действительно подходит к этой работе. Надо к подбору и выдвижению кандидатур привлечь широкие рабочие массы.

Среди выдвинутых в госаппарат имеется чрезвычайно мало женщин. На эту сторону надо обратить серьезное внимание. Работниц и крестьянок необходимо выдвигать гораздо смелее, чем мы это делали до сих пор. Не надо забывать, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих уменьем наладить практическое дело с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». (Ленин, т. XVI, стр. 257).

Особое значение приобретает в настоящее время вопрос о выдвижении работников в низовой аппарат в деревне из среды бедняцкого и батрацкого актива.

Мы уже приступили к практическому выполнению тех больших задач социалистического строительства, которые намечены в пятилетнем плане развития народного хозяйства нашего Союза. Успешная реализация поставленных в плане задач находится в тесной зависимости от того, как будет нами разрешена проблема кадров. Нам надо добиваться такого положения, чтобы наш государственный аппарат целиком и полностью отвечал тем задачам, которые возлагаются на него пятилетним планом. И здесь на первое место должен быть поставлен вопрос о выдвижении рабочих и крестьян.

Чтобы двинуть вперед дело выдвижения, необходимо приковать к нему внимание партийных, советских и особенно отстающих профсоюзных организаций. Надо перейти от случайного выдвижения одиночек к постоянной, планомерной работе в этой области. Надо с величайшим вниманием относиться к самому отбору выдвиженцев.

Надо создать деловую, товарищескую обстановку для выдвиженцев в учреждениях, которая способствовала бы их росту и работе. За этим делом должны следить парт'ячейки и месткомы. Они обязаны оказывать всяческую поддержку и помощь выдвиженцам и добиться чуткого, бережного отношения к ним. Руководители учреждений должны лично отвечать за состояние выдвиженчества в аппарате, которым они руководят.

Надо добиться того, чтобы выдвиженец не был одиноким, заброшенным в учреждении. Он должен стать активным участником улучшения советской работы, он должен иметь возможность повышать свою теоретическую и практическую квалификацию и держать самую тесную связь с предприятием, откуда он был выдвинут.

Нужно понимать, что без борьбы с бюрократическими элементами, сопротивляющимися притоку свежих сил в аппарат, мы необходимого перелома в деле выдвижения не добьемся. Надо дать решительный отпор таким настроениям, которые считают, что пролетарии, пришедшие от фабрик и заводов, не способны заняться руководящей работой в госаппарате. Надо начать большую, систематическую, планомерную работу по энергичному пополнению госаппарата новыми кадрами из пролетарской среды. Это должно стать одной из самых боевых, неотложных наших задач.

Мы имеем достаточно годных для выдвижения сил. Если мы подойдем к этому делу со всей серьезностью и проявим необходимую смелость и решительность, то мы, несомненно, добьемся больших успехов.

Ан. Троцкий.

Как подготовляют „размычку“.

(Против правой ревизии ленинского учения о союзе пролетариата и крестьянства).

Вопрос о союзе пролетариата с основными массами крестьянства вновь становится в центре внутрипартийных споров.

Вновь уклонисты, но теперь уже правые, принимаются за «разработку» проблемы отношений пролетариата и крестьянства, за «истолкование» ленинского учения о союзе этих двух классов, за «изложение» ленинских «заветов» и «завещаний» по этому основному вопросу.

И в этом, пожалуй, нет ничего случайного, ибо проблема союза рабочих и крестьян, проблема руководства рабочего класса основными массами крестьянства является главнейшей проблемой диктатуры пролетариата, и то или иное решение этой проблемы немедленно сказывается на всей нашей хозяйственной и политической практике, немедленно ощущается самыми широкими крутами трудящихся нашей страны. Тем внимательнее должна партия присмотреться и тем решительнее и нетерпимее она должна отнестись ко всяким попыткам ревизии ленинского учения о союзе пролетариата и крестьянства, какими бы кричащими фразами и клятвами в верности ленинизму эти ревизионистские попытки ни были прикрыты.

Тот факт, что правые уклонисты и колеблющиеся в их сторону усиленно ратуют з а союз пролетариата с крестьянством, снабжая свои речи и статьи многочисленными цитатами о важности этого союза и вставая в позу ярых защитников союза, тот факт, что они (правые) обвиняют партию и ЦК в политике, противоречащей идее союза, в политике «размычки»— этот факт иногда смущает отдельных, слишком доверчивых к словам товарищей, склонных даже думать, что в лице правых партия будто бы имеет лучших друзей, хранителей и поборников ленинской идеи союза пролетариата и крестьянства.

Однако, чем громче правые кричат о союзе пролетариата и крестьянства, тем резче обнаруживается, что именно они-то и развенчивают ленинский лозунг союза обоих классов, что именно они-то и являются худшими нарушителями этого союза.

Мало и недостаточно встать в позу защиты союза пролетариата и крестьянства, мало и недостаточно ратовать за «крепчайший союз рабочих и крестьян», надо четко и недвусмысленно определить — какое классовое содержание вкладывается в ленинское понятие союза, кто руководит в этом союзе, во имя чего и на решение каких задач руководящий в этом союзе класс ведет своего союзника и как, при помощи каких форм и методов он его ведет на данной, исторически определенной, вполне конкретной ступени социалистического развития.

Без ответа на эти вопросы, без расшифровки по этим основным линиям, формула соглашения пролетариата и крестьянства остается «совершенно неопределенной».

А правые и колеблющиеся к ним как раз и не дают сколько-нибудь удовлетворительного ответа на эти решающие, основные вопросы.

II. Смычка по Дану и смычка по Ленину.

Вл. Ильич неоднократно подчеркивал всю недостаточность общих, не расшифрованных соответственным образом формул о соглашении рабочих и крестьян. Он говорил, что такую общую формулу о союзе, формулу, еще очень мало говорящую, поддерживают и «проводят в своих взглядах» самые заклятые враги советской власти и даже «очень часто пускают ее против нас», ибо «сама по себе эта формула совершенно неопределенна» (т. XVIII, ч. 1, стр. 257).

Лучшим подтверждением этой мысли Ильича, мысли о том, как даже открытые враги советской власти «проводят в своих взглядах» общую формулу союза с крестьянством, является последнее выступление в меньшевистской прессе господина Дана.

В «Социалистическом Вестнике» от 4/XII—28 г. Дан, высказываясь за поддержку и развертывание программы правых уклонистов в нашей партии и за «обеспечение условий буржуазно-демократического развития России», выдвигает в качестве «основного вопроса» и очередной задачи для меньшевиков борьбы за «политическую демократию», т.-е. за буржуазную демократию.

Решить эту задачу, по его мнению, меньшевики могут лишь на основе союза, соглашения рабочих и крестьян.

«Эта задача (т.-е. задача борьбы за буржуазную «демократию» и вообще за «обеспечение условий буржуазно-демократического развития России». *А. Т.*),—говорит Дан,— исторически вполне осуществима, ибо весь ход русской революции создал возможность длительного союза пролетариата и крестьянства».

В «Соцвестнике» от 24 января с. г. и в мартовском номере австрийских меньшевиков «Der Kampf» (за 1929 г.) меньшевик Дан полемизирует против меньшевика Троцкого.

Оба они (и Дан и Троцкий) одинаково убеждены, что «России» не миновать возврата к буржуазно-капиталистическому режиму, но Троцкий считает, что формой этого режима будет фашистская диктатура, Дан же более оптимистичен, нежели Троцкий, и полагает, что это будет буржуазная демократия. Дан призывает всех меньшевиков бороться за путь к этой буржуазной демократии, при чем добиться своей меньшевистской перспективы Дан надеется при помощи «рабоче-крестьянского союза», который, — по его мнению, — «только и может быть основой политической (читай буржуазной. *А. Т.*) демократии в пореволюционной России».

В журнале «Der Kampf» Дан прямо пишет, что

...«преследуемая русской соц.-демократией политика сознательно направлена на компромисс, на соглашение (eine Verständigung) пролетариата и мелкобуржуазного крестьянства, на смену (die Ablösung) большевистской диктатуры, которая на словах тоже именуется «рабоче-крестьянским правительством», через действительное коалиционное правительство рабочей и крестьянской партий, которое по своему существу возможно лишь на демократических основах» (стр. 132, подчеркнуто нами. *А. Т.*).

Дановская формула «соглашения пролетариата с крестьянством», как видим, означает «смену большевистской (= пролетарской. *А. Т.*) диктатуры», «обеспечение условий буржуазно-демократического развития», возврат к капитализму. Такое содержание в эту формулу рабоче-крестьянского союза Дан вкладывает совершенно открыто, придавая контрреволюционную определенность общей и до тех пор еще «совершенно неопределенной» формуле.

В 1921 г. Ленин, упоминая о меньшевистских формулах союза рабочих и крестьян, подчеркивал, что в их руках и при их меньшевистском толко-

вании эта формула «означает не что иное, как восстановление капитализма». (Том XVIII, ч. 1, стр. 326).

Мы же,—продолжал Вл. Ильич,—«когда мы об этом (т.-е. о соглашении пролетариата с крестьянством. *А. Т.)* говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата» (там же).

Для нас, учил Ленин, соглашение это «лишь тогда является допустимым, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов» (т. XVIII, ч. 1, стр. 257), т.-е. к построению социализма.

Как видим, классовое содержание формулы соглашение пролетариата с крестьянством в понимаиии коитрреволюционеров-меньшевиков и в понимании Лениив и его партии диаметральио противоположно. Да иначе и быть не может.

Для меньшевиков союз с крестьянством есть возврат к капитализму, есть средство для укрепления диктатуры буржуазии, есть форма руководства буржуазии.

Для ленинизма союз с крестьянством есть движение к социализму, средство для укрепления диктатуры пролетариата, форма руководства пролетариата.

Классовое содержаиие формулы соглашения пролетариата с крестьянством у Дана и у Ленина непримиримо противоположно.

И, однако, Дан оперирует этой же общей формулой.

И потому сугубо важно и для каждого ленинца абсолютно обязательно, когда перед иим жонглируют общей формулой «соглашения», «союза», ставить всякий раз перед собой вопрос: а какое классовое содержание вкладывают в эту формулу? Кто, во имя чего и каким образом руководит в этом союзе?

Равным образом и теперь, когда правые элементы и колеблющиеся к ним тт. особенно любят выдавать себя за настоящих, «стопроцентных» сторонников, друзей и хранителей ленинской формулы союза пролетариата и крестьянства, теперь в особенности уместио поставить этот вопрос и попытаться выяснить, какой же ответ на этот вопрос дают правые уклонисты.

И вот, на проверку выходит, что никто так грубо и так бесцеремонно не искажает ленинскую теорию союза пролетариата с крестьянством, как эти товарищи, выдающие себя за стопроцентных хранителей ленинских идей; никто так не изощряется, чтобы ясное ленинское содержаиие формулы союза низвести до уровня худшего оппортуиизма.

Теория союза пролетариата и крестьянства, которую пытаются развивать правые и колеблющиеся к ним, на проверку решительно расходится с теорией союза в ее ленинском понимании и прежде всего тем, что она (эта теория) сводит на-нет роль пролетариата, как руководящей силы в этом союзе.

Это обнаруживается уже в факте борьбы правых против линии партии, против линии, которая является прямым осуществлением ленинского лозунга союза рабочих и крестьян.

Две идеи теснейшим образом связаны с ленинским пониманием этого лозунга, если мы говорим о лозунге союза рабочих с основными (середняцкими) массами крестьянства на этапе социалистического строительства:

во-первых, руководящая роль пролетариата, что в свою очередь предполагает, что пролетариат, крепящий союз с середняком, опирается в деревне на бедноту и наступает на кулака, и,

во-вторых,—линия на уничтожение классов, которая предполагает не только решительную борьбу против элементов капитализма (кулака и

пр.), но и активную перестройку мелкокрестьянской экономики в социалистическую.

Нельзя не видеть, что политика нашей партии полностью соответствует именно такому содержанию лозунга союза.

В самом деле.

Курс партии на индустриализацию страны, на высокий темп строительства промышленности, в первую очередь тяжелой, на внедрение в сельское хозяйство новой высокой машинной техники, на массовое производственное кооперирование и организацию крупных совхозов, на под'ем индивидуальных хозяйств бедноты и середняков с тем, чтобы все больше и больше направлять этот под'ем в русло производственного об'единения, на всестороннее наступление против капиталистических и особенно кулацких элементов — укрепляет социалистические высоты и в городе и в деревне, способствует вытеснению капиталистических элементов и подводит деревню к уничтожению корней капитализма, таящихся в мелкотоварном характере крестьянского производства. Тем самым этот курс политики укрепляет руководство пролетариата и подготовляет на деле уничтожение классов, т.-е. осуществляет как раз те идеи, которые вложены Ильичем в формулу соглашения пролетариата и крестьянства.

Между тем, правые элементы утверждают как раз обратное, а именно, что курс партии не только не осуществляет ленинской идеи союза пролетариата и крестьянства, но, наоборот, будто бы противоречит этому союзу и ведет к его неизбежному нарушению, к «размычке».

Видимо, они (правые) иначе понимают союз пролетариата с крестьянством, видимо, они вкладывают иное содержание в ильичевскую формулу этого союза.

Какое же классовое содержание и какие идеи вкладывают правые уклонисты в формулу союза рабочих и крестьян? Несмотря на то, что наиболее искушенные представители правого уклона не решаются открыто высказать всю систему своих взглядов, все же находятся среди правых и такие, которые по своей простоте откровенно и обстоятельно излагают свое особое, специфически «правое» понимание лозунга союза рабочих и крестьян.

Наиблее ясно, как мы знаем, такое «свое» толкование лозунга союза рабочих и крестьян в духе правой позиции дал т. Лядов.

Напомним его слова: ...«каждый раз, в зависимости от того, в какую сторону середняк колеблется, определяется тактика партии. На этом именно колебании построено учение о смычке с середняком; уловить, чутко прислушаться, в какую сторону середняк колеблется, — в этом большевистская тактика должна заключаться, — не пропустить того момента, когда середняк начнет резко колебаться в сторону кулака» (разрядка наша. *А. Т.*).

То же самое, но в замаскированной форме хотят сказать правые, когда они провозглашают: «смычка во что бы то ни стало», «смычка любой ценой», что попросту означает: смычка ценою любых уступок, не глядя даже на то, укрепляют или подрывают эти уступки руководство пролетариата.

Такое понимание союза рабочих и крестьян, вошедшее в железный инвентарь уклонизма в качестве «теории уступок» никак не может быть примирено с ленинским пониманием союза рабочих и крестьян. Конечно, пролетариат в интересах сохранения и укрепления своего руководства должен делать в те или иные периоды борьбы и строительства те или иные уступки мелкой буржуазии, но всегда—уступки в определенных пределах, уступки, укрепляющие диктатуру рабочего класса.

По теории же уступок выходит, что пролетариат теряет вовсе самостоятельность своей линии, что пролетариат теряет вовсе свою руководящую роль в союзе, что он (пролетариат) слепо и послушно плетется в хвосте за

мелкой буржуазией, непрерывно давая ей уступку за уступкой и непрерывно колеблясь вместе с мелкой буржуазией и вслед за ней.

Ясно, что такая трактовка вопроса означает, в о-п е р в ы х, потерю самостоятельности пролетариата, этой единственной силы, последовательно и до конца ведущей борьбу за социализм. А это означает ослабление, обессиление пролетариата. «Пролетариат обессилит себя, — говорил Владимир Ильич, — если позволит своей партии колебаться так, как колеблется мелкая буржуазия» (статья «Поражение Росссии и революционный кризис»).

Ясно, в о-в т о р ы х, что пролетариат согласно этой трактовке из руководящей, ведущей силы в союзе становится силой руководимой и ведомой, силой, идущей в хвосте за мелкой буржуазией. Но мелкая буржуазия, как это не раз подчеркивал Ленин, не может быть самостоятельной руководящей силой; она по самой своей природе идет либо под водительством пролетариата, либо под водительством буржуазии. Поэтому, если (как учит «теория уступок») пролетариат теряет руководство над основной массой крестьянства, то этим руководством над крестьянством неизбежно овладевает буржуазия. Ясно, что ни о какой линии на уничтожение классов, т.-е. линии на строительство социализма, при таких условиях, при руководстве буржуазии и речи быть не может.

Такова логика лядовской ошибки. Осуществленное на деле, такое понимание смычки ведет неминуемо к победе буржуазии, к восстановлению капитализма.

Не получается ли, что вне зависимости от своих добрых суб'ективных намерений авторы «теории уступок», сторонники правого уклона, об'ективно льют воду на мельницу господина Дана?!

Не получается ли, что собравшиеся с благим намерением защитить ленинизм, правые, сами того не желая и не ведая, попадают в идейный плен к меньшевикам?

Не получается ли, наконец, что, желая удержать крестьян-середняков в союзе с пролетариатом, они (правые) на деле отпихивают крестьян в лагерь и под руководство буржуазии?!

Уже одна такая перспектива должна заставить как всю партию, так и самих заблудившихся товарищей поставить со всею резкостью и большевистской непримиримостью следующую дилемму:

и л и с Л е н и н ы м и з а л е н и н с к у ю т р а к т о в к у с о ю з а р а б о ч и х и к р е с т ь я н, т.-е. з а р у к о в о д с т в о п р о л е т а р и а т а в э т о м с о ю з е и з а л и н и ю н а у н и ч т о ж е н и е к л а с с о в, — и т о г д а н е п р и м и р и м а я б о р ь б а с «т е о р и е й у с т у п о к»;

и л и с Д а н о м и з а м е н ь ш е в и с т с к у ю т р а к т о в к у с о ю з а, т.-е. з а о т д а ч у р у к о в о д с т в а б у р ж у а з и и, з а б у р ж у а з н у ю р е с т а в р а ц и ю, — и т о г д а — ш и р е д о р о г у «т е о р и и у с т у п о к»!

Третьего не дано.

Кто встает на позицию «теорию уступок», кто настаивает на этой оппортунистической теории, как на краеугольном камне учения о смычке, тот фактически рвет с ленинизмом и попадает в плен к меньшевикам, отрицая и губя пролетарское руководство внутри союза рабочих с основными массами крестьянства.

II. „Крестьянская война" или социалистическое наступление на кулака?

Иногда, употребляя слова Маркса, сказанные им в 1856 г., именуют союз пролетариата и крестьянства на этапе строительства социализма «сочетанием пролетарской революции и крестьянской войны».

При этом усиленно подчеркивают, что социалистическая революция держится на этом «сочетании пролетарской революции и крестьянской войны», что это сочетание надо удержать «во что бы то ни стало» и что, если

этого сочетания мы лишимся, то выпадет вся основа социалистической революции в нашей стране.

Итак, получается, что сочетание пролетарской революции и крестьянской войны и есть «основа социалистической революции в нашей стране».

Надо прямо сказать, что ничего, кроме вреда, от такого толкования формулы союза рабочих и крестьян для этапа социалистической революции на ее строительной стадии не получается.

В самом деле, под «крестьянской войной» марксисты привыкли понимать войну в с е г о крестьянства в целом против феодального гнета, против средневековья, против помещичьего землевладения, против монархии и пр.

«Крестьянская война» это движение в с е г о крестьянства, в том числе и его кулацкой, верхушечной части за преодоление и слом феодальных преград и за расчистку пути для буржуазного, капиталистического развития.

Содержание «крестьянской войны», таким образом, не выходит за рамки буржуазно-демократической революции.

Уж если употреблять это выражение Маркса, то такое «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны» получилось у нас в первые месяцы Октябрьской революции и уже к середине 1918 года себя полностью изжило.

Пролетариат, захватив власть и начав социалистическую революцию, в этот первый период на ряду с решением чисто-социалистических задач довершал в деревне дело буржуазно-демократической революции, вычищая остатки крепостничества, помещичьего землевладения и полуфеодального гнета над в с е м крестьянством.

«На эту борьбу против помещиков не могли не подняться и поднялись в действительности в с е крестьяне. Эта борьба об'единила беднейшее трудящееся крестьянство, которое не живет эксплоатацией чужого труда. Эта борьба об'единила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда.

Пока еще наша революция была занята этой задачей, нам приходилось еще напрячь все силы на то, чтобы самостоятельным движением крестьян, при помощи городского движения рабочих, власть помещиков была действительно сметена и окончательно уничтожена, — д о т е х п о р р е в о л ю ц и я о с т а в а л а с ь о б щ е к р е с т ь я н с к о й и п о э т о м у н е м о г л а в ы й т и и з р а м о к б у р ж у а з н ы х» (Ленин, т. XV, стр. 590, подчеркнуто нами. *А. Т.*).

К этому периоду, и только к этому периоду, в известном смысле применима формула «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны».

«Союз» пролетарской революции с движением в с е г о крестьянства, в том числе и его «наиболее зажиточной» и даже «самой богатой части», мог удерживаться лишь постольку, поскольку пролетариат, начавший социалистическую революцию, еще не внес в деревню борьбы за непосредственно социалистические мероприятия, и, следовательно, постольку, поскольку революция в деревне еще не выходила за рамки буржуазно-демократической.

Коль скоро, однако, революция в деревне эти рамки перешагнула и пролетариат поставил в деревне на очередь решение задач непосредственно социалистической революции (экспроприация кулаков и пр.), постольку (примерно к середине 1918 года) союз пролетариата со в с е м крестьянством или, говоря образно, — «сочетание пролетарской революции с крестьянской войной» себя исчерпало и стало невозможным.

На очередь, на ряду с довершением задач буржуазно-демократической революции, в деревне встало решение задач непосредственно социалистической революции, а решение этих задач неизбежно раскалывало фронт в с е г о крестьянства, усиливало, заостряло и поднимало на небывалую вы-

сoту борьбу внутри крестьянства, борьбу пролетариата и бедноты против кулака.

«Деревня перестала быть единой. В той деревне, которая, как один человек, боролась против помещиков, возниклн два лагеря, — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочнмн твердо продолжало итти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков к борьбе против капитала, против власти денег, против кулацкого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян.

Эта борьба, отколов окончательно от революции имущие, эксплоататорские классы, перевела нашу революцию на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в октябре, но на которые он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо сплоченной поддержки в деревнях». (Ленин, т. XV, стр. 590—591. Подчеркнуто нами. *А. Т.*).

Союз пролетариата со всем крестьянством неминуемо должен был бы превратиться в совместную борьбу пролетариата и бедноты против зажиточной, кулацкой, эксплоататорской части крестьянства, сначала при нейтрализации середняцких слоев деревни, а затем и при постепенном привлечении их на почву соглашения, на почву прочного союза с пролетариатом и беднотой. Классовое содержание «союза пролетариата и крестьянства» коренным образом изменилось.

Можно ли после этого первую формулу — формулу союза со всем крестьянством, иначе—формулу «сочетания пролетарской революции и крестьянской войны», переносить автоматически с первого периода социалистической революции на последующие периоды, когда она уже вышла в деревне за рамки буржуазно-демократической революции и, тем более, когда она уже вошла в фазу непосредственно-социалистического строительства? Можно ли сказать, что основой социалистической революции в нашей стране и на этом этапе является «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны»?

Очевидно, что нельзя. Какой об'ективный смысл должно иметь, что должно означать такое применение уже исчерпавшей себя, уже изжитой формулы к новому этапу революции?

Оно должно означать либо признание того, что мы в деревне еще не вышли за рамки буржуазно-демократической революции; но это коренным образом противоречит Ленину и всему фактическому положению вещей. Либо оно, это применение старой формулы для нового периода, должно означать, что пролетариат проводит социалистическую революцию и осуществляет построение социализма вместе со всем крестьянством, т.-е. в том числе и вместе с кулаком.

III. Союз как форма переделки среднего крестьянства.

Союз пролетариата с средним крестьянством правые и колеблющиеся к ним стараются всячески представить как такой союз, внутри которого отсутствуют всякие противоречия, всякая борьба (об особом характере этой борьбы мы скажем ниже).

Для правых элементов дело решается просто и несложно: раз налицо имеется союз между двумя классами, какие же тут возможны еще противоречия, какая возможна здесь борьба?!

В московской организации один из правых так, примерно, и заявил: «Вот как стоит вопрос в отношении пролетариата и крестьянства: или крестьянство должно быть с нами, или борьба. Вот почему все другое представляет опасную путаницу» (Ячейка ИКП).

Как видим, постановка вопроса очень не сложна: если с крестьянством имеется соглашение, значит нет места для противоречий, нет места для борьбы, пусть даже борьбы особого типа, особого характера.

Это, правда, подкупающе просто. Однако, далеко не все, что просто, то и истинно.

Ленин учил, что пролетариат и среднее крестьянство суть два «разных класса» (т. XVII, стр. 433), которые соединяет глубокий общий интерес трудящихся, об'ективно заинтересованных в построении социализма, и которые в то же время раз'единяет «глубокая рознь экономических интересов» как пролетариев и как собственников.

Середняк есть класс, который колеблется, который имеет «две души»: с одной стороны—он трудящийся, и постольку между ним и пролетариатом нет классовых противоречий, с другой стороны—он собственник, и постольку между ним и пролетариатом известные классовые противоречия, правда, противоречия, примиримые и преодолимые, неизбежны.

Если не видеть обех сторон в отношениях этих классов, то нельзя понять ленинского учения об их союзе в эпоху социалистического строительства.

Ленин всегда исходил из того факта, что середняк есть, во-первых, труженик и, во-вторых, собственник. Отсюда, он заключал о возможности и прямой необходимости для пролетариата создать, удержать и постоянно укреплять прочный союз рабочего класса и бедноты с середняцким крестьянством, ибо середняк в массе своей, по сути дела, от социализма лишь выигрывает и в социализме кровно заинтересован.

Но Ленин отсюда же устанавливал и неизбежность противоречий, а следовательно, и известной борьбы внутри этого союза, всегда, однако, резко подчеркивая, что эта борьба имеет особый характер, особые черты, особые приемы, что эти противоречия есть противоречия примиримые, преодолимые и что окончательное уничтожение этих противоречий лежит на путях обобществления с.-х. производства, на путях (очень сложной и длительной) переделки мелкотоварной экономики крестьянского хозяйства в социалистическую. Сама эта переделка, само развертывание и строительство обобществленных форм хозяйства должно происходить и происходит у нас не путем «пожирания» мелких крестьянских хозяйств, не путем борьбы с ними как с непримиримыми врагами, коих надо разорить и изничтожить, а путем экономического их под'ема и постепенного подтягивания их к высшим формам техники и организации.

После свержения буржуазии, говорил Ильич в своем конспекте брошюры о диктатуре пролетариата, и после установления диктатуры пролетариата классовая борьба, вообще говоря, не исчезает; она, эта борьба, принимает еще более жестокий, чем до этого, характер и приобретает все новые и новые формы. Ильич различал далее два основных типа классовых отношений и две основных формы классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата.

Во-первых, «подавление сопротивления эксплоататоров (и всякого рецидива, возврата к капитализму и капиталистическим традициям)»,

и, во-вторых, «систематическое руководящее воздействие (тоже = борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иное преодоление) на всех трудящихся,

кроме пролетариев» («Ленинск. Сб.» № 3, стр. 494). Эту мысль Ильич повторяет неоднократно и в позднейших своих работах.

Нас интересует как раз эта вторая форма классовой борьбы. Вл. Ильич, во-первых, указал, что воздействие пролетариата на трудящихся (в первую очередь, конечно, на середняцкое крестьянство), воздействие в смысле переделки экономики и перевоспитания масс, воздействие, встречающее известное сопротивление и требующее преодоления этого сопротивления, есть своеобразная борьба, есть особая «форма классовой борьбы».

И, во-вторых, Вл. Ильич указал с неменьшей силой, что эта борьба не есть такая же борьба, как и по отношению к сопротивляющейся буржуазии, что эта борьба совсем «особого рода», что сопротивление трудящихся (в первую очередь, крестьян) есть «совсем иное сопротивление», нежели сопротивление буржуазии, и что преодоление этого сопротивления должно иметь также «совсем иной» характер.

Этого второго ряда замечаний Вл. Ильич не уставал повторять все время. Например, при введении нэпа, говоря, что главный вопрос революции теперь заключается в борьбе против класса мелких товаропроизводителей, Вл. Ильич всегда подчеркивает, что «здесь борьба должна вестись иначе» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 325).

Сам характер борьбы, по Ильичу, состоит в систематическом руководящем «воздействии», и уже одно это кладет коренное, принципиальное отличие в отношениях пролетариата к буржуазии, которую пролетариат стремится «скинуть» и «подавить», и в отношениях пролетариата к трудящейся мелкой буржуазии, которую пролетариат должен переделать, перевоспитать.

Правые не видят и не хотят видеть этих, вполне преодолимых и примиримых противоречий, имеющихся внутри союза, между пролетариатом и середняками, как собственниками, они видят только общность интересов пролетариата и крестьян,—отсюда они совершенно забывают настоятельную и решающую задачу переделки крестьянской экономики и перевоспитания середняцких масс.

С другой стороны, троцкисты не видят вовсе общности интересов рабочих и средних крестьян, как трудящихся, сводя отношения этих двух классов к непримиримым противоречиям.

Троцкисты, исходя из этой ложной и вредной предпосылки о непримиримости противоречий между пролетариатом и средним крестьянством, забывают, что сам характер преодоления известных противоречий, имеющихся между пролетариатом и средним крестьянством, формы этого преодоления и результат его глубоко и принципиально отличаются от характера, форм и результатов преодоления противоречий между пролетариатом и буржуазией, ибо противоречия между пролетариатом и середняком суть примиримые противоречия; противоречия же между пролетариатом и буржуазией непримиримы.

Троцкисты переносят чисто механически характер и формы борьбы против буржуазии на наши отношения с средним крестьянством. Примером к тому служит теория Преображенского о «пожирании» и «эксплоатации» пролетариатом мелкой буржуазии, теория, абсолютно чуждая ленинизму.

Ленинизму чуждо представление о непримиримости противоречий пролетариата и среднего крестьянства, т.-е. чужда троцкистская трактовка вопроса.

Ленинизму чуждо также и представление о союзе пролетариата и среднего крестьянства, как о союзе, лишенном каких бы то ни было противоречий, т.-е. чужда трактовка вопроса, даваемая правыми оппортунистами.

Сотрудничество, прочный союз пролетариата и середняков, но союз, не избавленный от противоречий, союз, как особая оригинальная форма борьбы, и в то же время союз, как средство преодоления классовых различий пролетариата и среднего крестьянства, — так учил Ленин, так учит наша партия в отличие от уклонистов обоего толка.

IV. Против новой ревизии ленинского кооперативного плана.

Союз рабочих с основными массами крестьянства есть форма преодоления классовых различий между пролетариатом и середняцким крестьянством, средство уничтожения классов.

Поэтому вся установка «союза», весь смысл союза на этапе социалистического строительства сводится к тому, чтобы, ухватившись за личный интерес крестьянина-середняка, об'единяя, кооперируя его сначала как торговца со стороны сбыта и снабжения, все больше и больше переходить к об'единению, кооперированию, обобществлению его производства, стирая тем самым на деле классовые различия между пролетариатом и основной массой крестьянства. И в этом последнем состоит заветная цель союза рабочих и крестьян в эпоху строительства социализма.

С тех пор, как с 1921 года союз пролетариата, опирающегося на бедноту, с средним крестьянством перестроился на экономических основах, приняв форму «смычки» между экономикой социалистической и экономикой мелкотоварной, с тех пор осью, сердцевиной, сущностью союза рабочих и основных масс крестьянства стало постепенное кооперирование на первых порах торгового оборота между социалистическим городом и мелкотоварной деревней, а затем все в большей и большей степени и кооперирование с.-х. производства, приобретающее на данной ступени социалистического строительства особое значение.

То-есть осью, сердцевиной, душой «смычки» стал ленинский кооперативный план.

Почему именно кооперирование явилось душой смычки? Потому, что кооперирование в условиях роста социалистической индустрии и особенно электрификации является таким путем для мелкокрестьянского хозяйства, который, исходя из личной заинтересованности бедноты и середняков, и на основе самых простых, понятных и выгодных для каждого крестьянина приемов дает возможность постепенной переделки, и переделки в массовом масштабе, этих мелкокрестьянских хозяйств в хозяйства коллективные, социалистические. Эта последняя задача, задача «перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия» (Ленин), как сказано выше, является заветной целью союза рабочих с основными массами крестьян в эпоху социалистического строительства. Она же (задача эта) является и основным ядром ленинского кооперативного плана.

Однако, подходы к массовому практическому решению этой центральной задачи ленинского кооперативного плана не могут не требовать достаточных сроков для того, чтобы сами массы на своем каждодневном опыте под руководством и при постоянном экономическом и культурно-политическом воздействии со стороны пролетариата подошли вплотную к ее решению.

И по мере того, как растут и укрепляются социалистические командные высоты, эти рычаги социалистического воздействия в руках пролетариата (индустрия, электрификация, транспорт, кредит и пр.), а также по мере того, как широкие массы бедноты и середняков на своем собственном опыте все ближе и ближе подводятся к этой «центральной задаче» кооперативного плана, — по мере этого и параллельно этому должны изменяться

и изменяются и сами формы и приемы смычки, выдвигаются новые и новые «очередные звенья» кооперативного плана, за которые надлежит уцепиться строящему социализм пролетариату, подчеркивается все ярче и ярче конечное звено кооперативного плана — кооперирование, обобществление производства.

Если в начальный, первый, по преимуществу восстановительный, период нэпа преобладали формы и приемы смычки, сцеплявшие на почве торговли экономику социалистической промышленности с экономикой крестьянского хозяйства, если в этот первый период доминировали соответствующие такой задаче лозунги («учитесь торговать», «кто кого» в области оборота, «торговля—центральное звено» и пр.), то с укреплением позиций социалистических командных высот, с усилением возможностей преобразующего воздействия на с. х., с переходом главным образом к реконструктивным задачам строительства, *наряду* со старыми формами и приемами смычки, *наряду* со старыми лозунгами, должны быть подчеркнуты, выдвинуты, должны получить все возрастающее значение *новые* формы и приемы смычки и новые лозунги, отвечающие требованиям этой новой полосы строительства.

Этими новыми формами и приемами смычки являются мероприятия по коллективизации, обобществлению самого с.-х. производства, а лозунгами, соответствующими этим новым формам, лозунги кооперирования производства и перенесения формулы «кто кого» в область с.-х. производства.

Это, конечно, не означает, что в этот второй, реконструктивный период задача кооперирования оборота в какой-либо мере снимается или может быть предана забвению. Это также не означает, что в первый, по преимуществу восстановительный период нэпа задача кооперирования с.-х. производства отсутствовала или не признавалась важнейшей задачей.

Речь идет только о том, что среди различных форм и приемов, коими осуществляется смычка, в один период *одни*, в другой период—*другие* приобретают значение *особого, очередного звена*, за которое необходимо уцепиться, чтобы выдернуть всю цепь.

Ленин предвидел такой необходимый переход от одного звена кооперативного плана к другому.

Прежде чем показать это более конкретно, отметим следующую *общую* постановку вопроса Ильичем, постановку очень важную для разбираемого нами вопроса.

Ленин говорит: «Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа по расчистке почвы от обломков; *бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущего из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее*. Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь» (т. XV, стр. 222—223, разр. наша. *А. Т.*).

Ленин считал, что наступит, а мы видим как сейчас *уже наступил*, этот третий момент, когда «заботливый уход за зародышами нового», социалистического в деревне «всего важнее», когда этот «заботливый уход» становится тем «особым звеном», за которое надо всеми силами ухватиться.

Но Ленин и более конкретно предвидел и очерчивал такой *переход*.

«Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше (а общие условия для этого партия создала, и крестьянское хозяйство «может развиваться дальше». *А. Т.*),—говорил В. И.,—необходимо прочно обеспечить

и *дальнейший переход*, а *дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единилось, сорганизовывало бы общественное, крупное земледельческое хозяйство*» (т. XVIII, ч. 1, стр. 189, разр. наша. *А. Т.*).

И Вл. Ильич в статье «О кооперации» развивал эту же мысль, отмечая, что кооперировать крестьянское производство,—вот все, что нам осталось, дабы добиться социализма, ибо кооперативные предприятия на национализированной земле при власти пролетариата на средства производства тождественны социализму.

Правые элементы в нашей партии как раз и не видят этого намеченного Ильичем и ставшего задачей текущего периода перехода от одного звена кооперативного плана к другому: от задач кооперирования оборота, как преимущественных задач первого, восстановительного периода, к задачам кооперирования производства, как задачам, по преимуществу характерным для второго, реконструктивного периода.

Пытаясь конкретизировать вопрос, на какой же организационной базе должна получиться смычка между растущей индустрией и мелкими и мельчайшими крестьянскими хозяйствами, они, правые, приходят к выводу, что смычка может получиться «*через кооперативный оборот*».

И эту мысль они пытаются выдать за стопроцентную мысль Ильича.

Мы уже видели, что «план смычки», «кооперативный план» Ленина не *покрывается и не исчерпывается* только «кооперированием *оборота*», что он включает в себя как основное звено и как «дальнейший переход» и кооперирование *производства*.

Когда нам говорят, что значение колхозов, совхозов и др. новых форм смычки ничтожно, и когда пытаются огромное значение этих форм смычки свести на-нет, — то мы в праве обвинять таких товарищей в явно оппортунистическом уклоне. В самом деле: что означает недооценка сейчас, на данной ступени нашего развития, *когда* значительно выросла мощь нашей индустрии, когда усилились возможности ее воздействия на с. х., *когда* основные массы деревни на опыте миллионов хозяйств (а это крайне важно) видят беспросветность мелкого, раздробленного крестьянства и убеждаются в выгодности крупного производства, когда кулак на этой почве пытается «предложить» свой, капиталистический путь развития к крупному производству, стараясь организовать крестьян на борьбу за этот путь,—что означает в этих условиях недооценка колхозов и совхозов?

Она означает: 1) отказ от заветной идеи социализма—от социалистической переделки с. х.—в то время, когда *возможности* такой переделки сильно возросли и растут с каждым днем;

2) отказ от выкорчевывания самых глубоких корней капитализма, рождаемого мелким товарным производством;

3) потерю смычки, союза с основной массой крестьянства, ибо *уже* нельзя вести эту массу за собой без все возрастающего строительства обобществленных крупных форм хозяйства, ибо, если эту массу *мы* не сумеем поднимать к нашему крупному социалистическому производству,—ее поведет к капиталистическому производству *кулак, капиталист*, который в этом случае установит свою, своеобразную «смычку» с середняком.

Вопрос стоит только так: именно тот, кто теперь недооценивает колхозы и совхозы, как бы он ни кричал о важности смычки, именно тот губит дело смычки, способствуя установлению и укреплению смычки кулака, капиталиста с миллионами мелких крестьянских хозяйств.

Ленин дал необычайно точную, «триединую» формулу наших отношений с крестьянством для данного периода, в которой (в формуле) он говорит,

что руководящий пролетариат должен уметь достичь соглашения с средним крестьянством,—ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» (см. т. XV, стр. 564).

Из этой ленинской формулы правые выхолащивают все классовое содержание.

1) Руководство пролетариата они сводят на-нет, подчиняя пролетариат колебаниям мелкой буржуазии.

2) Опору на бедноту они подменивают паллиативной помощью бедноте [1]).

3) Союз с середняком они превращают в союз со в с е м крестьянством и, наконец,

4) борьбу с кулаком — в соглашение с ним.

Если троцкисты, которые переоценивали силы классового врага вообще, и кулака в частности, триединую, сложную и богатую формулу Ленина превращали в ошибочную формулу сплошной борьбы со всем крестьянством, распространяя нашу политику по отношению к кулаку и на середняка, то правые, наоборот, эту формулу Ильича превращают в ошибочную, опять-таки сплошную и плоскую, формулу союза со всем крестьянством, распространяя нашу политику по отношению к середняку и на кулака. Если троцкисты берут из триединой формулы Ленина «наступление на кулака» и из него делают универсальный и исчерпывающий принцип нашей политики в деревне, игнорируя вовсе союз с середняком, то правые берут из триединой Ильичевской формулы только «союз с середняком» («превращая» все крестьянство в середняков) и делая из этой части формулы также универсальный и исчерпывающий принцип для нашей политики в деревне, забывая при этом вовсе задачу наступления на кулака.

Однако, в о-п е р в ы х, никакое успешное наступление на кулака не возможно без союза с середняком. И потому троцкисты напрасно полагают, что они (троцкисты) есть лучшие борцы против кулака. Содействуя разрыву союза с середняком, они тем самым укрепляют позиции кулака и об'ективно являются пособниками последнего.

В о-в т о р ы х, и союз с середняком невозможен без наступления на кулака и без опоры на бедноту. И потому смешны правые в их попытках изобразить себя лучшими поборниками и защитниками этого союза, в то время как они (правые) отказываются от наступления на кулака. После того, как правые своей «теорией уступок» отказались от руководящей роли пролетариата, предоставив середняка самому себе, после этого правые отказываются от наступления на кулака, укрепляя тем самым его (кулака) позиции в борьбе за союз с середняком.

Всем этим, т.-е. ослаблением позиций пролетариата и укреплением позиций кулака в их борьбе за руководство, за союз с середняком, правые способствуют «размычке» между рабочим классом и средним крестьянством и «смычке» этого последнего с кулаком.

---

[1]) Прввые говорят, что партня чрезмерио миого уделяет вииманин делу перевода бедноты нв рельсы производственного об'единения (колхозы), трвтя нв это слишком большие средстаа, и что следует вести не столько политику усиленой оргвиизацни колхозоа, сколько политику коллективной «помощи бедноте». Не являются ли подобные рассуждения прямым перепевом» небезызвестного проф. Коидратьевв, который проповедует, что «необходимо строго разграничиввть линню помощн бедноте н линию ставки нв бедноту». «Первая линия, говорит он, вполне отвечвет задачам советской власти, безвредна и безопвсна. Вторвя—по самому существу своему безнадежив н противоречива». Не есть лн это голос кулака, который не прочь ив крайний случвй «помочь» бедноте, лишь бы откупиться от угрозы «вредной» и «опасной» для него коллективнзацнн производства!!!

* * *

Владимир Ильич учил, что союз пролетариата с основными массами крестьянства есть высший принцип диктатуры пролетариата и что тот, кто подрывает этот союз, подрывает и диктатуру пролетариата.

До сего времени распространено представление, будто только троцкистского толка уклонисты способствуют разрыву союза рабочих с основными массами крестьянства, правые же в этом отношении, будто бы, являются верными блюстителями этого союза.

Это представление глубоко ошибочно.

И правые, как и троцкисты, об'ективно подрывают, рушат союз рабочих с средним крестьянством.

В самом деле, мы имели возможность видеть, что позиция правых и в вопросе о руководящей роли пролетариата, и в вопросе о наступлении на кулака, и в вопросе о самом характере союза с середняком есть позиция подрыва ленинского союза рабочих с основными массами крестьянства.

Разбор позиции правых показывает, что они

1) сводят на-нет руководящую роль пролетариата, сдавая руководство крестьянством в руки буржуазии;

2) прикрашивают кулака, отказываясь от наступления на него и укрепляя тем самым его позиции;

3) отказываются от активной переделки, перестройки мелкокрестьянской экономики в социалистическую.

Не ясно ли, что при таких условиях неизбежно создастся действительная размычка между рабочим классом и крестьянством и произойдет всемерная смычка мелкого крестьянства с буржуазией, с кулаком?

Не ясно ли, что смычку, союз можно сохранить и укрепить лишь: 1) сохраняя и укрепляя руководящую роль пролетариата, опирающегося в деревне на бедноту; 2) сохраняя и развивая наступление на кулака, и 3) усиливая и развертывая социалистическую перестройку мелкокрестьянской экономики.

Только линия и политика партии, направленная на решение этих задач, обеспечивает сохранение и укрепление смычки. Линия же и политика правых и колеблющихся к ним этот союз ослабляет и подрывает.

История оставила нам многочисленные примеры своих жестоких шуток, когда отдельные политики и руководители рабочего класса, обуреваемые искренним стремлением добиться определенной цели в интересах рабочего класса, н а д е л е выполняли заказ другого класса, совершая все возможное и невозможное, чтобы разрушить все подступы к осуществлению этой, ими же преследуемой, цели. То же происходит теперь и с правыми уклонистами. Вместо укрепления смычки, о которой они так усердно заботятся, их собственная линия и политика ведет с неумолимой логикой к размычке.

Более того, в развертывании товарооборота и в кооперировании его процессов Ильич видел лишь средство, которое нам полезно «в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя» (т. XVIII, ч. 1, стр. 234), средство перехода к «дальнейшим мерам», т.-е. к обобществлению производства и к установлению социалистического продуктообмена.

Кооперирование оборота в плане Ильича не есть исчерпывающее его содержание, оно должно служить первым звеном кооперативного плана, переходом к следующему, более высокого типа звену — кооперированию производства.

После этого представить ленинский план без этого второго и конечного звена, сказать, что план Ильича состоит только в кооперировании

оборота, превратить кооперирование оборота из средства в самоцель—это означает выхолостить все ленинское, коммунистическое, революционное содержание кооперативного плана и встать обеими ногами на почву худшего ревизионизма и опошления ленинизма!

Итак, правые не видят основного *ядра* ленинского кооперативного плана и не понимают того, что «дальнейший переход», о котором неустанно говорил Ленин и который состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единялось, организовывалось в общественное крупное земледельческое производство, что этот «дальнейший переход» *уже стал основной задачей текущего периода, уже стал основным лозунгом современного этапа социалистического строительства.*

Задача кооперирования оборота уже недостаточна, уже не исчерпывает задач нашего экономического строительства в деревне на данном этапе. Она (эта задача) должна быть дополнена задачей *массового производственного* кооперирования и обобществления с.-х. *производства* вообще.

С одной стороны, возросшая мощь индустрии значительно расширяет наши возможности реорганизующего воздействия на сельскохозяйственное производство.

С другой стороны, хозяйственные затруднения, отражающие в первую очередь чрезмерную отсталость раздробленного производства деревни, настоятельно напоминают нам о том, что только на основе под'ема индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств без массового обобществления и социалистического укрупнения с.-х. производства максимально и радикально ускорить темп развития сельского хозяйства невозможно.

С третьей стороны, наконец, и сами крестьянские бедняцкие и середняцкие массы усиленно ищут путей дальнейшего развития, все больше ставя перед собой и перед партией вопрос: куда же расти дальше?

На этой основе еще больше разгорается и обостряется наша борьба с кулаком из-за середняка, ибо кулак всячески пытается «соблазнить» середняка и повести его по пути капиталистического развития.

Таким образом, сами интересы руководства середняком требуют, чтобы мы развернули перед середняком иную, некапиталистическую *перспективу*, притом перспективу, показанную *в массовом* масштабе. А такой перспективой, показом новых путей в массовом масштабе, может быть лишь развертывание массового колхозного и совхозного строительства, организация тракторных колонн, развитие контрактации, с.-х. перерабатывающей индустрии и пр.

Эти формы—«новые формы смычки»—приобретают теперь огромнейшее и все возрастающее значение. Они служат делу смычки постольку, поскольку, во-первых, открывают ищущему путей развития середняку новые и новые перспективы развития, во-вторых, постольку, поскольку оказывают социалистическую помощь окрестному крестьянству; в-третьих, постольку, поскольку являются средством наиболее радикальной помощи вступающему в производственное об'единение крестьянину.

Всем этим они (эти формы) служат дальнейшим продолжением и социалистическим завершением помощи, которую партия и советская власть оказывают бедняцкому и середняцкому индивидуальному хозяйству. Таким образом, развертывание этих новых форм не только не противоречит, не только не умаляет задачу под'ема индивидуальных хозяйств бедноты и середняков, но, наоборот, *во-первых*, предполагает усиленную помощь этим индивидуальным хозяйствам, ибо под'ем их есть обязательное условие для широкого развертывания самих новых форм смычки, и, *во-вторых*, завершает, увенчивает и придает ярко социалистическое направление всей работе по помощи этим индивидуальным крестьянским хозяйствам. Без развертывания этих новых форм (колхозы и пр.) помощь индивидуальным хозяйствам основной массы деревни (помощь, которую партия и совласть будут и впредь усиленно проводить в жизнь) остается незавершенной, по-социалистически еще незакрепленной и с точки зрения прочного установления смычки незаконченной.

Таким образом, и с этой точки зрения указанные новые формы должны получать все возрастающее значение.

Но самое основное, они (эти новые формы) служат делу смычки в особенности тем, что они способствуют выкорчевыванию корней капитализма и, следовательно, наиболее прочному закреплению крестьянских масс под руководством рабочего класса.

Все это вместе взятое ставит на неизмеримую высоту роль колхозов, совхозов, тракторных колонн, контрактации и пр. в современных условиях. Лишь успешное развертывание этих форм смычки в современных условиях способно действительно привлечь на сторону пролетариата «прочно и настоящим образом миллионную крестьянскую массу» (см. Ленин, т. XVI, стр. 392).

Однако само успешное развертывание этих форм смычки, как и вообще успешное движение сельского хозяйства вперед, стало невозможным без энергичного развертывания индустрии вообще, тяжелой индустрии в особенности, с.-х. машиностроения, химического производства и электрификации в частности, упираясь в развитие этих отраслей.

Отсюда центральное значение с точки зрения укрепления ленинской смычки приобретает развитие индустрии, и в первую очередь тяжелой.

Отсюда же лишний раз обнаруживается, что правые, выступая против взятого партией высокого темпа индустриализации, и особенно против быстрого развертывания тяжелой индустрии, выступают об'ективно как вредители делу смычки, как пособники «размычки».

Партия же, развивая высокий темп индустриализации, ведет тем самым к укреплению смычки, к тому, чтобы ее построить «прочно и настоящим образом».

С. Новиков.

Антисоветская военная программа германской соц.-демократии.

1. Проект форштанда.

На официальном проекте военной программы почиет дух австро-марксизма. Нестор австро-марксизма К. Каутский, бывший военный министр в кабинете Рениера Юлиус Дейтч и сам О. Бауэр приложили свою руку к этому благому делу: Каутский, как теоретик, Дейтч, как военспец, а Бауэр, как суперарбитр. Они, правда, не участвовали в военной программной комиссии, но были запрошены, и их мнения были приняты во внимание. Дейтч выступил с своим мнеиием в печати еще в декабрьской книжке «Гезельшафт» за прошлый год, Каутский в специальной брошюре со свойствениым ему «лаконизмом»... на 64 страницах, а Бауэр, как и полагается суперарбитру, лишь к концу дискуссии, чтобы сказать свое последнее слово и примирить все крайности в высшем сиитезе, в духе так называемого «марксистского центра». Достаточно сопоставить принятые форштандом «Основные линии политики обороны» (Richtlinien der Wehrpolitik) [1]) с набросками военных программ в статье Дейтча и брошюре Каутского и с поправочками О. Бауэра в мартовском номере «Кампфа» [2]), чтобы признать духовыми отцами и авторами социал-империалистской военной программы германской соц.-демократии названную троицу: Каутского, Дейтча и Бауэра. Австро-марксистское происхождение наложило специфический отпечаток на всю «революционно»-пацифистскую словесность проекта, который был подвергнут обсуждению в военной программной комиссии при участии правых (Брейтшейд, Штампфер и др.) и «левых» (Кюнстлер, Тони Зендер, Штрейбель).

Поэтому неудивительно, что в программе социал-патриотическое содержаиие облечено в пацифистскую и местами даже в «революционную» фразеологию, переписанную из брюссельской резолюции о разоружении. Уже в 1 разделе декларируется, что социал-демократическая партия Германии отвергает войну, как средство политики, требует мирного разрешения всех интернациональных конфликтов путем обязательного третейского разбирательства, демократизации Лиги Наций и ее превращения в инструмент мира. За этим пацифистским абзацем тут же следует «революционный» абзац, взятый напрокат из Брюссельской резолюции о разоружении: «она (СДПГ) готова... оказать самое сильное давление даже революционными средствами [3]), на всякое правительство, которое откажется подчиниться

[1]) Richtlinien der Wehrpolitik, «Vorwärts» 28/XII 1928.

[2]) I. Deutsch, «Zum neuen Wehrprogramm», «Gesellschaft», 1928, № 12. K. Kautsky, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», SS. 62—64. O. Bauer, «Wehrfrage und Sozialdemokratie», «Der Kampf», 1929, № 3.

[3]) Напомннаем читателю, что а Брюссельской резолюции сказано: «даже в самой революционной форме», а в проекте Брюссельской резолюции: «даже в форме насилия». На пути от «разоружения» в Брюсселе к вооружению в Магдебурге Криспины опорожняются от давления... «революционной словесности».

третейскому решению и прибегнет к войне». На всякое, кроме немецкого, и прежде всего на СССР, который принципиальио и практически ие может довериться и подчиниться арбитражу империалистической Лиги Наций.

Во II разделе декларируется, что, «как член Рабочего Социалистического Интернационала, СДПГ за полное разоружение». За этим радикально-пацифистским абзацем следует оговорочка, позаимствованная из Брюссельской резолюции, а именно: «Разоружение только тогда будет служить миру, когда оно будет не односторонним обязательством, которое было навязано победителями побежденным в мировой войне. Длительный мир достижим только между равноправными нациями». После такой умеренно-пацифистской оговорочки, означающей только то, что полное разоружение невозможно, следует сильный пацифистский жест с недвусмысленными социал-патриотическими последствиями: «Германской республике выпала историческая миссия быть передовым борцом за интернациональное разоружение». Но... «эту миссию она только тогда сумеет выполнить, если она не перейдет через принудительно-навязанные ей односторонние ограничения вооружений и попытками их обхода или нарушения не даст основания или повода другим державам для отклонения интернациональных соглашений о разоружении и к еще более сильным вооружениям». Другими словами, Германская республика выполнит свою историческую миссию ангела мира и передового борца за полное разоружение, если она будет... вооружаться,—правда, в рамках Версальского договора. Впрочем, тут же следует оговорочка, что с.-д. партия не признает за Германской республикой обязанности исчерпать эти нормы. По счастливому, хотя и неосторожному, выражению члена воен. комиссии Гаубаха — вообще следует говорить не о разоружении, а о «нормированном вооружении» [1]).

После всей этой ни к чему не обязывающей радикально и умеренно-пацифистской подготовки к разоружению в форме «нормированного вооружения» следует III, самый важный пункт, утверждающий, что пока Германия находится в империалистическом и фашистском окружении, ей угрожает опасность нарушения ее нейтралитета в случае контрреволюционных интервенций—не указано, куда, но предоставляется догадаться, что в СССР. «Пока такие опасности существуют и пока они не могут быть устранены социалистическими правительствами, по меньшей мере в важнейших странах, Германская республика вынуждена для защиты самоопределения ее народа сохранить вооруженную силу». Родив после стольких разоружительных пацифистских потуг нужный социал-патриотический тезис о необходимости нормированного вооружения под предлогом оборонительной войны для защиты нейтралитета, программа с облегчением заявляет, что «вооруженная сила может выполнить свою задачу только когда она в своих мыслях и чувствах связана с народом и подчинена, как служебный орган, демократической республике». Для совершения этого чуда превращения рейхсвера в республике Гинденбурга в народную, надклассовую армию программа выдвигает целый десяток военных реформ, которые должны демократизировать рейхсвер, воспитать его в республиканском и пацифистском духе и подчинить парламентскому контролю.

IV пункт высказывается за гуманизацию войны, а V, последний пункт, средактирован в сугубо пацифистских выражениях о воспитании и просвещении пролетариата в духе мира, «чтобы подготовить также и моральное разоружение». Под конец не забыта и «социалистическая конечная цель», которую «образует общество... без классов и классовой борьбы... без вооружений и без войн».

Правые охотно ублажили левых пацифисткими и социалистическими общими местами в виде компенсации за весьма конкретную социал-патриоти-

[1]) Haubach, «Die Richtlinien zur Wehrfrage», «Gesellschaft», 1929, № 2, s. 101.

ческую конструктивную программу по укреплению рейхсвера и флота. На основании этой программы нормированного вооружения Гильфердинг сумеет отпустить все нужные средства не только на достройку крейсера А, но и на постройку следующих крейсеров В, С, D и так далее, в нормальном порядке букв социал-патриотического и социал-империалистского алфавита, — не опасаясь нового партийного или кабинетского кризиса.

Шовинистическая тенденция этой программы так грубо прет из каждой строчки проекта, что даже «интернационалистам», в роде П. Леви и др. левых с.-д., ничего не стоило обнаружить «буржуазно-республиканский, демократически-пацифистский», «социал-патриотический», и даже социал-империалистский характер всей стряпни Каутского, Дейтча, Брейтшейда, Штампфера и К° и мобилизовать против официального проекта значительную оппозицию во многих организациях германской с.-д. партии [1]). Настолько значительную, что форштанд оказался вынужденным отсрочить магдебургский партейтаг до мая, чтобы в оставшееся время несколько утихомирить взбаламученные массы рядовых с.-д. рабочих, у которых проект встретил довольно серьезное сопротивление. Официально партейтаг отложен по климатическим и политическим мотивам: 1) в марте Магдебургу угрожало наводнение; 2) с.-д. министры и депутаты должны были в это время быть заняты обсуждением бюджета и итогов парижских репарационных переговоров. В действительности воротилы форштанда и с.-д. фракции рейхстага преследуют этой отсрочкой очень ясную цель: 1) состряпать, наконец, коалиционное правительство, 2) протащить гильфердинговский бюджет со 2-й ассигновкой на броненосец А и 3) поставить партейтаг перед этими совершившимися фактами. К тому же форштанд намерен поставить военную проблему *даже в мае* не на *окончательное решение*, а на *предварительное обсуждение* магдебургского партейтага. Ясно, что Мюллер, Гильфердинг и К° опасаются не наводнения на Эльбе, а *политического* наводнения в своей партии. Нельзя читать без улыбки печальные размышления по этому поводу редактора «Классенкампф'а» Зейдевица: с одной стороны, он горько шутит, что до тех пор, пока с.-д. будут в коалиции, можно будет любой партейтаг отложить в любое время, ибо у с.-д. министров всегда найдутся важные государственные дела: «остряки могли бы отсюда сделать вывод, что пора отозвать с.-д. министров из общегерманского правительства, чтобы с. д. партейтаг мог свиднуться с места». С другой стороны, он горько жалуется, что форштанд нарушает элементарные основы внутрипартийной «функциональной демократии», «демократического права соопределения» (Mitbestimmungsrecht) [2]), собираясь поставить партию и партейтаг пред совершившимися фактами. Да, слабовато обстоят дела с внутрипартийной демократией в хваленой соц-*демократической* партии, когда функционеры в роде Зейдевица должны жаловаться в стиле юмора висельников (Galgen-Humor) на грубое нарушение «функциональной демократии». Германскому неоимпериализму, очевидно, достаточно, если в «соопределении» его военных дел будут «функционировать» одни Штампферы, без участия арлекинов из «Классенкампф'а», в роде Зейдевица.

2. Комментарий Штампфера.

Как участник военной программной комиссии, редактор «Форвертс'а» Штампфер дал исчерпывающий комментарий к выработанному ею проекту [3]).

---

[1]) M. Adler, «Die Richtlinien der Richtlosigkeit», «Der Klassenkampf», 1929, № 4, S. 103. «Die Richtlinien der Wehrpolitik», «Leipziger Volkszeitung», 29/XII 1928.

[2]) Seydewitz, «Der vertagte Porteitag», «Klassenkampf», 1929, № 5, S. 134—137.

[3]) Stampfer, Wir und die Wehrmacht. Der Entwurf der Programmkommission. «Vorwärts», 28/XII 1928.

Он рассказывает, что пред комиссией стоял кардинальный вопрос: должна ли с.-д. партия *признать или отвергнуть необходимость вооруженной силы* для германской республики? Из многочисленных проектов, лежавших пред комиссией, ни один (стало быть, и левые в том числе. *С. Н.)* не ответил на этот вопрос ясным и недвусмысленным *отрицанием*. Комиссия ответила решительным *да* не по соображениям *внутренней* безопасности (для этого достаточно полиции), а по соображениям *внешней* безопасности. На случай войны, хотя в ближайшем будущем она мало вероятна,—говорит Штампфер,—«ни одна партия, сознающая свою ответственность, не возьмет на себя риск полной безоружности страны. Будет ли партия к тому времени в правительстве или в оппозиции — это безразлично».

Комиссия считалась с необходимостью защитить границы Германии от нападений бандитов в случае распада государственной власти в соседних странах (очевидно, в СССР). Дальше, Германия согласно статуту Лиги Наций обязана при известных обстоятельствах участвовать в санкциях (очевидно, против СССР). И самое важное—это опасности фашизма и контрреволюционных интервенций. Германии нужна вооруженная сила, чтобы защитить себя против этих опасностей, особенно для защиты своего нейтралитета в случае контрреволюционной интервенции в СССР (подумать только, какие советофилы сидели в комиссии!).

Новую войну Штампфер считает маловероятной. А доказательства? «Программа даже не затрагивает проблем, которые сами собою встанут в таком случае». Какие еще нужны доказательства, что неизбежность новой империалистической войны есть выдумка Коминтерна? Если Штампфер и К° о чем-нибудь не размышляют, то это, стало-быть, не существует. К сожалению, эта картезианская философия наизнанку г. Штампфера нисколько не уменьшает об'ективной опасности новых империалистских войн. Но так как Штампфер и К° не опасаются близкой войны, они решили быть скромными в своих военных аппетитах. Поэтому их программа удовлетворяется сохранением минимальной вооруженной силы, которая, при известных обстоятельствах, может быть меньше даже версальских норм. Штампфер понимает, что с такой силой нельзя вести войну против тяжело вооруженных соседей Германии. Но, утешается он, для новой европейской войны существуют две возможности: либо война будет задушена в самом начале народным восстанием, либо, если война развернется, она захватит все население воюющих стран. На второй случай Штампфер считает образцовой и последовательной программу обороны французской республики, выработанную Поль Бонкуром, ибо «она устанавливает обязанность участвовать (в обороне) по силе и способностям для всех без различия пола». Военная программа германской социал-демократии, скромничает Штампфер, не делает таких последних выводов, ибо это «не программа-максимум, а *программа-минимум военной политики*».

И Штампфер совершенно прав—программа, рассчитанная на вооружение каких-нибудь 100.000 солдат рейхсвера и 6 крейсеров в 10.000 тонн,—это скромный минимум для оперяющегося германского неоимпериализма и социал-империализма. Надо надеяться, что, когда силы германского неоимпериализма это позволят, например, после отмены Версальского договора, а с ним и военных ограничений для Германии, или еще раньше, когда это понадобится локарнским державам для нападения на СССР, немецкие социал-пацифисты поневоле охотно перепишут военную программу-минимум и превратят ее в военную программу-максимум, еще более последовательную, чем бонкуровская программа обороны Французской республики.

Штампфер подымается до поддельного и предельного пафоса, на какой только способно перо редактора «Форвертса», когда он комментирует пресловутый пункт о защите нейтралитета Германии. Это место в программе

гласит, что военная политика империалистических и фашистских государств грозит контрреволюционными интервенциями и новыми войнам, в которых Германия может быть использована как проходная зона и вовлечена против воли в кровавые осложнения. Пока существуют такие опасности, германская республика-де вынуждена сохранить свою военную силу, чтобы защитить свой нейтралитет и самоопределение своего народа. Штампфер авторитетно раз'ясняет, что в этом—гвоздь программы и что он направлен всем своим острием против контрреволюционных интервенций в СССР. На этом основании Штампфер клеймит с деланным негодованием «идиотскую выдумку» (Blödsinn) коммунистов, будто германская соц.-демократия за войну против СССР. Версию Штампфера поддерживают и другие комментаторы, например, Гаубах и Тони Зендер. Послушать их, выходит, что военная программная комиссия германской соц.-демократии только и пеклась, что о соблюдении невинности Германии, чтоб Германия не была изнасилована и вовлечена против воли в антисоветскую войну. Это же настоящее зрелище для богов: Штампфер и К° в роли защитников СССР от контрреволюционных интервенций!

3. Меморандум Гренера.

Бедняги не знали, что через две недели антисоветский секретный меморандум генерала Гренера, одобренный соц.-демократическими министрами, станет достоянием гласности. Любопытно, что могут сказать Штампфер и другие «советолюбы» в этом положении, которое хуже... идиотского. Как они будут комментировать пунктик Гренера (и стало быть, Гильфердинга и Мюллера), что броненосцы должны «нейтрализовать превосходство даже крупных боевых судов России». Не скажет ли г. Штампфер, что эта нейтрализация советского флота нужна... для защиты СССР от контрреволюционных интервенций? Но это было бы не просто, а сверх-идиотством. У Штампфера оставалось два выхода: либо молчать, либо прокомментировать пунктик Гренера—Гильфердинга в том смысле, что броненосцы должны нейтрализовать превосходство советского флота в случае нападения СССР на Германию. Это был бы, конечно, не только идиотский, но и подлый комментарий. Но... на ряду с этими двумя качествами этот комментарий обладал бы по меньшей мере тем достоинством, что он находился бы в полном согласии с бесчисленными идиотски-подлыми передовицами Штампфера, которые должны доказать недоказуемое, будто СССР и Коминтерн готовят всемирную войну для развязки всемирной революции. Такой комментарий имел бы еще одно достоинство: он доказал бы, что когда генерал Гренер писал свой меморандум, он вдохновлялся не только передовицами Штампфера, но и «знаменитыми» брюссельским манифестом и речью О. Бауэра, в которых доказывается, будто программа Коминтерна есть теория пессимизма, связывающая все надежды на мировую революцию с новой всемирной войной... подготовляемой СССР. Там, где Бауэр аргументирует против СССР и программы Коминтерна жалкими австро-марксистскими софизмами, германская социал-демократия, за спиной которой стоит бравый генерал Гренер, аргументирует жалкими броненосцами (в какие-нибудь 10.000 тонн). Впрочем, у г. Штампфера и его хозяев может быть утешение, что в случае интервенции в СССР, на помощь жалким софизмам О. Бауэра и жалким броненосцам германской социал-демократии придут куда более убедительные аргументы в виде комбинированных усилий морского и воздушного флота Англии и Франции, безразлично, будут ли к тому времени Макдональд и Бонкур (или Ренодель) в правительстве или в «оппозиции».

Из двух возможных выходов Штампфер предпочел выбрать первый и... помолчать. На «случай Гренера» «Форвертс» откликнулся неподписанной передовицей под заглавием «Шум вокруг Гренера», в которой тщательно анализируется немецко-франко-польская проблема, но ни звука нет о германо-советской проблеме. Передовик «Форвертса» доказывает, что, собственно, никакой сенсации меморандум Гренера не содержит: в нем-де нет никаких военных тайн или агрессивных планов. Правда, там идет речь о возможности сооружением 4-х броненосцев воссоздать превосходство Германии на Балтийском море и таким образом задушить в самом зародыше какие бы то ни было нападательные планы Польши. Но «Форвертс» не согласен в этом вопросе с генералом Гренером и журит его за увлечение в переоценке боевых возможностей проектируемого германского флота—и по целому ряду соображений: во-первых, Германия скована ограничениями Версальского договора и не может поэтому состязаться в морских вооружениях со своими соседями; во-вторых, из 4-х проектируемых броненосцев в постройке находится только один; в-третьих, вряд ли когда-нибудь рейхстаг ассигнует средства на остальные броненосцы. Вывод отсюда: Польша и Франция не должны брать всерьез меморандум Гренера и отвечать на него расширением своих программ флотского строительства. Народы Германии, Франции и Польши, глаголет «Форвертс», нуждаются в мире. А для этого необходимо ограничить вооружения держав-победительниц. «Германская социал-демократия борется против нового флотского строительства (?—*С. Н.*). Она за то, чтобы Германия в своих вооружениях спустилась даже ниже (ограничений?—*С. Н.*) Версальского договора. Но она убеждена, что решающее в вопросах разоружения должна сделать не Германия, и так разоруженная, а тяжело-вооруженная другая сторона»[1]).

Как угодно, но эта передовица ниже редакторского таланта г. Штампфера—так грубо она сработана. 14 ноября 1928 г. с.-д. фракция рейхстага голосовала против опубликования меморандума Гренера, как содержащего военные тайны, по заявлению г. Мюллера,—теперь же оказывается, что в нем нет никаких военных тайн. В официальном проекте военной программы нет ни звука против постройки броненосцев—теперь же «Форвертс» уверяет своих читателей, что германская соц.-демократия против нового флотского строительства. В том же проекте говорится, что «германская социал-демократия не признает обязательства германской республики исчерпать навязанные ей версальским договором нормы вооружения безотносительно к их политической и военной целесообразности»,—а «Форвертс» утверждает, будто германская социал-демократия уже стоит за снижение этих норм (а это совсем, совсем другое, ибо одно дело отказ от обязанности, а другое—от права исчерпать эти нормы). Левонастроенная участница военной комиссии Тони Зендер рассказала на страницах «Гезельшафт», что комиссия отвергла ее поправку, требовавшую, чтобы Германия по доброй воле свела свои вооруженные силы ниже ограничительных версальских норм[2]). Наконец, самое главное: в комментарии Штампфера к военной программе утверждается, что Германии нужна вооруженная сила для защиты своего нейтралитета в случае контрреволюционной интервенции в СССР, а здесь, в специальной передовице о меморандуме Гренера, одобренном 4 с.-д. министрами, нет ни слова о самом пикантном тезисе, что броненосцы «должны нейтрализовать превосходство даже крупных судов России». Г. Штампфер должен ответить германским с.-д. рабочим на следующие вопросы: 1) почему «Форвертс» обходит этот скандальный тезис, как вор место последней кражи? 2) Для чего нужна «нейтрализация» советского флота: для защиты германского нейтралитета, для борьбы с контрреволюционной интервенцией в

[1]) Alarm um Groener, «Vorwärts», 20/I 1929.
[2]) Tony Sender, «Kritik an den Richtlinien der Wehrpolitik», «Gesellschaft», 1929, II, S. 118.

СССР, или же для помощи контрреволюционным интервентам в их нападении на СССР? Штампфер должен «об'яснить», на каком основании он утверждает, что в меморандуме Гренера нет агрессивных, наступательных планов, когда в тексте, опубликованном в «Форвертсе», сказано весьма многозначительно, что Германия обязана «суметь защитить свои многосторонние экономические и культуриые интересы, лежащие также и за немецкой границей»? [1]. Не есть ли это открытое, цииичное признание воли к войне, к захватнической, империалистической, наступательной войне? Не об'яснит ли г. Штампфер, как он с Гренером собираются вести оборонительную войну для защиты немецкого нейтралитета за... немецкой границей?

Мягко выражаясь, передовица «Форвертса» стоит в кричащем противоречии с общеизвестными фактами и документами. Вся эта грубая стряпня из прямой лжи и умолчаний об истиие понадобилась, чтобы заглушить «шум вокруг Гренера» (весьма и весьма компрометирующий растленную германскую социал-демократию), выставить бравого генерала чем-то средним между увлекающимся военспецом и невинным пацифистом и, самое главное, взять под защиту военную программу геиерала Гренера чисто иезуитским приемом, а именио: мнимым доказательством... ее иереальности. Как бы г. Штампфер ни изворачивался, иикакими иезуитскими ухищрениями ему не удастся опровергнуть тот факт, что в навороченой им путанице и куче противоречий историческая и логическая иить ведет от меморандума Гренера к военной программе германской социал-демократии и к комментарию Штампфера, а от них сиова к мемораидуму Гренера и его агрессивной военной программе.

Буржуазно-соц.-демократическая коалиция имеет свою логику, которая с принудительной властью заставляет служить себе грубую и лживую софистику растленного редактора растленного центрального органа растленной германской социал-демократии. Тождество воеиных программ Гренера и гермаиской социал-демократии простирается не только иа их общую тенденцию—на восстановлеиие военной мощи германского империализма, но и на частности «оборонительной» аргументации в меморандуме Гренера и в комментарии Штампфера к социал-демократической программе. У обоих повторяются одни и те же аргумеиты «оборонительиой» идеологии: Германии нужна вооруженная сила для обороиительной войиы, для защиты нейтралитета, для охраны границ и т. д. и т. п., ио, упаси боже, не для наступательной войиы. Единственная «разница» в том, что Гренер в секретиом меморандуме открыто говорит о «нейтрализации» советского флота и защите немецкого иейтралитета за... иемецкой граиицей, а Штампфер и К° в передовицах «Форвертса», конечно, не смеют сказать это вслух, не рискуя вызвать возмущеиие всех германских рабочих и социал-демократических в том числе.

Лишь через полтора месяца, когда «случай Гренера» обсуждался в рейхстаге, по интерпелляции коммунистической фракции, гг. Мюллер и Штампфер изволили высказаться по вопросу об аитисоветском содержании мемораидума. Рейхсканцлер и шеф-редактор «Форвертса» с одинаковым бесстыдством взяли под свою защиту Гренера, утверждая, что в его меморандуме не содержится никаких агрессивиых планов против СССР, ни каких бы то ии было планов вооружения, ибо при постройке броненосца А речь идет только о замещении устаревших судов [2]).

Не только «Форвертс», но даже «Лейпцигер Фольксцейтуиг», понимающая, что меморандум Гренера есть открыто выражениая воля к империалистической войие, тщательно обходит антисоветские места этого меморандума. «Лейпцигер Фольксцейтунг» расценивает меморандум Гренера, как иевольный вклад «для выяснеиия позиции социал-демократии в военной проблеме». «А имение в том смысле, что ои показывает неуклонным защитникам позитивной военной политики (т.-е. официальиой военной программы.—*С. Н.*), как они прямым путем стремятся в об'ятия Гренера, а с ними и к иовой империалистической войне» (разрядка автора. *С. Н.*) [1]). Передовику «Л. Ф.» не приходит только в голову, что, умалчивая об антисоветском заострении гренеровского меморандума, он вместе со всей левой соц.-демократией ковыляет вдогонку за Штампфером и К° «прямым путем в об'ятия Гренера, а с ним к новой империалистической войне» против СССР!

Председатель берлиитской с.-д. организации, тоже «левый», Кюнстлер, высказался в комиссии при окончательном голосовании против проекта на том основании, что, по его мнению, вооруженные силы можио ограничить минимумом, необходимым для «защиты границ» [2]). Правый с.-д. Лебер, член программной комиссии, очень хорошо возразил, что разница между открытыми сторонниками защиты отечества и стыдливыми «защитниками границ» та, что одни хотят защитить границы государства, а другие—государственные границы [3]). Это сказано не в бровь, а в глаз. Действительно, стыдливый оборонец Кюнстлер ничем другим не отличается от бесстыдного социал-патриота Штампфера. Любопытно, что даже Каутский может позволить себе роскошь такой левизны. Он считает кавалерию и флот роскошью. Для защиты границ достаточно, по его мнению, одного рейхсвера. Он, так сказать, «сухопутный» оборонец, тогда как Штампфер и К° готовы оборонять любезное отечество Гинденбурга на суше, на воде, под водой и в воздухе, т.-е. во всех стихиях.

(Окончание следует).

---

[1]) Groeners Geheime Flottondenkschrift, «Vorwärts», 16/I 1929.
[2]) Panzerkreuzerdebatte, «L. V.» 27/II 1929.

[1]) Der Wille zum Krieg, «L. V.», 16/I 1929.
[2]) Künstler, Grenzschütz genügt, «Vorwärts» 3/I, 1929.
[3]) Leber, «Zur Klärung der Wehrhaftigkeit», Gesellschaft», 1929, II, S. 128.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ (ЕЕ СУЩНОСТЬ, ПУТЬ И ЦЕЛЬ)». Берлин, 1928, стр. 192.

„Wirtschaftsdemokratie (ihr Wesen, Weg und Ziel)". Berlin, 1928 s. 192.

Наличия кризиса буржуазной демократии почти никто из буржуазных теоретиков не отрицает. И современные либералы и социал-демократы одинаково ретиво ищут путей к преодолению этого кризиса. Из среды современных либералов несется тоскующий вопль о новом содержании для демократических понятий. Это содержание ищут повсюду: вновь заглядывают в природу человека, еще раз проверяют систему воспитания, пачками составляют проекты реформ той или иной стороны государственного устройства и управления, мечтают о возвращении старых, «домонополистических» времен, тоскуют по «неиспорченным» нравам и стойкой морали. В поисках мероприятий по преодолению кризиса буржуазной демократии напрасно бьется худосочная мысль современных буржуазных теоретиков. На помощь им спешат услужливые теоретики из социал-демократического лагеря.

Новое содержание для опустошенной демократии найдено. Это—хозяйственная демократия. Нужно сказать, что это понятие социал-демократами взято целиком из арсенала немецкой демократической партии, которая выдвинула хозяйственную демократию, как панацею от всех зол, в своих листовках при выборах в Национальное Собрание (1919 г.). Бессилие современного либерализма сказалось в том, что сам он оказался неспособным полностью использовать свое «открытие». Историческая миссия социал-демократов выразилась в ретивом проведении платформы демократов. Они расчистили себе таким образом почву для постоянного сотрудничества с буржуазией. Теоретически это выразилось прежде всего в смягчении учения о классовой борьбе, в признании солидарности классов. В настоящей книге [1]), подводящей итоги хозяйственной демократии к Гамбургской профсоюзной конференции, эта теория солидарности классов нашла свое лапидарное выражение в определении государства. «Государство,—пишут теоретики социал-демократов,—есть воплощающая общую волю общественная организация, стоящая над всеми другими отдельными публичными об'единениями» (15). Здесь, как в капле воды, отразилось все теоретическое предательство социал-демократов. Все современные буржуазные атрибуты государственности (народный суверенитет, общность интересов всех публичных об'единений, подчинение личности (!) государству и т. д.)—вошли в теорию государства немецкой социал-демократии. Последняя отмечает это с гордостью, считая особенным достижением в своей теории разрешение проблемы взаимоотношений личности и государства (18). Классовая борьба заменена целиком борьбой индивидуума и общества! Итак, нет никаких различий между современным либералом и социал-демократом.

---

[1]) Эта книга написана несколькими авторами с.-д. под общей редакцией Нефтали.

Эта замена произведена на «научном основании». Социал-демократические теоретики действуют во всеоружии знаний о развитии капитализма. История развития капитализма дает основу для такой замены. Раньше,—рассуждают авторы «Wirtschaftsdemokratie»,—в период свободной конкуренции капитализм был неорганизованным. В это время было безнадежно и бесцельно думать о том, чтобы изменить капиталистические отношения постепенно, под сенью «деспотии капиталистической системы». Наиболее правильное рассуждение в этот период: пусть «все остается так, как оно есть до насильственного переворота всего общественного порядка». В последующем, однако, выяснилось, что «капитализм сам по себе изменяется»; постепенно было установлено, что «капитализм, прежде чем он будет с л о м а н, может быть о б о й д е н (gebogen werden kann) кружным путем» (12, курсив авторов). Это—первая предпосылка для замены революционного марксизма современным либерализмом. Второй предпосылкой является следующий вывод: «Организованные усилия рабочего предпринимательства (Arbeitnemerschaft) означают значительные ограничения капиталистического произвола». Все это привело к тому, что «стало возможным ограничить капиталистическую деспотию и в известной мере обеспечить также свободу в хозяйственной сфере» (13). Так исторически вырос и окреп лозунг: «через демократизацию хозяйства к социализму!».

С этой точки зрения мимоходом разрешается вопрос и о диктатуре пролетариата. Во всей книге диктатуре пролетариата посвящено буквально несколько строк, при чем это понятие изображается, как «господство меньшинства пролетариата». Авторы книги уверены, что «теперь нет нужды серьезно спорить о том, что это (господство меньшинства пролетариата. *А. А.)* есть утопия, не разрешающая пребелмы. Каждая попытка провести разрешение проблемы таким образом (насильственным путем. *А. А.)* ведет к чудовищному уничтожению производительных сил и в конечном счете означает определенный проигрыш рабочего класса» (9). Так социал-демократические теоретики расправляются с диктатурой пролетариата. Пути к соглашению с буржуазией расчищены, и почва для пресловутой хозяйственной демократии распахана.

Что же представляет собой хозяйственная демократия? «Хозяйственная демократия,—отвечают на это авторы,—есть, с одной стороны, такой вид демократии, который дополняет политическую демократию, а с другой—это есть форма хозяйственной демократической конституции в противоположность хозяйственной автократии. Критика политической демократии устанавливает, что последняя одна ни в коем случае не является полной демократией, что она не означает окончательного освобождения трудящихся масс и что она, наконец, не устраняет наихудших форм эксплоатации. Но эта критика не ведет, однако, к отрицанию политической демократии. Наоборот, для развития хозяйственной демократии демократия политическая является необходимым исходным пунктом и неизбежной предпосылкой» (14). Итак, это, во-первых, дополнение, а, во-вторых, противопоставление. Дополнение идет по линии вливания нового вина (хоздемократии) в старые меха (политдемократии). Противопоставление означает не больше не меньше, как устранение господства... предпринимателей. «Демократизация хозяйства,—заявляют дальше с.-д.,—ведет к устранению всякого господства и к превращению руководящих институтов хозяйства из органов, обслуживающих интересы капиталистов, в органы, предназначенные для обслуживания интересов всего народа» (15). Так найден мирный путь для осуществления социализма в капиталистических условиях.

Но этим не ограничиваются теоретические выкладки глашатаев хозяйственной демократии. Гарантии мирного преобразования капитализма в со-

циализм они видят в изменившемся положении отдельного рабочего. Давно уже отошло в прошлое классическое время «свободного рабочего договора», соответствующего эпохе «свободной конкуренции». Если в этот период «отдельная личность полностью зависела от свободного рынка», то теперь наступило время «правовой защиты», коллективного напора на капиталиста со стороны профсоюзов. «Социальная история последнего столетия,—философствуют авторы книги,—наполнена борьбой рабочего класса за право коллективного волеобразования, гарантирующего право соучастия рабочих при регулировании и проведении вопросов заработной платы и условий труда на предприятиях и учреждениях. Это право соучастия на коллективной основе признано теперь законом. По статье 165 имперской конституции оно стало основным правом рабочего класса» (138). Необходимо отметить, что гарантию права соучастия авторы книги видят в изменении функций... собственности. Останавливаясь на историческом развитии собственности, они пишут: «Власть собственности отступает перед трудом. Если раньше собственность господствовала над людьми, как суб'ект, то теперь она потеряла это свое значение. В понятие вещи не входит больше понятие человека. Одновременно она потеряла все атрибуты, свойственные ей, как суверену. Однако, современное право собственности все еще остается частным правом. Все ее прежние публичные права перешли к государству. Осталось лишь одно социальное насилие. Теперь, однако, это насилие не является уже неограниченным» (139). Развитие идет «от суб'екта собственности к суб'екту права». Рабочий, бывший раньше «вещью», достигший затем положения личности, становится теперь через рабочее право человеком» (146). Право, оторвавшись от собственности, стало неразрывным признаком человека. В заключение самовлюбленные теоретики с.-д. восклицают: «Какое правовое преобразование: от рабства к организованным рабочим нашего времени!». И с этой точки зрения «хозяйственная демократия включает в себя два основных понятия: свободу и общность».

Довольно! Мы уже и так привели более чем достаточное количество выписок для характеристики идейного багажа с.-д., выступающей на спасение одряхлевшей буржуазной демократии. Содержание этого идейного багажа показывает, что вожди с.-д. продолжают углублять, развивать, дополнять и совершенствовать свою теорию предательства, оправдывая ее историческими справками и ссылками на изменившуюся обстановку. Больше того. Временами они даже пытаются еще сохранить видимость революционной фразеологии. Пара примеров. Анализируя современное состояние демократии, авторы пишут: «Ясно, что лозунг «буржуазной демократии» фальшив. Он фальшив потому, что для буржуазии демократия никогда не была идеалом и не является им в настоящее время. Только под нажимом борющегося пролетариата принуждена она удовлетворяться демократией» (9). Кивнув в сторону «лицемерной» буржуазии, авторы книги показали, что для них демократия, во-первых, идеал, а во-вторых, вполне удовлетворительная форма существования. В другом месте, описывая прогресс монополий при империализме, авторы не удержались от игривой «революционности». «Там,—заявляют они,—где регулирующая сила свободной конкуренции устранена, там для частнокапиталистического способа производства нет больше никакого оправдания» (56). Верно сказано. Но позвольте спросить, чем же занимаются сами авторы этих строк, как не оправданием «частнокапиталистического способа производства», который они берут под свою защиту против «насильственной революции».

Фактически содержание книги хорошо доказывает это положение. Монополии растут непрерывно. Государственная статистика Германии на 31 октября 1927 г. показывает, что 12.008 акционерных обществ об'единено

в 2.106 концернов, располагающих более чем 60% всех средств народного хозяйства. Даже с.-д., авторы книги, принуждены признать, что эти монополистические организации «не имеют в себе ничего общего с демократизацией хозяйства» (29). Очевидно, в этой области народного хозяйства нет никаких оправданий для «частнокапиталистического способа производства». Свою защиту монополий с.-д. мотивирует тем, что все это послужит «побудителем к развитию демократизации». Картина в действительности получается весьма ясная: вожди с.-д., подкормленные буржуазией, верят и ждут, а рабочие подвергаются локаутам, страдают от безработицы, впадают в нищету и вымирают от холода и голода.

Так обстоит дело с капиталистическими монополиями. Но у авторов книги есть еще в запасе так называемые некапиталистические предприятия. Сюда относятся государственные предприятия, товарищества и собственность профсоюзов (53). Как обстоит дело в этой области. Оказывается, империя, государства и общины перед войной имели в общей сумме немецкого народного хозяйства приблизительно 10%. К 1925 г. эта часть увеличилась до 20% (60). При чем $^5/_6$ этой суммы падает на разного рода сберегательные кассы, мобилизующие сбережения мелких вкладчиков в интересах крупного капитала, т.-е. современного немецкого империализма. Так, «некапиталистические предприятия» буржуазного государства обслуживают капиталистический мир, помогая его стабилизации и рационализации. Буржуазное государство выступает в роли главного организатора. Путем тарифов, через почту и телеграф оно помогает крупной буржуазии освободиться от тяжести репарационных платежей и поднять еще к тому же норму и массу своей прибыли. Нет необходимости останавливаться на активной роли с.-д. вождей во всем этом грандиозном издевательстве.

Демократизация хозяйства,—утверждают авторы книги,—идет не только путем усиления роли государства в хозяйственном процессе, но и путем участия рабочих в управлении промышленностью. Смехотворность и надувательство этого утверждения доказывают цифры самой книги. В угольной промышленности в комиссии из 21 человека—7 представителей от рабочих и служащих; в калийной промышленности в совете на 30 человек — только 9 человек представителей рабочих и служащих (39—40). Остальные—фабриканты, финансисты, спецы. Но более любопытным является то, чем занимаются эти комиссии и советы. На поверку оказывается, что они занимаются, во-первых, рационализацией, во-вторых, еще раз рационализацией и, в-третьих, установлением цен (43). Авторы книги, стыдливо описывая задачи комиссий, принуждены, вздыхая, отметить: «представители рабочих и служащих, работающие в органах самоуправляющихся корпораций, несмотря на то, что они не могли достигнуть еще (!) общехозяйственных целей, все же научились рассматривать задачи практического руководства хозяйством с точки зрения интересов всего народа» (52). Это все. Думается, что это «все» хорошо говорит само за себя, и во всяком случае не в пользу хозяйственной демократии и ее творцов, с.-д. Не даром на решения гамбургского с'езда профсоюзов, подчеркнувшего «неразрывную» связь между хозяйственной демократией и социализмом, предприниматели Рейна ответили локаутом ¼ миллиона металлистов. Они имели для этого не только право по конституции, но и силу фактического господства.

Все убожество достижений «хозяйственной демократии»—этой об'единенной программы современного либерализма и социал-демократии—показывают 12 требований, выставленных авторами книги в качестве «основных» мероприятий по превращению капитализма в социализм. В числе этих 12 требований (177—179) входят: создание паритетного представительства рабочих, служащих и предпринимателей во всех предприятиях, обеспечение пра-

фабрично-заводских советов, преобразование рабочего права, охрана материнства, реформа самоуправляющихся предприятий, борьба с монополией образования и т. д. Мы привели это перечисление для того, чтобы показать бедность и утопичность конкретной программы с.-д. На самом деле, что может означать требование «борьбы с монополией образования», когда высшая школа целиком захвачена реакционными профессорами, когда материальная часть подготовки научных работников находится полностью в руках католической партии (центра), когда в школах царит антисемитизм, поощряемый учителями, когда, наконец, сама конституция разрешает и охраняет систему привилегированного и религиозного образования.

Выводы: хозяйственная демократия—общая платформа современного либерализма и социал-демократии—покоится на тощих теоретических предпосылках и приводит на деле к укреплению монополистического капитализма, на службу которому ставятся массы мелкой буржуазии и некоторых слоев пролетариата, увлеченных надеждами на мирное демократическое преобразование капитализма в социализм.

А. Ангаров.
